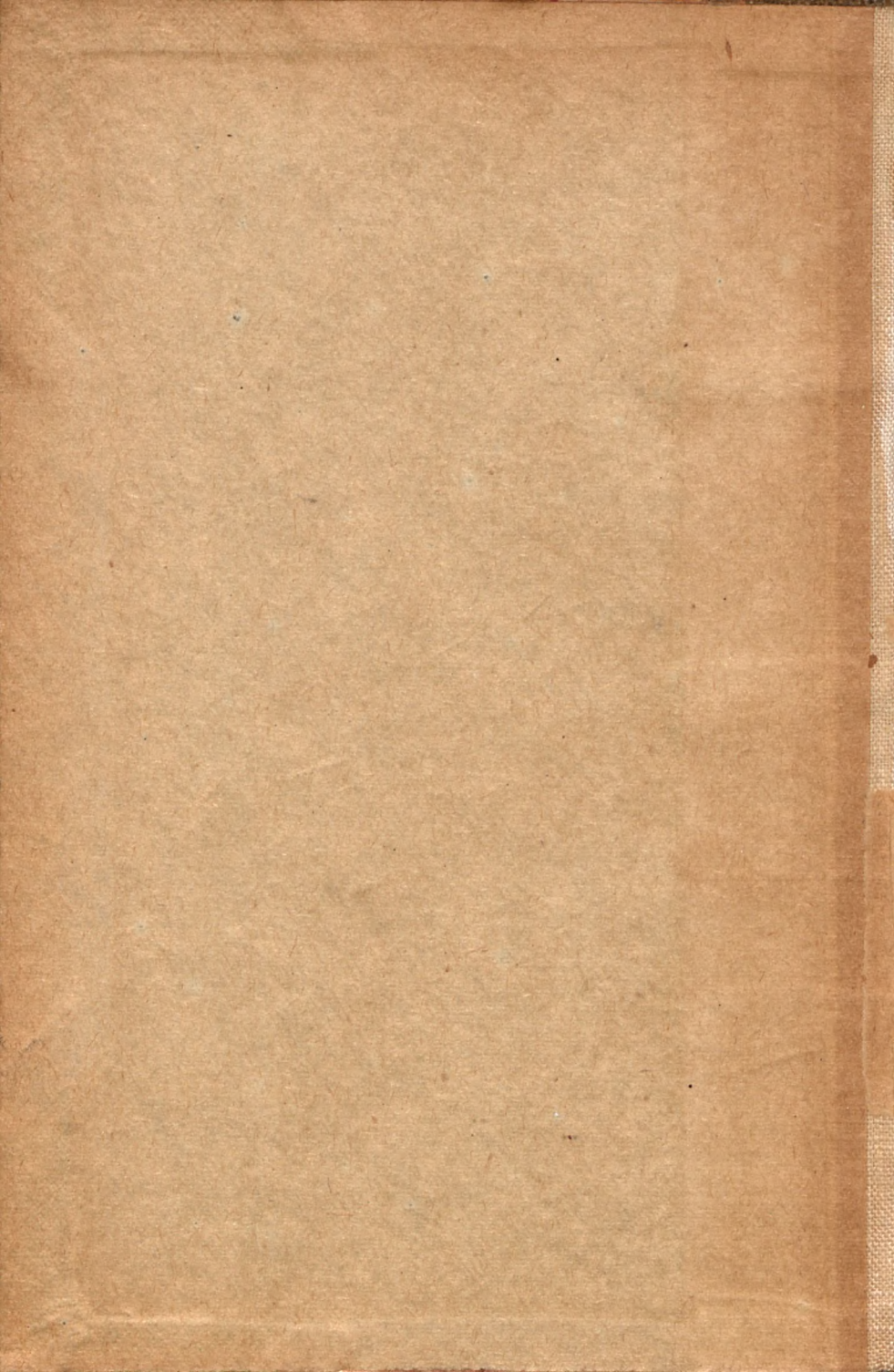
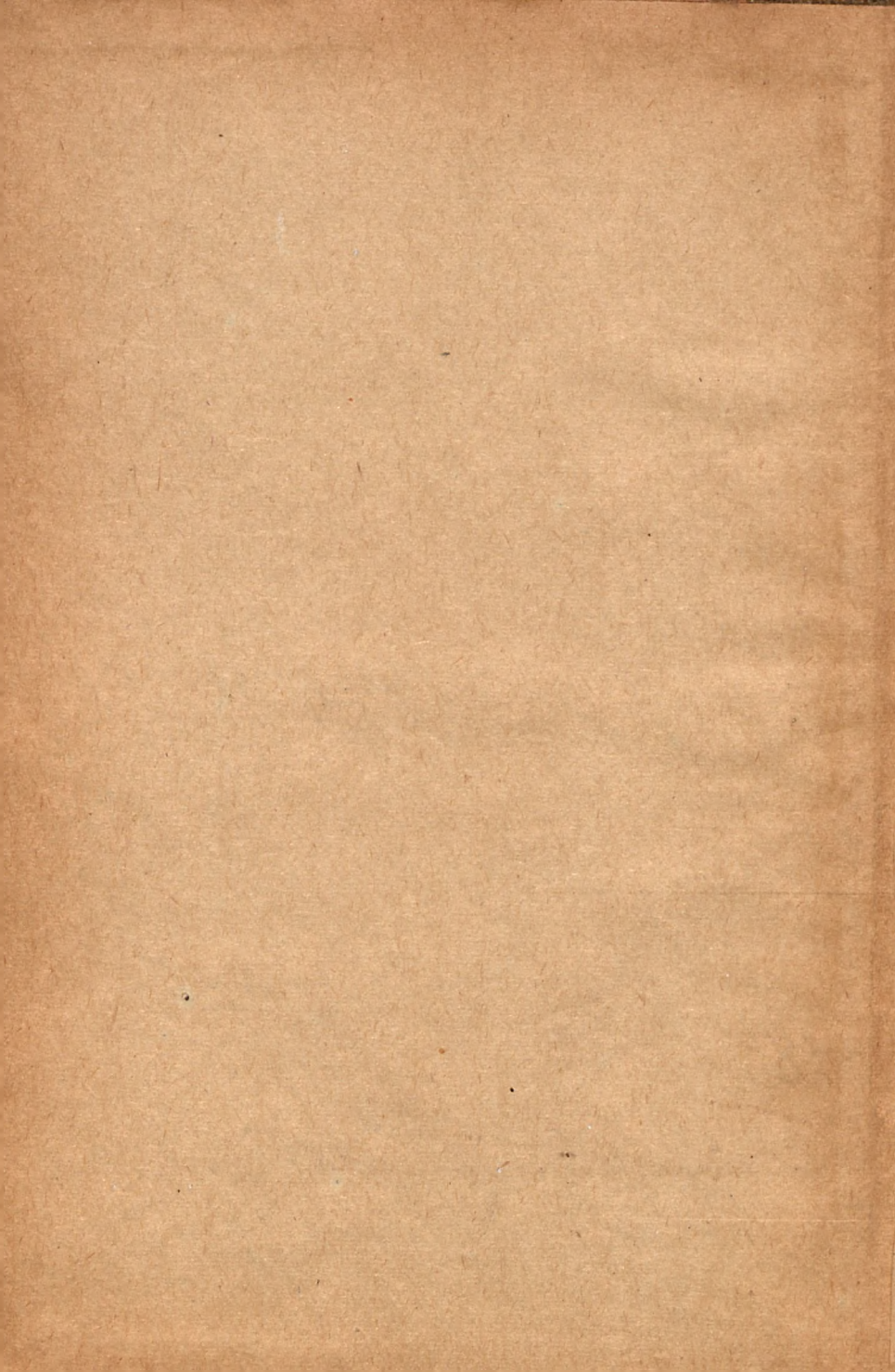

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

18194 | i

ПРИХОДСКАЯ **Б**ИБЛИОТЕКА.

453

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

(ПРИРОДА СТРАНЫ, НАСЕЛЕНИЕ И ЕГО ПРОМЫСЛЫ).

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

СѢВЕРНЫЙ КРАЙ.

СОСТАВИЛЪ

И. Поддубный.

РЕДАКЦІЯ

И. Шемякина.

МОСКВА.

ул. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ.

1894.

18194
B. P. im. L.

1000084394

2852024
166408

ПРИХОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА. ✓

453

Русская земля

(природа страны, население и его промыслы).

СБОРНИКЪ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

18194

Томъ I-й.

СЪВЕРНЫЙ КРАЙ.

СОСТАВИЛЪ

И. Поддубный.

РЕДАКЦІЯ

В. И. Шемякина.

МОСКВА.

Типографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Д. Сытина.

1894.

324100

LUBLIN

im. H. ŁOPACIŃSKIEGO

324100 | 1

910.4 (w7+59)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ всякому человѣку дорога семья, его вскормившая, и мѣсто, среди котораго онъ выросъ, такъ дорого же ему должно быть и общество, къ которому онъ принадлежитъ, и то государство, гдѣ ему приходится дѣйствовать. Свою родину каждый знаетъ потому, что съ дѣтскаго возраста ее изучаетъ. Какъ же узнать всю страну, все государство?—Или самому нужно путешествовать или со словъ другихъ. Но для перваго нуженъ досугъ и деньги, а у человѣка трудящагося въ этомъ-то и есть недостатокъ; тогда остается одно—читать описанія разныхъ уголковъ нашей страны, выбирая наиболѣе правдивыя и вѣрно составленныя. Главная цѣль нашего сборника—доставить человѣку грамотному возможность безъ большихъ затратъ, въ часы досуга, познакомиться хотя въ небольшихъ статьяхъ съ русскою землею—ея природою, населеніемъ и промыслами. На прилагаемой картѣ всякій читающій статью можетъ найти тѣ мѣста, которыя упоминаются въ книгѣ.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ КРАЙ.

„Архангельскій“ край лежитъ на самомъ сѣверѣ Европейской Россіи, прилегаетъ къ Бѣлому морю и Ледовитому океану и называется такъ по городу Архангельску, стоящему при впаденіи Сѣверной Двины въ Бѣлое море. Не гостепріимень этотъ край по своей природѣ, но много въ немъ богатства въ пушномъ и морскомъ звѣрѣ и рыбѣ. Не мудрено поэтому, что, несмотря на суровый климатъ, онъ манилъ къ себѣ съ давнихъ временъ нашихъ предковъ.

Первыми проникли сюда предпріимчивые новгородцы, еще во времена своего вѣчевого управленія. Скудная и суровая природа ихъ родины, посылая слишкомъ часто голодные годы, заставила ихъ искать другихъ, сверхъ земледѣлія, занятій. Выгодная торговля пушнымъ звѣремъ завлекла ихъ въ сѣверные дремучіе лѣса. Они селились также по берегамъ рѣкъ, богатыхъ рыбой, строили слободы и постепенно подвигались дальше на сѣверъ. Ничто ихъ не останавливало: ни зыбучія болота, ни непроходимые лѣса. Мѣстное же населеніе было настолько малочи-

сленно и беззащитно, что не могло оказывать имъ сопротивленія.

Рѣки были ихъ дорогами, а исконное ремесло плотничье пригодилося для постройки судовъ. Увлеченные привольемъ моря и богатствомъ промысловъ, они же первые проникли на крайній сѣверъ Лапландіи и основали тамъ въ 1264 году на берегу Ледовитаго океана самое сѣверное селеніе Архангельской губерніи—*Колу*. Подвигаясь такимъ образомъ впередъ, новгородцы завладѣли всѣмъ сѣверомъ и обложили данью кочевавшія тамъ племена. Дань эта состояла изъ дорогихъ шкуръ и доставляла Новгороду большія богатства.

Около 450-ти лѣтъ тому назадъ на пустынный островъ Бѣлаго моря „Соловки“ прибыли святыя подвижники, преподобные Зосима, Савватій и Германъ. Ихъ богоугодные подвиги привлекли на островъ многихъ набожныхъ людей, и устроился тамъ монастырь *Соловецкій*, обратившій скоро на себя вниманіе благодетельныхъ царей и бояръ. На поминъ души дѣлали они богатые вклады въ этотъ монастырь, дарили ему цѣлыя селенія съ землями и крестьянами. Много и вольныхъ земледѣльцевъ и иныхъ рабочихъ людей записывалось за Соловецкій монастырь, потому что съ иноками имъ легче было сойтись, чѣмъ съ боярами, да и духовное утѣшеніе влекло ихъ туда. Шли на монастырскую работу и „по обѣту“, т. е. давъ обѣщаніе при какой-нибудь опасности послужить святымъ Зосимъ и Савватію, если Богъ оставитъ въ живыхъ; а на Бѣломъ морѣ да Ледовитомъ океанѣ смерть грозитъ на каждомъ шагу, поэтому и въ даровыхъ работникахъ изъ мѣстныхъ жителей въ монастырь не-

достатка не было. И съ каждымъ годомъ росли средства монастыря, и сталъ онъ на дальнемъ сѣверѣ богатымъ владѣльцемъ. На свои деньги строилъ онъ тамъ крѣпости (остроги) и содержалъ въ нихъ ратныхъ людей; всю защиту сѣвернаго края отъ недруговъ принялъ монастырь на себя и съ честью выполнялъ эту не легкую обязанность. Велика была ревность монастыря и въ распространеніи вѣры Христовой среди язычниковъ сѣвернаго края.

Въ царствованіе Ивана Грознаго, въ 1553 году, англійское судно, плывшее по Ледовитому океану подъ начальствомъ капитана Ченслера, было занесено бурей въ Двинскую губу Бѣлаго моря. Ченслеръ долженъ былъ здѣсь остановиться и отправился въ Москву, къ царю на поклонъ. Царь, давно желавшій завести торговья сношенія съ иностранцами, очень обрадовался пріѣзду англійскаго капитана, обласкалъ его и даровалъ иностранцамъ право свободной безпошлинной торговли съ Россіей. Съ этой поры Двинская земля стала быстро богатѣть. Главнымъ торговымъ городомъ сдѣлались *Холмогоры*. Процвѣтанію его много способствовала близость моря и судоходной рѣки Двины, а также богатство его окрестностей торговымъ матеріаломъ (мѣха, ленъ, пенька и др.). Англичане выстроили тамъ нѣсколько домовъ и завели прядильную фабрику.

Городъ Архангельскъ въ это время еще не существовалъ, а былъ на томъ мѣстѣ только Архангельскій монастырь и близъ него выстроенный англичанами гостинный дворъ.

Въ 1584 году вокругъ монастыря и находившихся вблизи него строеній построена была стѣна, и новый

городъ былъ названъ *Архангельскимъ городомъ*. Вскорѣ въ этотъ городъ перешла вся холмогорская торговля. Понаѣхали затѣмъ сюда купцы изъ Москвы, Ярославля и другихъ городовъ; сюда же стали съѣзжаться промышленники съ Мурмана, Терскаго берега и изъ другихъ мѣстъ.

Но особенное значеніе пріобрѣлъ Архангельскъ въ началѣ царствованія Петра Великаго. Мудрый царь понималъ, какъ много пользы можетъ принести морская торговля съ иностранными государствами, а такъ какъ въ то время Россія владѣла только однимъ Бѣлымъ моремъ, и Архангельскъ былъ самымъ важнымъ для торговыхъ сношеній мѣстомъ, то Петръ Великій и обратилъ на него свое вниманіе: уменьшилъ пошлины, даровалъ льготы, началъ заводить на Бѣломъ морѣ торговый флотъ, научилъ народъ постройкѣ кораблей. Появились заводы: лѣсопильные, канатные, желѣзные и другіе. Явились опытные моряки, для обученія которыхъ открыты были школы ремесленные и морскія. Торговля на Бѣломъ морѣ начала процвѣтать. Ежегодно стало приходиться 100—150 кораблей. Цѣнность привознаго и отпускнаго товара составляла около полутора милліона рублей.

Но когда завоевалъ Петръ Великій у Шведовъ берега Финскаго залива, и на берегахъ Невы возникъ новый городъ — Петербургъ, то, желая усилить торговлю на Балтійскомъ морѣ, онъ повелѣлъ всѣмъ торговцамъ возить двѣ трети товаровъ въ Петербургъ и только одну треть въ Архангельскъ. Съ тѣхъ поръ торговля Архангельска стала падать и жители того края бѣднѣть.

Послѣ смерти Петра Великаго до Екатерины II обл.

Архангельскѣ совсѣмъ было позабыли. Екатерина II снова оживила Архангельскій край, даровавъ многія льготы и выгоды для тамошняго купечества. Торговля стала опять расширяться, особенно со времени прорытія соединительныхъ каналовъ по пути отъ Сѣверной Двины къ Волгѣ, когда приволжскія губерніи вошли въ сообщеніе съ краемъ; но прежняго своего значенія она уже никогда не достигала.

Лѣсная полоса.

Если ѣхать въ Архангельскій край съ юга, то прежде всего вѣзжаешь въ обширную лѣсную полосу. Деревья здѣсь только хвойныя: сосна, ель, пихта, лиственница. Лѣса эти, занимающіе необозримыя пространства, поражаютъ своимъ необыкновеннымъ однообразіемъ. Цѣлыя сотни верстъ, напримѣръ, тянется одинъ какой-нибудь видъ сосны или ели, не мѣшаясь ни съ какимъ другимъ лѣсомъ. Однообразіе лѣса такъ велико, что даже и привыкшіе къ нему крестьяне нерѣдко сбиваются съ пути. Лѣса эти составляютъ главное богатство Архангельскаго края: но, къ сожалѣнію, много добра гибнетъ даромъ отъ лѣсныхъ пожаровъ: не проходитъ рѣшительно ни одного года, чтобы не было большого лѣсного пожара, а тушить его тамъ нѣтъ никакой возможности, какъ по обширности лѣса, такъ и по отдаленности селеній. Пожары происходятъ отъ молніи, отъ огня, разведеннаго звѣроловами, отъ выжиганія новины,

Страшно смотрѣть на хвойный лѣсъ, когда онъ горитъ. Пламя волнами хлещетъ отъ одного дерева къ другому, быстро перебѣгаетъ по хвоѣ, обвиваетъ разомъ смолистую кору и стремится все дальше. Дымъ на нѣсколько десятковъ верстъ, какъ черная туча, застилаетъ небо. Несмотря однако на такія опустошенія, лѣсовъ все-таки въ томъ краѣ еще очень много.

Главное занятіе жителей лѣсной полосы — охота. Охота въ этомъ краѣ не забава, не развлеченіе, а тяжелый промыселъ. Гдѣ и чѣмъ заработаетъ себѣ иначе крестьянинъ на хлѣбъ, который здѣсь очень плохо родится? Главнымъ предметомъ промысла служатъ бѣлки, зайцы, медвѣди, олени и рябчики.

Несмотря на обширность лѣсовъ, не всегда однако можно встрѣтить тамъ достаточно добычи. Иной годъ соберется ея много, а то вдругъ совѣмъ исчезнетъ. Въ одномъ только нѣтъ недостатка у жителей лѣсной полосы — это въ *медвѣдяхъ*. Въ лѣтніе мѣсяцы, когда крестьяне заняты сѣшными полевыми работами и не могутъ охотиться, медвѣди становятся необыкновенно смѣлы и губятъ много скота. Они не прочь также полакомиться рябчиками и потому частенько очищаютъ отъ нихъ силки, поставленные охотниками. Замѣтивъ это, крестьянинъ высматриваетъ тропинку, которая ведетъ къ его силкамъ изъ частаго ельника, и вѣшаетъ на пути крѣпкую веревочную петлю такъ, чтобы нижній конецъ ея не доставалъ до земли вершковъ на шесть; другой конецъ петли привязывается къ крѣпкому дереву. Какъ только просунетъ медвѣдь голову въ эту петлю, такъ уже ни за что изъ нея не высвободится,

хотя для этого ему стоило бы только сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, но онъ объ этомъ не догадывается.

Главный промыселъ на медвѣди бываетъ зимой, по преимуществу въ февралѣ, въ то время, какъ снѣгъ уляжется настолько, что можно ходить на лыжахъ. На этотъ промыселъ крестьяне выходятъ всегда съ винтовкой, топоромъ и рогатиной у каждаго.

Разыскавъ берлогу и убѣдившись, что медвѣдь не ушелъ изъ нея, охотникъ вырубаютъ небольшую кудрявую елку и затѣмъ стрѣляетъ въ маленькое отверстіе, чрезъ которое выходитъ изъ берлоги паръ отъ медвѣдя. Послѣ выстрѣла онъ бросаетъ винтовку, а елку верхушкой впередъ всовываетъ въ отдушину и, схвативъ рогатину, ожидаетъ боя. Пробужденный отъ спячки медвѣдь бросается къ отверстию, но, наткнувшись на елку, хватаетъ ее и старается втащить къ себѣ. Но чѣмъ болѣе онъ ее втягиваетъ, тѣмъ болѣе елка оказываетъ сопротивленія, задерживаясь крѣпкими сучьями. Взбѣшенный медвѣдь мечется ужасно, и наконецъ показывается его шуба, обсыпанная снѣгомъ. Въ тотъ же мигъ охотникъ вонзаетъ въ него свою рогатину и изо всей силы прижимаетъ его къ землѣ. Охота обыкновенно оканчивается удачно. Съ убитаго медвѣдя тотчасъ же сдираютъ шкуру и снимаютъ сало, употребляемое какъ лѣкарство въ случаѣ отмораживанія; мясо же оставляютъ на мѣстѣ.

Тяжела охота на медвѣдя, а промыслить оленя еще труднѣе. Иди на медвѣдя, крестьянинъ по крайней мѣрѣ знаетъ, сколько времени продлится его отсутствіе. Но иди за оленемъ, на вопросъ: „куда и на долго ли?“

онъ отвѣтитъ: „Богъ вѣсть, — куда поведутъ!“ Все зависитъ отъ случая. Однако ни трудности, ни опасности не останавливаютъ охотника, и онъ десятки верстъ преслѣдуетъ оленя, зная, что въ случаѣ удачи обезпечить себя и семью свою кускомъ хлѣба.

Охота на оленей обыкновенно бываетъ осенью, какъ только выпадетъ снѣгъ и начнутъ замерзать болота. Охотникъ отправляется въ лѣсъ разыскивать свѣжіе слѣды оленей и, отыскавъ ихъ, подкрадывается къ оленямъ какъ можно тише. Олень чутокъ и при малѣйшемъ шумѣ или трескѣ встрепетается и слушаетъ... Послѣ выстрѣла испуганные олени бросаются бѣжать. Суматохой стада пользуется охотникъ и стрѣляетъ въ ближайшаго оленя.

Какъ не искусны здѣшніе стрѣлки, а по оленю они даютъ иногда промахъ. Это происходитъ оттого, что охотнику приходится стрѣлять, пробѣжавъ много верстъ съ ношей за плечами, когда отъ усталости дрожатъ руки и ноги, въ горлѣ пересохло и передъ глазами темные круги.

Чтобы зимой преслѣдовать оленей, надо хорошо ходить на лыжахъ. Оленямъ вездѣ дорога; ихъ не останавливаетъ ни гора, ни оврагъ; съ крутизны въ нѣсколько сажень они бросаются внизъ, не задумываясь. Быстро мчится на своихъ лыжахъ и охотникъ вслѣдъ за убѣгающимъ стадомъ.

Главная охота на лыжахъ начинается въ концѣ февраля и началѣ марта, когда зима дѣлается мягче и слегшійся снѣгъ можетъ поднять человѣка на лыжахъ. Въ это время охотники рѣдко выходятъ на оленей въ одиночку, но большею частью по два, по три и

четыре; не всё также захватывают и ружья: часть идетъ съ лопатами, нужными при устройствѣ ночлега и зарываніи добычи.

Подкравшись къ стаду и выстрѣливъ, передовые охотники сбрасываютъ съ себя котомки, нерѣдко и верхнее платье и безъ оглядки бѣгутъ впередъ за стадомъ. Истомленные долгимъ преслѣдованіемъ, бѣгутъ усталые олени съ высунутыми языками, все ближе и ближе подпуская къ себѣ охотниковъ. Но и преслѣдователямъ не легко: давно уже брошены армяки, а иногда и шапки съ рукавицами; въ однѣхъ сорочкахъ, съ винтовками въ рукахъ и неразлучнымъ топоромъ за поясомъ, гонятся они, пока хватить силъ. Часто морозъ доходитъ до 20 ти градусовъ, а рубаха вся мокрая, потъ бѣжитъ ручьями по горячему лицу неумолимаго охотника. Когда силы ослабѣваютъ, охотники сбрасываютъ лыжи и садятся на нихъ отдохнуть.

Успѣхъ охоты много зависитъ отъ погоды. Иногда снѣгъ до того рыхлъ, что по немъ невозможно пробираться даже и на лыжахъ; но если случится непродолжительная оттепель и потомъ снова наступитъ морозъ, то самый верхній слой снѣга превращается въ тонкую хрупкую кору, которая не выдерживаетъ скачущаго оленя, проламывается и своими острыми краями жестоко рѣжетъ его ноги, между тѣмъ какъ на лыжахъ по такому снѣгу итти очень легко.

Луговая полоса.

Самая богатая часть Архангельской губерніи — это ея средняя полоса, орошаемая Двиной и ея притоками. Пробираясь по глухимъ лѣсамъ и топкимъ болотамъ, Сѣверная Двина судоходна на всемъ своемъ 700 верстномъ протяженіи и потому служить въ этомъ краѣ наилучшей дорогой къ Бѣлому морю.

Широко разливаясь весной, она оставляетъ много плодороднаго ила, такъ что мѣстами попадаются необыкновенно плодородныя поляны. Земледѣліе однако и въ этой лучшей полосѣ не особенно въ ходу: климатъ здѣсь все-таки слишкомъ суровъ; даже въ самомъ южномъ уѣздѣ, Шенкурскомъ, уже въ сентябрѣ выпадаетъ снѣгъ по колѣно. Но за то здѣсь имѣются отличныя заливныя луга, дающіе до 180-ти пудовъ сѣна съ десятины. Вслѣдствіе обилія такихъ луговъ жители съ большимъ успѣхомъ занимаются скотоводствомъ. Особенно много луговъ въ Мезенскомъ уѣздѣ; тамъ, даже при самомъ умѣренномъ урожаѣ, каждая семья можетъ запасти сѣномъ на шести головъ скота.

Петръ Великій замѣтилъ сходство этихъ луговъ съ лугами Голландіи и выписалъ нѣсколько головъ голландскаго скота, который здѣсь отлично развился, и теперь онъ, подъ именемъ *Холмогорскаго*, въ большой цѣнѣ во всей Россіи. Холмогорскій скотъ славится

свою молочность: корова даетъ въ сутки отъ двухъ до трехъ ведеръ молока.

Кромѣ того въ этой же полосѣ, особенно въ уѣздахъ Шенкурскомъ и Холмогорскомъ, тянутся обширные лѣса, а Двина со своими притоками даетъ возможность жителямъ сплавать лѣсъ въ Архангельскъ.

Другая громадная рѣка Архангельской губерніи, Печора, также судоходна, хотя мѣстами и порожиста; но рѣка эта далеко не столько пользы приносить краю, какъ Двина, — оттого, что она не соединена съ внутренними рѣками Россіи и протекаетъ по совершенно пустынной мѣстности. Не видно по ея берегамъ ни пашень, ни луговъ, и лишь изрѣдка попадаются довольно людныя деревеньки.

Т у н д р а.

Весь сѣверъ Архангельской губерніи, прилегающій къ Ледовитому океану, представляетъ холодный и негостепріимный край. Частые дожди, глубокіе снѣга, не успѣвающіе вполнѣ растаять даже и лѣтомъ, превратили почву въ сырую, бесплодную. Куда ни взглянешь—всюду трясины да зыбуны; кое-гдѣ лишь, какъ рѣдкость, видѣются кочки. Мѣстность эта называется *тундрю*. Ни одно дерево не можетъ здѣсь окрѣпнуть, одни только желтые мхи, сѣрые лишайи, да изрѣдка мелкіе кустарники служатъ нарядомъ для здѣшней печальной природы. Пустынная и бесплодная тундра тя-

нется почти по всему сѣверному побережью. Слишкомъ на 1000 верстъ въ длину залегла она здѣсь и на 150 верстъ вошла въ глубь страны.

Лѣтомъ, когда отъ теплыхъ лучей солнца оттаиваютъ мхи и болота, тундра на время оживаетъ: появляются безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ, лосось и осетръ плывутъ въ рѣки метать икру. Но вотъ дни становятся замѣтно короче, солнышко все менѣе застаивается на небѣ, въ воздухѣ чувствуется свѣжесть. Почувявъ приближеніе осени, все пришлое спѣшить оставить тундру: лебеди, гуси, гагары летятъ черезъ всю Русь на югъ, лосось и осетръ возвращаются въ открытое море. Верхній слой тундровыхъ болотъ, оттаявшій въ лѣтнее время, застываетъ, рѣки и озера также замерзаютъ, и все это скрывается подъ снѣжнымъ покровомъ въ сажень вышиной. Тундра становится настоящей пустыней.

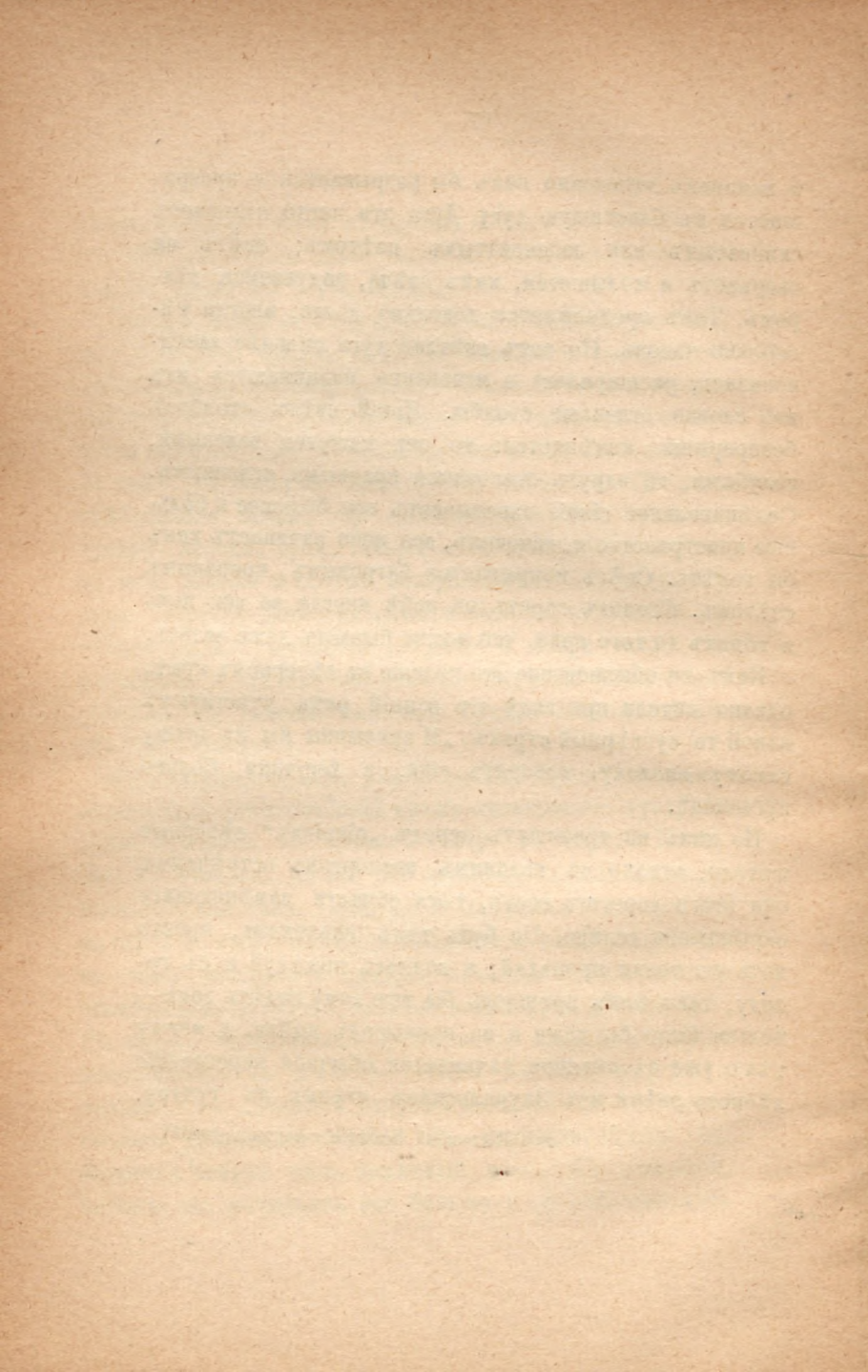
Въ половинѣ ноября уже и солнце перестаетъ показываться на небѣ; глубокій мракъ охватываетъ тундру— даже сумерекъ не бываетъ (напр. въ городѣ Колѣ). Но, къ счастью, не все это время продолжается такая непроглядная тьма. Природа не захотѣла быть вполне мачихой и, чтобы нѣсколько облегчить печальную жизнь во тьмѣ обитателей тундры, посылаетъ имъ иногда взаимнѣ солнца чудное, величественное „сѣверное сіяніе“. Въ тихое, безмятельное время, когда полярные холода затягиваются на долго, — стоятъ недѣлю, другую и больше, — въ сѣверной сторонѣ неба начинаютъ играть *сплохи* (сѣверныя сіянія). Въ темномъ облакѣ появляется сперва едва замѣтный проблескъ разсвѣта, потомъ онъ начинаетъ все больше и больше свѣтлѣть

и наконецъ мгновенно какъ бы разрывается и превращается въ блестящую дугу. Дуга эта часто отливаетъ синеватымъ или зеленоватымъ цвѣтомъ; свѣтъ ея сверкаетъ и колыхается, какъ свѣча, задуваемая вѣтромъ. Такъ продолжается довольно долго, иногда нѣсколько часовъ. Но вотъ свѣтлая дуга сильнѣе заволновалась, расширилась и мгновенно поднимаются изъ нея словно огненные столбы. Яркій свѣтъ столбовъ непрерывно измѣняется: то они кажутся зелеными, голубыми, то вдругъ становятся красными, огненными. Ослѣпительное сіяніе охватываетъ все бѣльшее и бѣльшее пространство и, наконецъ, все небо начинаетъ какъ бы горѣть. Снѣгъ покрывается багровымъ, кровавымъ свѣтомъ. Сполохъ горитъ на небѣ иногда во всю ночь и горитъ до того ярко, что можно бываетъ даже читать.

Какъ ни обыкновенно это явленіе въ сѣверномъ краѣ, однако жители при видѣ его всякій разъ чувствуютъ какой-то суевѣрный страхъ. „И привычны мы къ этому самому сполоху, говорятъ они, а все-таки больно пугаемся“.

Но какъ ни трепещутъ передъ „сіяніемъ“ сѣверные жители, однако съ великимъ восторгомъ встрѣчаютъ они этого дорогого гостя, хотя отчасти замѣняющаго скрывшееся солнце. Не будь тамъ сполоховъ, просто хоть съ тоски пропадай, а подчасъ пожалуй и съ голоду, такъ какъ пришлось бы всю зиму сидѣть дома—нельзя было бы даже и на промыселъ выйти. А между тѣмъ уже съ октября начинается обычное переселеніе лѣснаго звѣря изъ Зауральскихъ странъ въ тундру.

(Изданіе Постоянной Комиссіи народныхъ чтеній).

СОЛОВЕЦКАЯ ОБИТЕЛЬ.

А. Владиміровой.

На крайнемъ нашемъ сѣверѣ, на Бѣломъ морѣ, въ 300 верстахъ отъ города Архангельска, лежатъ острова Соловецкіе, изъ которыхъ шесть самыя большихъ принадлежатъ издавна стоящей здѣсь святой обители. Соловецкая обитель—самый сѣверный изъ нашихъ монастырей.

Начало монастырю положилъ преподобный Савватій. Въ княженіе на Москвѣ великаго князя Василя Васильевича, прозваннаго Темнымъ, въ 15-мъ вѣкѣ, подвизался въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ благочестивый старецъ Савватій, любимый и почитаемый братією за святую жизнь. Это почитаніе такъ смущало смиреннаго инока, что онъ порѣшилъ оттуда удалиться и поискать такого мѣста, гдѣ бы никто не зналъ о его подвижничествѣ.

Прослышалъ онъ, что въ Новгородской области есть озеро Нево (Ладожское) и на немъ, на островѣ Валаамѣ, стоитъ монастырь, иноки котораго отличаются весьма суровою и богоугодною жизнію. Сталъ туда проситься изъ Кирилловскаго монастыря старецъ Савватій,

и благословилъ его игуменъ. Пришелъ Савватій на Валаамъ, былъ принятъ ласково и посвятилъ себя многотрудному подвигу иноческому, пребывая постоянно въ работѣ, молитвѣ и постѣ.

И здѣсь, какъ и на Бѣлоозерѣ, его вскорѣ стали все прославлять; и опять ему стало это тяжело: онъ пожелалъ полного уединенія. Тогда услышалъ онъ объ островѣ Соловецкомъ, уединенномъ, ненаселенномъ, лежащемъ далеко отъ берега, среди волнъ „студенаго“ моря. Началъ Савватій отпрашиваться у настоятеля въ эту пустыню, но настоятель и братія не желали разстаться съ нимъ и слезно его упрашивали не покидать ихъ, и Савватій пробылъ съ ними еще нѣкоторое время; но однажды ночью, усердно помолясь Богу, вышелъ онъ тайно изъ монастыря, отплылъ съ Валаама и началъ пробираться къ Соловецкому острову.

Пришелъ онъ къ Бѣлому морю и сталъ разспрашивать у жившихъ на берегу кореловъ о Соловецкомъ островѣ. Они ему рассказали, что никто не живетъ тамъ, лишь иногда ѣздятъ туда съ берега на рыбную ловлю; что до острова далеко: два дня пути, и то въ тихую погоду; а островъ хорошъ и великъ—верстъ сто въ окружности—и много на немъ лѣсовъ, горъ, долинъ и озеръ съ прѣсной водой и отличной рыбой. Видя, что старецъ хочетъ перебраться туда на жительство, корелы принялись его отговаривать:

— Ты нищъ и дряхль, говорили они; ты самъ для себя ничего не промыслишь; нельзя тебѣ отдаляться отъ людей.

— О чада! отвѣтилъ имъ преподобный, Владыка

мой Господь пятью хлѣбами насытилъ пять тысячъ народа въ пустынѣ.

Посмѣялись они надъ нимъ, а старецъ пошелъ отъ нихъ на рѣку Выгъ, гдѣ жилъ при храмѣ инокъ Германъ. Повѣдавъ ему о желаніи своемъ поселиться на островѣ, Савватій возбудилъ и въ немъ то же желаніе. Возложивъ все упованіе на Бога, оба инока изготовили лодку, взяли съ собою нѣсколько рабочихъ инструментовъ, провизіи и приплыли благополучно на островъ Соловецкій, радуясь и прославляя Бога. Это было въ 1429 году.

Шесть лѣтъ подвизались въ благочестіи на островѣ блаженные Савватій и Германъ. Въ долгую зимнюю пору не разъ угрожала имъ опасность смерти отъ голода, отъ морозовъ и бурь. Германъ, не выдержавъ суровости климата, ушелъ наконецъ съ острова, и Савватій остался подвизаться одинъ. Когда онъ почувствовалъ приближеніе послѣдняго часа своего земного житія, то пожелалъ исповѣдаться и святыхъ Таинъ причаститься. Сѣлъ онъ въ лодку и поѣхалъ на берегъ, къ той самой часовнѣ, что стояла на рѣкѣ Выгѣ. Тутъ случился игуменъ Наанаилъ, прибывшій для посѣщенія жившихъ въ этой мѣстности христіанъ. Святой Савватій встрѣтилъ его на пути въ дальнее село, куда игуменъ спѣшилъ со святыми Дарами для причащенія труднобольного. И сказалъ ему старецъ, что и онъ ожидаетъ отъ него той же благодати.

— Нынѣ, господине мой, отче Савватіе, иди ты къ молитвенному храму и подожди меня: иду я теперь къ больному и утромъ рано возвращусь къ твоему преподобію, отвѣчалъ ему Наанаилъ.

— Не отлагай, отче, до утра! молиль его Савватій. Не знаемъ мы, что можетъ до завтра приключиться.

Вняль его слову игумень: исповѣдалъ его, причастиль и, отходя, лобзаніе ему далъ, прося дожидаться въ келліи, при храмѣ, его возвращенія отъ больного. Когда святой Савватій молился въ келліи, зашелъ въ храмъ купецъ, именовъ Іоаннъ, прибывшій изъ великаго Новагорода. Преподобный преподалъ ему благословеніе и наставленіе. Купецъ предложилъ было ему дары, но онъ отказался принять ихъ. Отказъ старца принять дары огорчилъ Іоанна; тогда преподобный въ утѣшеніе ему сказалъ:

— Чадо, пробудь здѣсь до утра и узришь волю Божию.

Іоаннъ спѣшилъ отплыть, опасаясь волненія на водѣ, но переночевалъ въ лодкѣ и, утромъ рано, пришелъ къ старцу за напутствіемъ. Постучалъ онъ трижды, съ молитвою, въ дверь келліи и, не получивъ отвѣта, вошелъ и увидѣлъ: преподобный скончался о Господѣ. Прикоснулся къ нему Іоаннъ, умилился и заплакалъ. Тутъ вошелъ и игумень Наонаилъ, возвратившійся отъ больного. Игумень и купецъ, съ пѣніемъ надгробнымъ, честно погребли святое тѣло старца. Было это сентября 27-го, 1437 года. Въ этотъ день читается память преподобнаго Савватія.

Черезъ годъ по преставленіи Савватія, прибылъ на Соловецкій островъ преподобный Зосима, которому суждено было устроить здѣсь многолюдную и славную обитель.

Инокъ Зосима былъ родомъ изъ села Толвуя, Новгородской области, близъ озера Онежскаго. Родители

его, Гавріиль и Варвара, воспитали отрока въ премудрости Божіей и онъ проводилъ время въ чтеніи книгъ божественныхъ. Когда же родители стали принуждать его къ браку, онъ, со скорбію великою, ушелъ изъ дома ихъ, надѣлъ одежду чернеца и поселился неподалеку отъ нихъ—отшельникомъ. Но желалъ онъ уединенія болѣе полного и горячо о томъ молился Богу. Вскорѣ встрѣтился онъ съ монахомъ, старцемъ Германомъ, тѣмъ самымъ, что прожилъ нѣсколько лѣтъ съ преподобнымъ Савватіемъ на Соловецкомъ островѣ. Разказалъ ему Германъ объ островѣ; возрадовался Зосима и сталъ упрашивать старца довести его туда.

Тѣмъ временемъ умерли родители Зосимы. Предавъ ихъ землѣ, онъ роздалъ все имѣніе и, вмѣстѣ съ Германомъ, направился къ желанному острову. Нашли они на островѣ мѣсто, гдѣ рыбаки укрывались отъ бурь, близъ озера прѣсноводнаго, разбили шалашъ невдалекѣ отъ берега и тутъ отслужили всенощную. При первыхъ лучахъ разсвѣта Зосима вышелъ изъ шатра и ужаснулся: въ необыкновенномъ сіяніи на востокѣ онъ увидѣлъ на воздухѣ прекрасную, величественную церковь. Отъ страха юноша измѣнился въ лицѣ и спѣшилъ въ шатеръ свой.

Разказалъ онъ Герману о чудномъ видѣніи.

— О возлюбленный, отвѣчалъ старецъ, не ужасайся, но внимли: это знаменіе воли Божіей. Здѣсь соберешь ты много вѣрующихъ и трудящихся; здѣсь же и храмы созиждешь.

Исполнившись радости духовной, преподобный, не медля, приступилъ къ дѣлу: началъ онъ съ Германомъ рубить деревья, поставили они келью, осѣнили ее кре-

стомъ, обчесли высокимъ тыномъ; мотыками землю воздѣляли и сѣменами засѣяли. На зиму ушелъ старецъ Германъ, и преподобный остался одинъ, пребывая въ непрестанномъ трудѣ и молитвословіи. Зима настала суровая, страшные вѣтры съ сѣвера пронизывали насквозь убогую келлію; къ тому же вышелъ весь заготовленный лѣтомъ запасъ пищи. Преподобный утѣшалъ себя реченнымъ въ Евангеліи: „Не пещытеса душѣю нашею, что ѣсте или что пѣете; ни тѣломъ вашимъ, во что облечетеса; не дша ли болши естъ пища, и тѣло одѣжди“; (Матѣ. VI).

И вотъ, въ минуту сильной тоски его, предстали предъ нимъ два незнакомца съ корзинами хлѣба и дали ему муки и масла.

Весною возвратился старецъ Германъ и привелъ съ собою рыбака Марка, который принялъ здѣсь монашескій чинъ и занялся ловлею рыбы, такъ какъ ея было множество въ озерахъ острова и у побережья. Мало-по-малу стали приходять на островъ люди, ищущіе спасенія. Поставилъ тогда преподобный небольшую церковь, во имя Преображенія Господня, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сподобился видѣнія; пристроилъ къ ней трапезу и положилъ начало общежитію.

Затѣмъ святой Зосима послалъ одного изъ братіи въ Новгородъ, къ архіепископу Іонѣ, просить благословенія на освященіе храма, а также и поставленія игумена монастырю ихъ пустынному. Архіерей не замедлилъ прислать имъ и благословеніе и іеромонаха Павла, котораго поставилъ игуменомъ.

Велика была радость преподобныхъ Зосимы и Германа, равно и всей братіи объ устройствѣ честной оби-

тели Соловецкой! Но не перенесъ игуменъ Павель великаго труда на уединенномъ островѣ и вскорѣ оттуда ушелъ. Присланные одинъ за другимъ два игумена, Θεодосій и Иона, тоже оставались тутъ недолго. Тогда, по совѣщаніи между собой, братія избрала игуменомъ Зосиму, и многіе изъ нихъ отправились въ Новгородъ, съ просьбою къ архіерею—вызвать письменно Зосиму, рукоположить его во священника и назначить на игуменство имъ, даже если бы онъ отъ этого и отказывался, по своему смиренію.

Архіепископъ Иона, внявъ ихъ моленію, вызвалъ къ себѣ преподобнаго, убѣдилъ его принять священство и игуменство; рукоположивъ его въ пресвитера, онъ напутствовалъ преподобнаго благословеніемъ и отпустилъ съ честію. Изъ гражданъ новгородскихъ многіе пожертвовали тогда въ монастырь сосуды, одежды и много серебра и жита. Возвратился преподобный въ обитель свою и когда совершалъ онъ первую литургію въ церкви, имъ воздвигнутой, то лицо его сіяло свѣтомъ благодати, а братія радовалась, въ умиленіи, о своемъ пастырѣ.

И столько собралось къ нему трудящихся, что тѣсенъ оказался для нихъ храмъ Преображенія, и стали они строить большую церковь, и построили много келлій новыхъ. Воспомявъ о первомъ инокѣ соловецкомъ — Савватіи, сожалѣли все иноки, что онъ покоится не на томъ островѣ, на которомъ первый подвизался, и рѣшили перевезти къ себѣ въ обитель мощи его.

Перевезли они ихъ въ ладьѣ, въ 1465 году, съ Выги, гдѣ погребли его Пававайлъ съ купцомъ Іоанномъ; угодникъ Божій покоился нетлѣннымъ, даже ризы его

сохранились не тронутыми временемъ. Положили иноки святяя мощи угодника Божія за алтаремъ новаго храма Пречистой Богородицы; а купецъ Іоаннъ съ братомъ своимъ Θεодоромъ привезли въ Соловецкій монастырь образъ преподобнаго Савватія и вручили его игумену Зосимѣ, присоединивъ къ тому многіе дары на обитель. Игумень поставилъ образъ этотъ надъ гробницею преподобнаго и многія ночи пребывалъ до самой заутрени въ молитвѣ, творя поклоны у нетлѣнной святыни.

Тѣмъ временемъ, взирая на развивающуюся обитель Соловецкую, злые люди позавидовали преуспѣянію ея и начали творить ей всякія обиды. На островъ явились слуги боярѣ, вельможѣ и землевладѣльцевъ корельскихъ: они ловили рыбу въ озерахъ, говоря, что они единственные хозяева Соловецкаго острова; монаховъ они къ озерамъ не допускали, игумена же Зосиму и всѣхъ иноковъ уничижали словами и дѣйствіями, творили имъ всякую досаду, грозили разорить монастырь и разогнать всю братію. Такая злоба пришельцевъ вынудила преподобнаго Зосиму ко вторичному путешествію въ Новгородъ: явился онъ къ архіепископу Θεофилу, вмѣстѣ съ нѣсколькими учениками, поклонился архипастырю и молилъ его оградить обитель отъ мірскихъ зложелателей.

— Я готовъ, отче, способствовать монастырю твоему, отвѣчалъ Теофиль, но тебѣ прежде всего надо поговорить съ боярами, начальствующими надъ градомъ симъ, повѣдать имъ все и заручиться ихъ согласіемъ.

Архіепископъ созвалъ къ себѣ боярѣ и повѣдалъ имъ, что претерпѣваетъ отъ нечестивыхъ Соловецкая обитель. Бояре, готовые на всякую помощь, подарили

обители весь островъ Соловецкій и дали отцу Зосимѣ грамоту на крѣпкое владѣніе островомъ, привѣсивъ къ ней восемь оловянныхъ печатей: архіепископа, посадника, тысяченачальника и пять печатей отъ пяти концовъ Новагорода. Кромѣ того, одарили они преподобнаго сосудами и одеждами церковными, надавали для обители и золота, и серебра, и хлѣба, общая и впредь доставлять все, въ чемъ монастырь будетъ нуждаться.

Слыша это и узнавъ доброе житіе блаженнаго Зосимы, вдова посадника новгородскаго Мароа Борецкая прислала просить его къ себѣ на обѣдъ. Преподобный пришелъ въ домъ Борецкихъ, благословилъ Мароу, сыновей и дочерей ея. За столъ сѣли многіе именитые граждане: домъ Мароы былъ открытъ для всѣхъ. Преподобный Зосима, оглядѣвъ присутствовавшихъ на обѣдѣ, изумился и въ молчаніи опустилъ глаза: ему представилось удивительное видѣніе. Взглянулъ онъ еще разъ, взглянулъ и въ третій разъ и, покачавъ головою, вздохнулъ и прослезился. Затѣмъ онъ не могъ уже ѣсть, несмотря на всѣ просьбы посадницы. Послѣ стола Мароа отписала на монастырь деревню свою при рѣкѣ Сумѣ и отпустила настоятеля Соловецкаго съ дарами.

По выходѣ изъ дома Мароы, ученикъ игумена Давидъ дерзнулъ обратиться къ нему съ вопросомъ по поводу того, что святой, оглядѣвъ гостей, прослезился и не сталъ затѣмъ ничего вкушать.

— Не скрою отъ тебя, чадо, судебъ Божіихъ, имѣющихъ скоро сбыться, отвѣчалъ преподобный: видѣлъ я, что шестеро изъ главнѣйшихъ бояръ Новагорода

сидятъ за столомъ обезглавленными. Ужасъ объялъ меня. И это не замедлитъ совершиться. Но до тѣхъ поръ сохрани слова мои втайнѣ.

Преподобный возвратился въ обитель, обогащенный дарами.

Вскорѣ услышала братія, что великій князь московскій - Іоаннъ III Васильевичъ — подошелъ къ Новгороду съ многочисленнымъ войскомъ. Іоаннъ явился покорить Новгородъ, уничтожить въ немъ прежніе порядки. Тогда казнены были многіе возмущавшіе народъ противъ государя всея Руси — и въ томъ числѣ тѣ бояре, которыхъ игумень Зосима видѣлъ обезглавленными за столомъ Мары.

Въ томъ же (1478) году, чувствуя близкое отшествіе отъ жизни сей въ вѣчность, преподобный Зосима самъ срубилъ себѣ гробъ и сталъ готовиться къ смерти. Изнемогая отъ болѣзни, старости и трудовъ многихъ, онъ передалъ паству свою возлюбленную въ руцѣ Господа и заступничеству Пречистой Богородицы; игуменомъ поставилъ Арсенія, инока добродѣтельнаго и умнаго, заповѣдавъ ему хранить въ цѣлости уставъ монастырскій и подвизаться со смиреніемъ. Затѣмъ онъ, до послѣдняго своего вздоха, то благословлялъ и поучалъ братію, то, воздѣвъ руки къ небу, молился о стадѣ своемъ духовномъ и о своей любимой обители; молился онъ и благословлялъ до той самой минуты, когда отошла къ Богу святая его душа. Съ плачемъ и пѣніемъ положили иноки преподобнаго во гробъ, имъ самимъ изготованный, и похоронили за алтаремъ храма Преображенія Господня.

По заповѣди преподобнаго Зосимы, иноки, какъ и

при немъ, неустанно работали съ молитвой на устахъ. Мѣстность эта, только благодаря усиленному труду, могла доставлять имъ хлѣбъ насущный, и братія терпѣли нерѣдко отъ нужды. Пустынный островъ окружала дикая природа; вокругъ—льды девять мѣсяцевъ въ году; надъ ними суровое, пасмурное небо; пропитаніе доставалось тяжелой борьбой съ климатомъ и почвой. Уже одно поступленіе въ этотъ монастырь считалось подвигомъ.

СОЛОВКИ.

(В. И. Немпровича-Данченко).

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ пароходѣ „Вѣра“. Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все обѣщало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ недвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби...

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльныя лица сливались въ одну массу и наконецъ исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Направо и налѣво даль ограничивалась низменными, пустынными, зелеными берегами. Только изрѣдка убогое село сползало къ самой рѣкѣ. Кое-гдѣ, словно въ воздухѣ, висѣли бѣлыя вслокоекки и куполы деревенскихъ церквей.

Порою изъ однообразной массы лѣсныхъ вершинъ, едва-едва замѣтныхъ въ отдаленіи, виднѣлись туманныя линіи еще болѣе далекихъ рощъ, точно окутанныхъ голубымъ флеромъ *). Песчанья промежи, сверкая золотыми извивами, тянулись вдоль зеленой каймы то узкими, какъ остріе, чертами, то широкими, какъ ярко блистающіе щиты, отмелями. Съ парохода на нихъ можно было разглядѣть черныя точки вверхъ дномъ опрокинутыхъ карбасовъ; вблизи ихъ копошились и ползали въ разныхъ направленіяхъ еще меньшія точки.

Кое-гдѣ вдоль береговой линіи, будто крылья чаекъ, мелькали паруса. Они, казалось, вовсе не подвигались впередъ.

Въ самомъ центрѣ зеленой каймы, тамъ, гдѣ правая и лѣвая сторона ея почти смыкались передъ нами, висѣлъ въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ бѣлый городъ; какъ мелкія искры блистали, мѣняя постоянно направленіе своихъ лучей, куполы церквей и соборовъ. Съ каждымъ движеніемъ парохода то выдвигались бѣлыя линіи набережной, то вырѣзывались бѣлыя очертанія колоколенъ. Городъ поднимался надъ рѣкою все выше и выше. Казалось, между нимъ и уровнемъ воды легла смутная, мгlistая полоса... Она все ширилась и ширилась, искра за искрой пропадала надъ нею, бѣлая линія суживалась и сокращалась... Вотъ и все погасло, только одна точка еще лучится, когда вгладись въ эту даль. Одна слабая точка, да и та, кажется,

*) Флеръ — прозрачная рѣдкая ткань.

высоко въ небѣ. И она потухла, и зеленые берега сомкнулись передъ нами.

Утромъ, на другой день по отплытіи изъ Архангельска, когда я вышелъ на палубу парохода, во всѣ стороны передо мною разстиралась необозримая даль сѣровато-свинцоваго моря, усѣяннаго оперенными гребнями медленно катившихся валовъ. На небѣ еще ползали клочья разсѣянныхъ вѣтромъ тучъ. Свѣжій попутный вѣтеръ надувалъ парусъ. Тяжело пыхтѣла паровая машина, и черный дымъ, словно развернутое знамя, плавно разстирался въ воздухъ, пропитанномъ влагой.

На передней части парохода стоитъ ветхій дѣвymi старецъ. Волоса его, рѣдкіе, серебристые, развѣиваетъ вѣтеръ, лохмотья плохо защищаютъ тѣло, впалая грудь чуть дышитъ, но взглядъ его неотступно прикованъ къ горизонту. Что онъ тамъ видитъ, въ этомъ безграничномъ просторѣ влаги, сливающимся съ еще болѣе безграничнымъ просторомъ неба? Вотъ онъ снимаетъ шапку и медленно творитъ крестное знаменіе. Онъ молится.

Вотъ, сквозь клочья сѣрыхъ тучъ прорвался и заблестала на высотѣ широкій ослѣпительный лучъ солнца и подъ нимъ озолотилась цѣлая полоса медленно колыхающихся волнъ... Вотъ новыя тучи закрыли его.

Впереди засинѣли какія-то смутныя очертанія.

Большая часть богомольцевъ столпилась на носовой части парохода. Одни стояли на колѣняхъ и молились, другіе пѣли псалмы. Религіозное настроеніе охватило даже самыхъ равнодушныхъ.

На лицахъ страницъ выражалось самое искреннее умиленіе. Однѣ плакали, другія обнимались.

— Сподобилъ Господь святынямъ помолиться.

— Угодничкамъ, соловецкимъ праведникамъ.

Острова все выростали. Неопредѣленно синѣющія массы становились зеленоватыми. Края ихъ очерчивались все рѣзче и рѣзче; изъ неопредѣленныхъ облачныхъ формъ они принимали ясныя очертанія. Что-то, словно искра, сверкало тамъ, лучась и словно колыхаясь въ синевѣ неба.

— Это—куполь, братцы; святой соловецкій куполь.

— Краса!—замѣтилъ угловатый олончанинъ стоявшей съ нимъ рядомъ странницѣ.

Вотъ зеленоватая кайма стала еще гуще. Напряженный взглядъ различалъ уже верхушки высокихъ сосенъ.

Пароходъ твоо плыветъ вдоль берега, словно въ безконечной панорамѣ развертывающаго передъ нами свои чудныя картины. То желтыя песчаныя отмели, то зеленые откосы, то утесы, отвѣсно обрывающіеся внизъ... А тамъ, позади ихъ, что за ширь лѣсная, что за глушь тѣнистая!

Но вотъ одинъ поворотъ, и „Вѣра“ входитъ въ зеленую бухту, въ глубинѣ которой, словно граціозный призракъ волшебнаго вешняго сна, поднимается бѣлостѣнный монастырь съ высокими круглыми башнями, массою церквей, зеленые куполы и золотыя кресты которыхъ легко и полувоздушно рисуются на синемъ безоблачномъ небѣ.

Всѣ словно замерли. Не слышно и дыханія... доносятся только крикъ морскихъ чаекъ.

Тихо приближается пароходъ къ обители, которая все ярче и выше поднимается предъ нами изъ голубыхъ волнъ спокойнаго моря.

Невыразимо прелестенъ этотъ зеленый берегъ. Какое-то радостное чувство охватило всего, когда я спустился съ пароходнаго трапа на плиты набережной. Прямо поднимались старинныя, изъ громадныхъ валуновъ сооруженныя, стѣны. Нѣскольکو башенъ высокихъ, съ остроконечными верхушками, были сложены изъ тѣхъ же громадныхъ камней. На высотѣ, въ стѣнахъ и башняхъ чернѣли узкія щели бойницъ. Древностію, цѣлыми столѣтіями вѣяло отсюда. Тутъ все было такъ же, какъ во времена первыхъ царей московскихъ. Нѣкоторыя сооруженія напоминали эпоху господина Великаго-Новгорода. Отъ каждаго камня вѣяло былинною... И теперь настолько же массивны и недоступны эти стѣны. Только вокругъ обители все вѣетъ новою жизнью; громадное трехэтажное зданіе гостиницы, доки, гдѣ монахи сами чинятъ и строятъ корабли, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъемныя машины, деревянное зданіе страннопріимнаго дома, разрушеннаго англійскими ядрами, слѣды которыхъ и на монастырскихъ стѣнахъ отмѣчены черными кружками.

Изъ-за этихъ стѣнъ, созданныхъ какъ будто самою природой, золотятся кресты церквей и мягко рисуются ихъ зеленые куполы. Рядомъ съ монастыремъ тянутся зданія лѣсопильнаго завода, а кругомъ всю эту площадь обступилъ зеленый, свѣжій, весь проникнутый изумруднымъ блескомъ, тѣнистою дремотой и важнымъ покоемъ, лѣсъ. Такъ и манило туда.

Велика и, дѣйствительно, заслужена слава Соловецкой обители на дальнемъ сѣверѣ нашемъ! Монахи здѣсь въ потѣ лица трудятся съ ранняго утра до поздней ночи. Они не только побороли, но и украсили окружающую суровую природу Сѣвера. Здѣсь строятся пароходы, литографируютъ картины и образа для народа, дубятъ кожи, готовятъ кирпичи. Тутъ есть фотографіи, финифтщики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, каменщики, механики, скотоводы, сыровары, строители архитекторы; тутъ есть магазины великолѣпныхъ хозяйственныхъ вещей, кладовыя, квасныя и пекарни. Монастырю принадлежатъ: два парохода, на которыхъ и капитаны, и матросы — монахи, и морская шкуна, управляемая тоже иноками; на ней они ловятъ рыбу и промышляютъ звѣря вдоль береговъ Мурманскихъ, въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Тутъ есть рѣзчики, столяры, гончары, кузнецы, коневоды, огородники, опытные садовники, живописцы; словомъ, отрѣзанный иногда въ теченіе восьми мѣсяцевъ, — а шести всегда, — отъ всего остального міра, Соловецкій монастырь ни въ комъ не нуждается и ничего никогда не покупаетъ, а все, что ему необходимо, производитъ самъ, кромѣ хлѣба, пряжи и каменнаго угля. За то и населеніе сѣверныхъ губерній относится къ нему съ величайшимъ уваженіемъ. Богатыя крестьяне архангельскіе, вологодскіе, олонекіе, вятскіе и пермскіе жертвуютъ очень много на обитель и, кромѣ того, ежегодно на зиму въ монастырь собирается до тысячи даровыхъ рабочихъ, давшихъ обѣтъ прослужить годъ на святителей соловецкихъ Зосиму и Савватія!

Монастырскіе огороды и сады славятся по всему Сѣверу. Здѣсь чуть ли не у самаго царства полярнаго полюса ухитрились разводить въ теплицахъ арбузы, дыни и персики. Овощи огородныя такія, какихъ не найдешь и гораздо южнѣе. Ежегодно въ Соловки приходятъ до пятнадцати тысячъ богомольцевъ; многіе остаются на зиму. Всѣ они съ разныхъ концовъ Россіи, и каждый приноситъ съ собою какое-либо знаніе. Можете себѣ представить, какую массу добра дѣлаетъ этотъ наплывъ умѣлыхъ людей съ сѣвера, съ юга, съ запада и съ востока! Сюда даже пріѣзжаютъ учиться хозяйству, потому что у себя дома не узнаешь и половины того, что здѣсь увидишь на каждомъ шагу. Громадныя помѣщенія кузницъ, словно сказочныя подземелья, лѣтомъ охватываютъ васъ своимъ мракомъ; за то зимой работа здѣсь кипитъ, и багровые огни ярко блестятъ въ десяткахъ горнѣ, слышится веселый говоръ или пѣніе молитвъ, стукъ молотовъ и сыплются въ окружающую тьму изъ-подъ нихъ цѣлые снопы яркихъ, серебряныхъ искръ. Кожевня можетъ быть образцомъ такого рода заведенія для всего Сѣвера. Она выпускаетъ на монастырь болѣе восьми тысячъ верпичьихъ кожъ; сверхъ того, тутъ же обдѣлываются тюленьи и моржевыя, оленьи и коровьи кожи. Такимъ образомъ, на промыслахъ одѣвается и постоянно обувается монастырь въ выдѣланную у себя кожу, отнюдь не покупая ея на сторонѣ. Громадный кирпичный заводъ стоитъ около и ежегодно даетъ обители чотыреста тысячъ штукъ крупнаго и осадочнаго, весьма прочнаго кирпича. Всѣ зданія соловецкія выведены изъ него. Мало того: монахи воспользовались ручьями, расчистили ихъ, углубили и

обратили въ узенькіе каналы, устроивъ на нихъ въ одномъ мѣстѣ точильню, въ другомъ — водоподъемную машину. Съ тѣхъ поръ, какъ Новгородъ отдалъ Соловецкій островъ монастырю, монахи не переставали трудиться и работать надъ дорогами, такъ что теперь вы ѣдете по такимъ, какихъ нигдѣ больше не найдете на нашемъ Сѣверѣ. Они воспользовались четырьмя стами озеръ маленькихъ, находящихся внутри острововъ, и завели тамъ рыбные ловы. Своды молодыхъ деревьевъ у этихъ озеръ манятъ въ свою прохладную тѣнь; роскошныя купы деревьевъ посреди водъ, челны, неподвижно чернѣющіе у берега, часто острия скалы, словно иглы выступающія изъ озера, — все это полно лѣтомъ невыразимаго очарованія. Казалось, природа хотѣла вознаградить здѣсь человѣка за краткость своего лѣта неописуемою роскошью и красотой картинъ. Отъ острововъ къ островамъ всюду устроены переправы, а два большіе — Соловецъ и Муксальма — соединены между собой ни болѣе, ни менѣе какъ мостомъ. Мостъ черезъ море! Мостъ построенъ монахами! Монахи ухитрились воспользоваться мелкими островками, лежащими между этими большими, и соединили ихъ всѣ между собой, заваливъ море камнями! Сооруженіе грубое, но колоссальное, вѣчное. Бури, ледяныя громады, время — безсильны передъ этою каменной стѣной. Все это сдѣлано безъ помощи машинъ, одною ручною силой. Трудно вѣрить, не выдавъ, что горсть простыхъ монаховъ создала это чудо труда и генія.

— Господь намъ помогъ, — говорятъ монахи: — архимандриту видѣніе было. Молились передъ этимъ долго;

мѣсяць постъ строгій соблюдали и начали постройку; самъ настоятель помогаль намъ, намѣстники камни таскали.

На Муксальмѣ, соединенной такимъ образомъ съ Соловецкимъ островомъ, иноки устроили птичій дворъ и ферму, образцово-содержимыя конюшни, которыя своею чистотой напоминаютъ Голландію. Оттого и скотъ здѣшній такъ хорошъ и здоровъ. Молоко соловецкое и масло несравненно лучше тѣхъ же продуктовъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая и нѣмецкихъ колоній.

По мостъ черезъ море — сооруженіе грубое, а посмотрите на соловецкіе доки, созданные тоже монахами! Это уже дѣло, основанное на научныхъ выводахъ, и тутъ уже мало одной физической силы. Монахи съ гордостью указываютъ на свои доки, и невольно чувствуешь, что въ этомъ отношеніи гордость ихъ вполне законна.

— Наши, изъ крестьянъ, строили, — объясняютъ они.

— А кто наблюдалъ за постройкой?

— Тоже одинъ изъ мужичковъ.

За границей и то рѣдки сооруженія болѣе прочныя и красивыя!

Бока доковъ обшиты гранитомъ; все, до послѣдней мелочи, изящно, несокрушимо и удобно. Края доковъ состоятъ изъ восьми тысячъ балясинъ въ два ряда, промежутки между которыми завалены камнями и засыпаны землей. Подъ гранитною обшивкой ничего этого, разумѣется, не замѣтно. Въ доки проведены каналы изъ Святаго озера и изъ резервуара мельницы Святаго Филиппа. Когда откроютъ громадныя шлюзы,

вода стремится по этимъ двумъ путямъ съ ужающею быстротой и шумомъ, такъ что у зрителей захватываетъ дыханіе. Отъ брошеннаго сюда бревна остаются только щепки. Потомъ весь этотъ водоворотъ стремится въ шлюзы и съ громомъ наполняетъ бассейны доковъ. Когда вода поднимается до опредѣленной высоты, открываютъ выходъ въ другой постоянный бассейнъ, гдѣ ужъ стоитъ судно. Выждутъ нѣсколько минутъ, когда воды двухъ бассейновъ сравняются, судно переводится въ большой, гдѣ его, или пароходъ, ставятъ между брусьями, „защемливаютъ“, и потомъ вода спускается. Такимъ образомъ монахи здѣсь собрали свой пароходъ „Вѣру“ и выстроили другой, — Надежду“.

Изъ всего этого видно, что весь монастырь постоянно находится на работѣ. Нѣтъ такого монаха, который сидѣлъ бы сложа руки. Начиная съ игумена и кончая послѣднимъ послушникомъ, никто не складываетъ рукъ. Мірянинъ бы давно утомился и потребовалъ бы отдыха, — монаху не до того. Онъ убѣжденъ, что работаетъ на святыхъ Зосиму и Савватія, убѣжденъ, что они присутствуютъ на его работѣ и смотрятъ на него. Здѣшній иннокъ изъ крестьянъ называетъ этихъ угодниковъ хозяевами, а Соловки — ихъ хозяйствомъ. Онъ вѣритъ, что мостъ черезъ море былъ построенъ только потому, что вмѣстѣ съ иноками надъ нимъ работали святые Зосима и Савватій. Нѣкоторымъ монахамъ слышалось пѣніе ангеловъ наверху, видѣлись призраки. То же самое было, когда строились соловецкіе доки. Понятная вещь, что вѣра поможетъ не только физическому труду, но и изобрѣтательности человѣка. Поэтому въ Соловкахъ случается,

что простой крестьянинъ, приставленный къ какой-нибудь машинѣ, думаетъ - думаетъ, да и придумаетъ такое упрощеніе ея или новое приложеніе, что потомъ сюда прїѣзжаютъ учиться изъ городовъ. На зиму при монастырѣ остается множество мальчиковъ, значительная часть которыхъ остается потомъ въ обители. Еще бы! Попавъ сюда изъ суровой крестьянской жизни, къ ласкѣ, теплу и сытому корму, ребенокъ думаетъ, что лучше ничего не можетъ быть судьбы монаховъ. Дома онъ голодалъ, былъ плохо одѣтъ, томился на работѣ; дома грязь, пищета, случается — пьянство отца; дома онъ слышитъ общія жалобы на недостатки; дома деревенскій мальчикъ растетъ какъ волчонокъ, чуя за собой постоянную травлю. Въ монастырѣ — иной міръ, привольная жизнь. Тутъ его никто не бьетъ, обращаются мягко, даже вѣжно. Старики-монахи смотрятъ на него какъ на свое дитя; потребность любви пробуждается въ старческомъ сердцѣ, и монахъ серьезно привязывается къ крестьянскому мальчику. Онъ всегда сытъ: обильный обѣдъ, ужинъ; хлѣба, мяса и рыбы вволю. Одѣтъ онъ опрятно, чисто; работой сколько можешь, сколько есть усердія, потому что это не подневольный трудъ, а на святыхъ Зосиму и Савватія. Грязи и нищеты не видать нигдѣ, пьяныхъ и подавно... И какіе же самородки являются между этими дѣтьми, какіе таланты развертываются на привольѣ! Вотъ, на примѣръ, одинъ случай. Привезъ сюда инокъ своего брата, зырянскаго мальчика. Привели его въ классъ, показали ему азбуку, — къ вечеру онъ уже знаетъ ее. А черезъ два дня самъ читать сталъ! И что ему ни показывали — все понималъ сразу. Книги читать на-

чалъ — не оторвешь. Взялъ библію на славянскомъ языкѣ и на латинскомъ, словарь взялъ, — одинъ монахъ изъ семинаристовъ помогъ ему, — и мѣсяца черезъ четыре съ латынью ознакомился. Священное писаніе зналъ не хуже иноковъ. Учителя математики втупикъ ставиль. Задастъ онъ, бывало, въ классѣ задачу; другіе ученики бьются-бьются, а зырянинъ шутя рѣшить. Пробовали, боясь за его здоровье, отъ книги его отваживать, посылали на разную работу, — мигомъ, бывало, се покончить, и опять за книгу. Мастерство узналъ, деревянные часы своимъ умомъ придумалъ. Монастырь весь, до малѣйшихъ подробностей, изъ хлѣба выльпиль. Вышла совсѣмъ артистическая работа. Для подъема воды колеса разныя придумывалъ. Пріѣхала какая-то важная особа, — показали мальчика. Тотъ, часа два поговоривъ съ зыряниномъ, взялъ его съ собою въ Петербургъ. Тамъ онъ въ нѣсколько лѣтъ двѣнадцать языковъ выучиль!

А какъ хороша сѣверная природа Соловецкихъ острововъ! Вотъ гдѣ пріютъ и успокоеніе страждущей душѣ. Эти скалы, рощи, озера; это, немолчно-ропчущее вокругъ, Сѣверное море, эти горы, съ которыхъ открываются дивныя виды! Весь Соловецкій островъ и сосѣдніе раскидываются подъ вами, когда, взойдя на верхушку горы, вы взглянете внизъ. Лѣса, озера, поляны, церкви, скиты, часовни и горы — все это смѣшивается въ общую чудную картину. Какіе нѣжные переливы красокъ, какіе мягкіе изгибы линій. Тутъ — темная зелень сосноваго лѣса, тамъ — изумрудный просторъ поемнаго луга, и повсюду серебряныя щиты изящныхъ озеръ. Они точно шары на зеленомъ бархатѣ

Берега острова рѣзко очерчиваются передъ глазами, какъ на картѣ, но каждый пунктъ ихъ является отдѣльною картиной. Тамъ группа скалъ, вдвинувшихся въ море, обрывъ надъ ними; тутъ длинный мысъ, поросшій щетиной темнаго лѣса; тамъ зеленая отложина, нечувствительно сливающаяся съ темнымъ моремъ; тутъ послѣднее глубоко-глубоко врѣзывается въ землю, образуя въ ней внутреннія озера, едва замѣтными проливами связанныя съ громаднымъ водянымъ просторомъ, золотящіяся лѣсныя дороги, бѣлыя церкви. Какъ малы и какъ изящны онѣ кажутся съ этой высоты. Въ лѣсахъ золотыя искры — кресты затерявшихся въ ихъ дремѣ часовень. Вонъ на зеленой лужайкѣ раскинулось стадо оленей; глазъ едва ихъ различить; а гребни этихъ холмовъ, этотъ чудный и чистый, какъ дѣтская молитва, воздухъ, это безбрежное море... Засіяетъ розовая заря и разомъ вспыхнутъ внизу сотни озеръ; точно безчисленные костры пылаютъ они, пока солнце совсѣмъ не зайдетъ за горы. Вершины лѣса тоже охвачены этимъ вѣжнымъ сіяніемъ; темное вокругъ море въ такомъ уголкѣ горитъ пурпуромъ, золотомъ и лазурью. Бѣлыя церковки становятся розовыми, пурпуровыми, золотыми...

Среди этой удивительной обстановки соловецкій монахъ является типомъ крестьянина-хозяина. Онъ зорко блюдетъ свои интересы, работаетъ самъ, не отказывается отъ косы, лопаты и снасти, слѣпо вѣритъ и слѣпо повинуется. Онъ готовъ на все ради своей обители. Онъ перейметъ все у другихъ, что найдетъ хорошаго, и перенесетъ это къ себѣ въ обитель, улучшивъ съ удивительною смѣтливостью; но въ то же

время онъ крайне простъ во всемъ. Ряса грубаго сукна, рубаха деревенскаго холста да бахилы вмѣсто сапогъ, обильная, но грубая трапеза. Съ перваго взгляда онъ покажется вамъ не уменъ и вы съ видомъ превосходства начинаете ему объяснять что-нибудь; но будьте увѣрены, что онъ уже оцѣнилъ и васъ самихъ, и вашу мысль...

СІЙСКІЙ МОНАСТЫРЬ СВ. АНТОНІА.

(А. Михайлова).

Въ восьми верстахъ отъ Сійской станціи, *) ямщикъ мой остановилъ лошадей, снялъ шапку и перекрестился.

— Гдѣ же монастырь? — спрашиваю я у него.

— Да вонъ тамъ, — отвѣчалъ онъ, указывая рукою вправо.

Я слѣзъ съ телѣги, отошелъ немного въ сторону и тутъ только увидѣлъ главы монастырскихъ церквей, показавшіяся изъ-за густой зелени столѣтнихъ березъ. Еще нѣскольکو шаговъ впередъ и передо мною открылась дорога, или скорѣе аллея, ведущая прямо къ Святымъ воротамъ. Изъ монастыря не доносится ни одного звука,

*) Въ 162 верстахъ отъ Архангельска по петербургскому почтовому тракту.

нигдѣ не видать ни души. Вхожу въ монастырскую ограду. Направо — настоятельскія кельи, помѣщающіяся въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ старинной постройки, налѣво — кельи монастырской братіи, растянутое довольно низкое строеніе, впереди — нѣсколько каменныхъ пятиглавыхъ церквей, при нихъ колокольни съ высокими коническими шпицами, обложенными бѣлою известковою плитою. Кругомъ ограда частью каменная, частью деревянная, срубомъ опускающаяся въ озеро.

Но вотъ изъ кельи выходитъ монахъ и приглашаетъ меня войти въ церковь.

— Здѣсь почиютъ мощи Святаго Антонія, — замѣтилъ онъ мнѣ, когда я входилъ на церковный помостъ.

Мы вошли въ соборную церковь. Высокіе темные своды, четырехъугольныя массивныя колонны, обставленныя образами, рѣзной, когда-то золоченной, но теперь потемнѣвшій иконостасъ, поднимающійся до самыхъ сводовъ и вѣнчающійся распятиемъ, — все это отзывается глубокою стариной, напоминая собою XVI вѣкъ. Направо отъ царскихъ вратъ, вблизи иконостаса, помѣщается рака Святаго Антонія. Мощи его почиютъ подъ спудомъ. Я приложился къ образу святаго и сталъ у клироса, уносясь мыслью въ минувшіе вѣка. Здѣсь, думалъ я, жилъ, молясь и поучая, одинъ изъ тѣхъ восторженныхъ, преданныхъ Богу людей, которыми насаждалось и хранилось слово Божіе на Руси. И вотъ воображеніе вызываетъ изъ мрака отдаленныхъ временъ образъ благочестиваго инока, пришедшаго въ эти пустыни, до того почти безлюдныя, непроходимыя *). Онъ молился денно и ночью, вокругъ идетъ

*) Св. Антоній пришелъ сюда изъ Твери въ 1520 г.

молва о благочестивой жизни спасающагося старца; около него собирается братія, строится церковь, — и безмолвная до того пустыня оглашается колокольнымъ звономъ. Здѣсь, думаль я, поминались имена убіенныхъ при Грозномъ, здѣсь молились за упокой души несчастнаго сына его. Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, стоялъ и молился инокъ Филаретъ, будущій патріархъ московскій. Исполненный воспоминаній о минувшемъ, отошелъ я отъ раки преподобнаго.

Подъ одной изъ монастырскихъ церквей показали мнѣ келью Филарета; она больше похожа на темницу. Думаль ли онъ, сидя въ своемъ заточеніи, что въ монастырѣ, служившемъ для него мѣстомъ ссылки, будутъ потомъ величать его патріархомъ московскимъ и всея Руси!

Мнѣ хотѣлось заглянуть въ монастырское книгохранилище. Оно помѣщалось въ одной изъ колоколенъ. По узкой каменной лѣсницѣ, проведенной въ стѣнѣ, поднялись мы до второго яруса колоколни и вошли въ небольшую темную комнатку. Библіотека оказалась очень скудна рукописями и книгами, тѣмъ не менѣе я не хотѣлъ оставить ее, не заглянувъ въ нѣкоторыя хранящіяся въ ней рукописи. Услужливый монахъ вручилъ мнѣ одну изъ нихъ. То была „Служба преподобному чудотворцу Антонію“ сочиненія благовѣрнаго государя цесаревича Іоанна Іоанновича. Я прочелъ ее. Какая начитанность въ книгахъ религіознаго содержанія, какое глубокое проникновеніе ихъ духомъ! Каждая строка дышитъ благочестіемъ и набожностью. Я передалъ монаху рукопись. Онъ подалъ мнѣ другую. Это была грамота царя Бориса Феодоровича, предпи-

сывающая строгое монастырское содержаніе инокъ Филарета, „чтобы старецъ въ смуту не пришелъ и изъ монастыря бы не убѣжалъ“. Грамота за подписью дьяка Аванасія Власова отъ 22 марта 1605 года, — значитъ, отправлена въ монастырь незадолго до того времени, когда Филаретъ освобожденъ былъ по повелѣнію самозванца Григорія Отрепьева.

Выходя изъ монастырской ограды, я замѣтилъ въ сторонѣ, подъ навѣсомъ, огромный, но уже довольно ветхій неводъ.

— Гдѣ вы ловите имъ рыбу?—спросилъ я монаха.

— Прежде ловили, теперь нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

Я не спросилъ почему, ибо не могъ не замѣтить почти на каждомъ шагѣ встрѣчавшуюся бѣдность когда-то богатаго монастыря, владѣвшаго до 3.500 крестьянъ.

Было около 9 часовъ вечера, когда я оставилъ монастырь и отправился далѣе. Вечеръ былъ превосходный: тепло, тихо, на небѣ ни облачка. Мы обогнули монастырь съ сѣверной стороны, совсѣмъ потеряли его изъ виду и стали подниматься въ гору. Направо отъ дороги, сквозь лѣсную чащу, замелькало озеро. Но вотъ усталыя лошади кое-какъ втащили на гору, и глазамъ моимъ предстала великолѣпная, дивная картина, — одна изъ тѣхъ картинъ, которыя глубоко запечатлѣваются въ душѣ человѣка и остаются въ ней навсегда. Передо мною разстилалась гладкая поверхность озера. Ярко, какъ въ зеркалѣ, отражало оно въ себѣ весь монастырь, съ его блестящими на солнцѣ бѣлыми церквами, колокольнями и оградой. Казалось, монастырь опрокинулся въ озеро и раздвоился. Огром-

ныя ели и сосны, перемеживаясь съ еще болѣе громадными лиственницами, сплошною массою обступали крутые, высокіе берега озера, ярко отразившись въ его зеркальной поверхности. За монастыремъ, на горѣ, зарывшись въ боръ, лѣжится деревушка. Около нея, кое-гдѣ, проглядываетъ яркая зелень полей. И монастырь, и вода, и лѣсъ — все обито золотистыми лучами заходящаго солнца. Дневной жаръ смѣнился вечернею прохладой. Кругомъ глубокая тишина. Вдругъ раздается звонъ колокола: это монастырскіе часы; эхо вторить ему, — и вотъ, одинъ за другимъ, понеслись по пустыннымъ окрестностямъ, изъ озера въ озеро, изъ бора въ боръ, серебряные звуки, переливаясь и перекачиваясь и мало-по-малу замирая вдали. Какъ очарованный стоялъ я неподвижно на мѣстѣ: глазъ не можетъ оторваться отъ этой дивной картины. Смотришь и не насмотришься. И у насъ, думалъ я, не найдется художника, который потрудился бы заглянуть въ этотъ уединенный, но высоко-живописный уголокъ, чтобы положить его на полотно! Говорятъ, императоръ Александръ Благословенный, проѣздомъ въ Архангельскъ въ 1819 году, приказалъ остановиться на этомъ мѣстѣ, вышелъ изъ коляски и долго любовался представившимся ему видомъ.

Мы отправились далѣе, но монастырь не оставлялъ насъ. То скроется за чащей растущаго по краямъ дороги лѣса, то снова покажется во всей красотѣ своей; снова остановишься и снова любишься.

Дорога идетъ по возвышенности; по обѣимъ сторонамъ ея глубокіе, крутые овраги, густо поросшіе ельникомъ и соснякомъ. Громадныя деревья растутъ

тамъ и вершинами своими едва не равняются съ дорогой. Куда ни посмотришь—и вправо и влѣво—вездѣ сквозь лѣсную чащу мелькають озера. Вотъ ямщикъ мой взялъ вправо—и передо мною очутилось озеро. Нужно было спуститься подъ гору, а дорога, повидимому, вела прямо въ него. „Куда, куда ты?!“ кричалъ я ямщику, бойко спускавшему лошадей, но ямщикъ не слушалъ, круто повернулъ влѣво, и мы опять стали подниматься въ гору, оставивъ въ сторонѣ напугавшее меня озеро. Говорять, въ этомъ мѣстѣ въ прежнія времена грабили проѣзжихъ, „пощаливали“, какъ выразился ямщикъ.

Поднявшись на гору, я искалъ глазами монастырь, но его не было, — должно-быть скрылся за лѣсомъ. Такъ проѣхали мы съ полверсты, и я мысленно уже простился съ нимъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, онъ снова явился передо мною. Та же дивная красота, та же обаятельная прелесть картины! Монастырь уже не весь отражается въ водѣ: на него на двинулся сосѣдній боръ, узкою, длиною полосой ушедшій въ озеро. Онъ не блеститъ уже ярко своими бѣлыми церквами, но конусообразныя вершины колоколенъ еще рѣзко выдѣляются изъ окружающаго бора. И монастырь, и озеро, и боръ — все утонуло въ прозрачномъ, золотомъ туманѣ юньской сѣверной ночи.

„Да, думалъ я, окончательно расставаюсь съ монастыремъ, Святой Антоній былъ человѣкъ съ душою, глубоко сочувствовавшею красотамъ природы. И гдѣ, какъ не здѣсь, въ этихъ уединенныхъ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ на каждомъ шагѣ поражаешься величественными красотою, — гдѣ, какъ не здѣсь отдаться всецѣло

и душою и сердцемъ молитвъ Богу, Ему, создавшему все это. И какъ соотвѣтствуютъ эти суровыя, но живописныя мѣста той суровой, но полной самоотверженія жизни, которую запечатлѣно подвижничество святого пустытника!

П О М О Р Ь Е.

(Ф. Ставровской).

Насталъ юнь. Холодное Бѣлое море очистилось отъ своихъ льдовъ. Начинается время усиленной дѣятельности для русскихъ береговыхъ жителей Архангельской губерніи, извѣстныхъ подъ именемъ поморъ.

Раннее утро. Густой бѣлый тумавъ вплотную насѣлъ на угрюмыя свинцовыя волны моря. За нѣсколько шаговъ ничего не видно. Только сквозь влажную пелену прорывается протяжный, унылый, наводящій тоску, точно похоронный, звонъ колокола; невольно вздрогнешь отъ этихъ звуковъ: не гибнетъ ли судно? Но вотъ солнышко выше и выше скользитъ по небу, рѣже и рѣже тумавъ, и изъ-за него вдругъ вынырнула красивая поморская шкуна. Бѣлые паруса туго натягиваются вѣтромъ, и бойко бѣжитъ царица бѣломорскихъ судовъ. Нѣтъ, она не въ опасности, а звонили затѣмъ, чтобы другія суда, не видя начево за туманомъ, не столкнулись съ быстро бѣгушею шкуной. Разсѣявшійся туманъ даетъ возможность не вдалекѣ разглядѣть большое остроносое палубное судно—лѣдью. Ближе же къ берегу, поднявъ свой единственный парусъ, бѣгутъ

безпалубныя суда — шняки. Свѣжій вѣтерокъ подгоняетъ ихъ все дальше и дальше по направленію къ западу. Конечно, неуклюжей лодьѣ не угнаться за ловкою стройною шкуной, а шнякѣ въ свою очередь не угнаться за лодьей; но всякому свое. Доволенъ хозяинъ лодьи, доволенъ хозяинъ шняки — и благодарятъ Бога за повѣтеръ (попутный вѣтеръ). Но стихнетъ вѣтеръ — синее море замретъ, и его свѣтлыя воды сдѣлаются такъ прозрачны, что видно дно съ его острыми камешками, разноцвѣтными раковинами и разными причудливыми морскими животными. Шняки идутъ тогда на веслахъ, а то и совсѣмъ остановятся, а палубныя суда, лавируя, все подвигаются впередъ и впередъ. Но на сѣверѣ въ началѣ лѣта нельзя ожидать постоянной погоды; за тихимъ яснымъ днемъ можетъ послѣдовать бурная ночь, и наоборотъ, а то вдругъ запѣнится море, ударитъ сильный, хоть и непродолжительный, вѣтеръ — торокъ, какъ его называютъ. Крѣпко не долюбиваютъ поморы этого вѣтра: какъ бѣшенный сорвется онъ вдругъ, того и глади поломаетъ мачты, вырветъ руль, а то и совсѣмъ опрокинетъ судно. Да и продолжительная-то буря не совсѣмъ пріятна; хорошо, какъ вѣтеръ попутный — можно паруса распустить и бѣжать, шибко бѣжать, да долго ли до бѣды: мель, камень какой-нибудь — и гибель, но при опытномъ кормщикѣ, конечно, все ничего. А какъ вѣтеръ противный — становись на якорь и шкуна, и лодья, а ужъ для шняки или карбаса — настоящая бѣда. Благодареніе Богу, если удастся пристать къ какому-нибудь островку, что видимо-невидимо разсыпано у береговъ Бѣлаго моря. У рѣдкаго изъ нихъ не най-

дется маленькой бухты, а ужъ въ этихъ бухтахъ такой покой, что ни за судно, ни за себя бояться нечего; жаль только, что время пропадетъ. Но привыкъ поморъ ко всякимъ неудачамъ, да, пожалуй, и радъ: на островкѣ вонъ торчитъ полуразвалившаяся избенка, — промышленникъ какой-то построилъ ее на время ловли звѣря или рыбы; хоть и тѣсно, и душно, и грязно въ ней, все-таки можно и огонекъ развести, обогрѣться и ушицу сварить изъ свѣжинки (свѣжей рыбы), что набросали имъ земляки, ловившіе рыбу, а тамъ соснуть можно славно, благо тепло.

Пріятно мечтая о вкусной ухѣ и сладкомъ снѣ, выходятъ промышленники на берегъ.

Гранитная масса успѣла уже покрыться и мхомъ, и мелкимъ кустарникомъ, и бѣлыми цвѣточками морощки (блѣдно-оранжевая ягода), и даже одиноко торчитъ хвойное деревцо. Подъ ногами то и дѣло хруститъ черная водянистая ягода — вороника. За кустарниками, при приближеніи шаговъ, раздался сильный трескъ и топотъ; это медвѣдь, лакомившійся вороникой, убегаетъ восвояси. Пугливый зайчикъ, выскочивъ изъ-за зелени, присѣлъ, поджавъ длинныя ушки. Гуси и утки цѣлою стаей вьются надъ островомъ. Чайки, мелкая бѣлыми серебряными точками, провзительно, жалобно выкрикиваютъ.

Прояснится погода — и опять въ путь поморы. Плы-вуть они между безчисленными островами то голыми, то покрытыми желтыми и зелеными пятнами мху и лишаевъ, то зелеными, поросшими кустарникомъ, плывуть мимо береговъ то ровныхъ песчаныхъ, то рисующихъ гдѣ-то далеко, за горизонтомъ, неясными очер-

танями хвойный лѣсъ, плывутъ мимо каменистыхъ береговъ, красивыми нестрыми массама и отдѣльными скалами сторожащихъ синее море. Чѣмъ дальше на востокъ и сѣверъ, тѣмъ меньше зелени видно, и только изрѣдка непривѣтливо торчитъ искривленный праземистый хвойный лѣсъ; чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и больше высятся гранитныя угрюмыя скалы, тѣмъ рѣже и ниже встрѣчаются деревья, и только печально рисуются то отдѣльно, то по нѣскольку вмѣстѣ простыя деревянныя кресты, наводящіе на грустныя мысли. Поставлены ли они въ благодарность Господу за чудесное спасеніе, поставлены ли послѣднимъ памятникомъ умершихъ товарищей или родныхъ, поставлены ли тружениками и обреченными на голодную смерть бѣдняками, захотѣвшими оставить послѣднюю память,—кто знаетъ? Одно несомнѣнно, что не веселыхъ картинъ были они свидѣтелями.

Но долго ли, коротко ли—суда въ океанѣ. Тутъ дрогнетъ сердце и у смѣлаго помора, да и еще бы! Поднимется вѣтеръ—волны ходятъ такія, что закроютъ все судно и съ мачтами. Да это еще что! А то громадныя льдины ходятъ плавно по одиночкѣ, скользя по волнамъ, или, сталкиваясь вмѣстѣ, съ трескомъ, шумомъ и искрами громоздятся другъ на друга и плывутъ уже такую страшною массой, что и большой корабль покажется передъ ними игрушкой. Съ такими льдинами шутить опасно: какъ разъ отъ судна останутся однѣ щепки.

Конечно, поморы могли бы ѣхать и попозднѣе, когда погода постояннѣе, когда ледъ пронесетъ, дѣло только въ томъ, что это невыгодно. Большимъ судамъ путь

не близокъ—въ Норвегію: вѣдь нужно успѣть продать все, что везутъ изъ Архангельска: и хлѣбъ, и пеньку, да и купить кой-что нужно, не мала и покупка, а поздно-то приѣдешь—пожалуй и продашь съ убыткомъ, и купишь невыгодно. А поменьше суда идутъ на рыбныя и звѣриныя промыслы,—тоже опоздать-то неладно: звѣри-то да рыба ждать не будутъ, да и другіе промышленники тоже. Значить, дѣлать нечего! Впрочемъ, поморь и привыкъ къ опасностямъ: съ дѣтства онъ ужъ на морѣ, мальчика восьми и даже семи лѣтъ берутъ съ собою, можно привыкнуть, и, дѣйствительно, привыкаетъ поморь; довольно равнодушенъ онъ и къ камнямъ, и къ мелямъ, и къ бурямъ, и льдинамъ: на все, молъ, Божья воля, какъ кому суждено Господомъ. Но вы не думайте, чтобъ онъ хладнокровно относился и къ землякамъ, если тѣ въ опасности,—нѣтъ! Несмотря ни на что, иногда въ крошечной вертлявой лодчонкѣ, мѣтко названной душегубкой, плыветъ онъ спасать тонущаго; и тутъ опять-таки помогаетъ ему вѣра: на все Божья воля, махнетъ рукою поморь, и ничто не удержитъ его исполнить свой христіанскій долгъ.

Идутъ поморы навстрѣчу морскимъ опасностямъ, а на берегу остались ихъ жены, дѣти и всѣ родные.

У быстрой рѣчонки, во многихъ мѣстахъ выставленной голые камни, покрывающіеся водой только во время прилива, расположена неправильными рядами деревня. Посреди хотя и большихъ, но простыхъ избъ красуются два-три красивыхъ дома, построенныхъ на городской ладъ. Черезъ чистенькое покрашенное крыльцо входите въ переднюю, гдѣ встрѣчаетъ васъ високаи,

толстая, но красивая поморка въ сарафанѣ, съ малиновой повязкой (кокошникомъ) на головѣ и ласково, съ своеобразнымъ говоромъ, которымъ дѣлается значительное удареніе на О, сильно растягивая слова, вводитъ васъ въ залу. Большая свѣтлая комната съ крашенымъ поломъ, бѣлыми съ цвѣточками обоями, большими зеркалами и мягкой, удобной, хотя и некрасивой разнокалиберной мебелью, производитъ на васъ пріятное впечатлѣніе. Нигдѣ сору, нигдѣ беспорядку. Прижавшись въ уголокъ, смотритъ на васъ исподлобья тихая голубоглазая дѣвочка. До слуха вашего доходитъ звонкій дѣтскій смѣхъ, что возбуждаетъ въ васъ желаніе посмотрѣть весь домъ поморки. Черезъ чистенькую гостиную вы входите въ слѣдующую комнату: ее занимаютъ большая кровать, стеклянный шкафъ съ посудой, большой столъ, старый ободранный диванъ и нѣсколько стульевъ. Возлѣ — просторная кухня съ большою печью, деревяннымъ столомъ, лавками вокругъ стѣнъ и висячею люлькой. За накрытый столъ съ шумомъ усаживаются дурно, нечисто одѣтыя, босыя дѣти, — дѣти самой хозяйки. Глядя на нихъ, вы думаете: если о дѣтяхъ изъ богатаго дома такъ мало заботятся, то какъ же живутъ они въ домахъ, гдѣ всего-на-все одна изба, если эти дѣти спятъ гдѣ и какъ попало, то что же тѣ?

Но хозяйка прерываетъ ваше осматриваніе и проситъ васъ въ гостиную. Вы утомлены и съ удовольствіемъ растянетесь на этомъ мягкомъ диванчикѣ; но не успѣете оглядѣться, какъ предъ вами очутятся и кофе, и пряники, и орѣхи, и печевье. Если вы сильно устали, васъ проведутъ въ маленькую комнату съ большою

кроватю, на которой лежатъ пуховики и цѣлая гора подушекъ, съ птичкою подъ потолокомъ, съ картинами на стѣнахъ. Въ окно видны маленькія поля, озаренныя золотымъ свѣтомъ солнца; тощіе колосья едва-едва склоняютъ свои головки. Дальше, за чахлымъ лѣсомъ, зеленѣютъ луга съ жесткою травой. Нѣсколько штукъ коровъ бродятъ на улицѣ. Какія онѣ худыя, костлявыя, мелкія! да и понятно: не много можно собрать сѣна съ этихъ луговъ; у самаго богатаго помора едва-едва хватить на половину зимы; и сѣно, и хлѣбъ покупаютъ „въ городѣ“ (въ Архангельскѣ); да и держатъ скота въ поморьѣ очень мало

На улицѣ—ни души. Мужчины всѣ на промыслахъ, а женщины и даже дѣвочки сидятъ дома и занимаются чѣмъ-нибудь по хозяйству; если и увидите кого-нибудь, то развѣ маленькаго, бѣлоголоваго, голубоглазаго ребенка или глазѣющаго по сторонамъ, или играющаго въ песочкѣ.

Но вотъ по направленію рѣки, гдѣ стоитъ большой карбасъ, идутъ четыре дѣвушки, неся за плечами и весла и руль. Живо, проворно приладили онѣ руль, подняли мачту и отправляются въ путь—везти почту.

Странно, но это такъ: дѣвушки замѣняютъ лошадей, потому что по сухому пути ѣхать невозможно. За немѣніемъ мужскихъ рукъ, эти дѣвушки исполняютъ ихъ обязанности и исполняютъ ничѣмъ не хуже мужчинъ: не потеряются ни передъ какою бурей, не упадутъ въ обморокъ, не расплачутся, а еще ловко подтрунятъ надъ нашимъ братомъ, пугающимся, если вѣтеръ накренитъ карбасъ на бокъ или волна плеснетъ въ него. Зная ихъ ловкость и силу, никто не боится съ

ними ѣздить. Зато въ праздничный день поморки умѣютъ принарядиться: цвѣтные сарафаны, яркія повязки, унизанныя жемчугомъ, алыя ленты очень идутъ къ ихъ высокимъ, стройнымъ фигурамъ и миловиднымъ личикамъ.

Карбасъ бойко мчится по шумливой рѣкѣ, во многихъ мѣстахъ отъ пороговъ образующей водопада. Порожистыя рѣки здѣсь такъ быстры, что нѣкоторыя не замерзаютъ зимой, а покрываются мелкими плавающими льдинками. Опасно ѣздить по такимъ рѣкамъ,— того и гляди, что теченіемъ ударитъ судно о камень. Но старикъ, сидящій у руля, постоянно поворачивая его, ловко проводитъ карбасъ между камнями и мелями и скоро выбирается въ море, гдѣ и идетъ онъ около берега.

День уже склонялся къ вечеру, какъ наши путники въѣхали въ рѣку и здѣсь имъ представилось слѣдующее зрѣлище. По всей поверхности воды разсыпано множество карбасовъ — иные спокойно стоятъ на якорѣ, другіе плаваютъ. На нихъ суетятся люди, то опускаая, то поднимая длинныя конусообразныя сѣти, при розоватыхъ лучахъ заходящаго солнца въ нихъ радужными цвѣтами отливали серебристыя спинки бьющихся сельдей. Ими до половины наполнены были суда. Только ближе къ берегу, бортъ-о-бортъ, стоятъ на якоряхъ два пустые карбаса. Движенія тутъ не замѣтно, нѣсколько человѣкъ въ разныхъ положеніяхъ спятъ на днѣ; на кормѣ, изрѣдка посвистывая и, очевидно, прислушиваясь, сидитъ мальчикъ. Вдругъ чуткое его ухо разслышало изъ рѣки странный шумъ.

— Эй, руно! (стадо сельдей)—закричалъ мальчикъ.

Изъ карбаса поднялось нѣсколько сонныхъ головъ. Одинъ изъ проснувшихся пошупалъ весломъ въ водѣ и опять преспокойно легъ. Черезъ нѣсколько минутъ шумъ повторился; опять опустилось весло и—странное дѣло!—не погружалось, а стояло въ водѣ. „За дѣло!“ живо разѣхались карбасы, опуская въ воду сѣть. Когда ее вытащили, она была полна сельдями. Со всѣхъ сторонъ предлагали нашимъ путникамъ рыбу, такъ какъ ея было наловлено столько, что дѣвать некуда,—и то мелкую сельдь повыбросали за бортъ.

Значить, не всѣ поморы ушли на промыслы, а вотъ почти вся деревня осталась для ловли сельдей. И сельди даютъ помору большой барышъ: хоть солить онъ ихъ въ грязныхъ сельдянкахъ (боченкахъ), хоть не искусно и не чисто коптятъ ихъ, но жители Архангельской губерніи привыкли къ такимъ сельдямъ и лучшихъ не требуютъ.

Для одной ли ловли остаются поморы на лѣто? А вотъ посмотримъ.

У самага почти моря, на песчаномъ серебристомъ берегѣ, покрытомъ жесткою желтою травой, раскинулась деревушка. Угрюмая, темная, она всегда спокойна, всегда молчалива; только сегодня въ ней замѣтно движеніе: на воду спускаютъ карбасы, тащатъ сѣти, пѣшни, по формѣ похожія на ломъ, веревки; мужчины громко разговариваютъ между собою, очевидно совѣтуясь. На другой день ранехонько, когда только что зардѣлась заря, на гладкой поверхности моря сѣхалось въ большой кругъ нѣсколько десятковъ карбасовъ. Длинная веревка, перебрасываемая съ карбаса на карбасъ, падаетъ въ воду,

увлекая за собою громадный неводъ; карбасы составляютъ все меньшій и меньшій кругъ. Въ серединѣ его плескается вода, то образуя полосы, разгребаемыя чьими-то лапками, то поднимаясь вверхъ въ видѣ фонтана; по временамъ въ водѣ серебрится гладкая бѣловатая шкурка, выставляется на поверхность некрасивая мордочка морского звѣря — бѣлуги. Хочетъ бѣдное животное вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, выставитъ голову; проворный промышленникъ забрасываетъ прямо въ дыхало длинный желѣзный крюкъ. Скроется голова, и вода въ томъ мѣстѣ окрасится кровью. Ближе и ближе карбасы, чаще и чаще показываются головы испуганныхъ бѣлугъ. Но вотъ цѣль промышленниковъ достигнута: все стадо сбито въ кучу на мель; пошли въ ходъ длинныя пѣшны: то и дѣло вонзаются онѣ въ дыхала, и скоро всѣ звѣри были перебиты; тогда поморы занялись другимъ дѣломъ: вытаскать звѣря изъ воды, отрубать ему голову и лапы и сдираютъ кожу. На берегу уже собралось большое стадо собакъ и, громко лая, ожидаетъ подачки. Окончена работа, собаки занялись бѣлужимъ мясомъ, поморы ѣдутъ къ берегу, везя въ карбасахъ кожу и сало, и оживленно разговариваютъ, какъ лучше ихъ сбыть, гдѣ выгоднѣе продать.

Поѣзжайте лѣтомъ по всему Поморью и вы увидите, что для дѣятельности помора существуетъ одно необходимое условіе—это суда. Торгуется ли поморъ—безъ судовъ нельзя, ловить ли рыбу или звѣря—нужны суда; словомъ, безъ судовъ поморъ хоть погибай. Но гдѣ же покупаютъ или кто строятъ для поморъ эти суда, безъ которыхъ, какъ видно, не обходится почти

ни одинъ промыселъ? А вотъ отправитесь дальше на западъ.

Быстро течетъ маленькая рѣчка съ каменистымъ дномъ. На пестрыхъ гранитныхъ камняхъ, разбросанныхъ по берегамъ ея, лѣплятся деревянные дома; нѣсколько бѣлыхъ церквей красуются между ними, блестя золотыми крестами; день и ночь стоитъ здѣсь шумъ отъ пороговъ. Съ перваго взгляда вамъ покажется, что это большое поморское село: глазъ вашъ встрѣчаетъ уже знакомые неправильные ряды домовъ, тѣ же яркіе сарафаны и свѣтлыя повязки видите вы на женщинахъ, тотъ же протяжный, почти пѣвучій говоръ, со множествомъ неизвѣстныхъ словъ, слышите вы, — село, село! Вонъ всю бойкую рѣчку загораживаетъ стѣна изъ бревенъ, хворосту и кольевъ съ отверстіями, въ которыя вставлены сѣти, — словомъ, въ рѣкѣ поставлены *заборы* для ловли семги, — заборы, постоянно встрѣчающіеся въ поморскихъ рѣкахъ; они еще болѣе утверждаютъ васъ въ вашемъ мнѣніи. Но спустимся въ это живописно расположенное село и войдемъ въ главную улицу. Прежде всего вамъ бросятся въ глаза нѣсколько зданій съ надписями: уѣздное училище, уѣздный судъ, уѣздное казначейство. А, такъ это городъ! — скажете вы, и не ошибетесь: это городъ, и городъ, имѣющій для поморовъ большое значеніе. Спросите сами у любого изъ нихъ о Кеми, и онъ расскажетъ вамъ, что изъ Кеми много народу ѣдетъ на промыслы, очень много, что тамъ есть большіе богачи, къ которымъ можно напяться, если не имѣешь своего судна, своихъ снарядовъ для ловли, что тамъ хорошіе мастера судовъ, и прибавитъ, что хотя строить суда и въ дру-

гихъ селеніяхъ Поморья, но „супротивъ кемскаго ни одно судно не станетъ“, а вдобавокъ непремѣнно постарается показать вамъ судно, сдѣланное кемскимъ мастеромъ.

— Гдѣ же они учились?—спросите вы.

— Почто учиться? и безъ ученья сдѣлають, смастерять такое суденышко, что сколько годковъ будетъ ходить куда угодно,—ни у тебя течи, ни у тебя сломается что... Почто ученье? Дѣды и отцы еще положили эту науку,—ну, и передали сыну, тотъ своему, такъ все и идетъ...

Значить, поморы не любятъ учиться, не учать дѣтей,—подумаете вы послѣ этого разговора. Нѣтъ, вы ошибаетесь: загляните-ка въ Архангельское шкиперское училище, чьи дѣти тамъ учатся?—Поморь. Загляните въ большія поморскія села, вездѣ вы увидите большой деревянный домъ съ надписью: сельское училище. Да спросите въ той же Кеми о шкиперскомъ училищѣ: всѣ выразятъ большое сожалѣніе, что его закрыли. Только поморь уменъ: если снѣ имѣеть средства, онъ даже учить дѣтей въ Архангельскѣ; но, отдавая въ ученье мальчика, будетъ просить учить ариметикѣ и нѣмецкому языку по преимуществу (нѣмецкій языкъ сходенъ съ норвежскимъ): намъ, молъ, это всего нужнѣе; отдавая же дѣвочку, просить о руководѣльѣ и тоже объ ариметикѣ: „въ хозяйствѣ-то больно нужно; вовъ мужъ уѣдетъ—все сама, и продать, и купить; вездѣ, значить, счетъ у насъ, безъ этого нельзя“, добавить умная, бойкая поморка.

Кипить ключомъ дѣятельность въ Поморьѣ вплоть до осени. Задуютъ осенніе сѣверные вѣтры, взгруснетси

поморамъ: „гдѣ-то наши, благополучны ли, живы ли?“ — сожмется сердце поморки за своего мужа, за своихъ маленькихъ дѣтишекъ, что тоже отправились въ море. Чаше и чаще выходитъ она на берегъ посмотрѣть, не ѣдутъ ли; бѣлѣющіеся паруса уже нѣсколько разъ обманывали ея ожиданія.

Но вотъ и радость: наѣхали! Наѣхали и навезли товаровъ, новостей, а если изъ Норвегіи, то и подарковъ. Но не всѣмъ веселье, — привезутъ поморы и грустныя вѣсти: „а вѣдь у дяди Павла судно разбило, всё потопило!“ А то и вѣстей нѣтъ, и осень пройдетъ — нѣтъ, и зима настанетъ — нѣтъ: погибли!

Возвратился поморъ домой, но еще отдыхомъ наслаждаться не можетъ: товары-то накуплены, рыбы и звѣрей паловлено, продать нужно. И бѣгутъ опять суда: бѣжить и шкуна, и ладья, и шняка, и карбасъ, но бѣгутъ теперь въ другую сторону — въ Архангельскъ, на ярмарку. Раньше всѣхъ плывутъ небольшіе карбаски съ чѣмъ-то грязновато-бѣлаго цвѣта; приглядитесь, и вы узнаете соль. Но отчего она такая грязная? А вотъ вернемся назадъ, заглянемъ въ тѣ деревни, гдѣ поморы занимаются вываркой соли. Прежде всего вамъ бросятся въ глаза черныя ветхіе сараи. Войдемъ. Дымъ густою бѣлою струей бросается вамъ въ глаза, такъ что вы невольно ихъ закрываете. Но въ слѣдующую минуту, когда часть дыма уйдетъ, вы можете разглядѣть большой черный котелъ, висящій надъ ямой, гдѣ съ трескомъ горятъ дрова, различате и мальчика, присѣвшаго на корточки и подбрасывающаго топливо, и мужика, мѣшающаго въ котлѣ, и незакрытые закромы. Съ плескомъ, журча, вливается вода, накачиваемая

насосомъ черезъ трубу, проведенную изъ моря. Достаточно разъ взглянуть на черный, прокоптившійся котель, достаточно разъ *вздохнуть* тяжелымъ дымнымъ воздухомъ, чтобъ догадаться, отчего соль не можетъ быть чистой, только-что вываренная, и еще болѣе загрязнится, оставаясь неприкрытою въ дымѣ и копоти.

Да солеварникамъ и вѣтъ побудительной причавы дѣлаться аккуратнѣе, и такъ раскупать на расхватъ: все Поморье требуетъ соль постоянно въ огромномъ количествѣ, часто даже ея не хватаетъ на соление рыбы. Но вода въ варницу идетъ не только изъ моря, но также изъ соленыхъ колодцевъ, и часто ихъ устраиваетъ не одинъ владѣлецъ, а цѣлая деревня; въ послѣднемъ случаѣ варятъ соль поочередно.

Узнавъ, гдѣ и какъ добываютъ соль, вернемся къ оставленнымъ судамъ.

Сѣверный вѣтеръ пронизываетъ плавателей насквозь, такъ что и полушубокъ одѣтъ впору. Тяжелыя сѣрыя волны съ остервененіемъ нападаютъ на суда; глядя на нихъ, нельзя рассчитывать на благополучное плаваніе. Но вотъ показали воздушныя бѣлыя очертанія Архангельска, и скоро суда съ трудомъ подходятъ къ пристани. Шумъ, гамъ, толкотня на Архангельскомъ базарѣ цѣлый мѣсяцъ, и только по окончаніи его все утихаетъ, наступаетъ холодная снѣжная зима. Свинцовое море въ бѣлыхъ берегахъ ужасно. Опять ходятъ на поверхности его угрожающія льдины, но угрожать теперь некому: поморы дома наслаждаются отдыхомъ. Да и зима, впрочемъ, не всегда въ Поморьѣ обходится благополучно: не въ рѣдкость тамъ случаются такія вещи. Посреди моря сильнымъ вѣтромъ тащитъ огром

ную льдину; на ней, взмахивая руками, несется человекъ, шапку сорвало съ головы; русые волосы прядями падаютъ на страшно поблѣднѣвшее лицо; крики... не крики, а вопли доходятъ до товарищей. Всѣ они занимались ловлей морскихъ звѣрей, перебивая ихъ, когда, высовывая голову между льдинами, звѣри хотятъ вдохнуть свѣжій воздухъ. Вѣтеръ ли оторвалъ или звѣри столкнули своими судорожными предсмертными движеніями, только одну льдину съ товарищемъ, прилежно занявшимся убитымъ звѣремъ, унесло, и замѣтили это только тогда, когда она была уже далеко... Рѣшили достать лодку и догнать, во чтобы то ни стало; но вѣдь это дѣло сомнительное, не мудрено самимъ смѣльчакамъ погибнуть. Хорошо, какъ вынесетъ льдину на островокъ: тамъ можно прожить, пока не подоспѣютъ товарищи, да нерѣдко бываетъ, что умираютъ на нихъ голодною смертью, всѣ эти островки такъ пустыньны...

Но зимой ловлей звѣрей занимаются очень мало; это время отдыха, свадебъ, праздниковъ. Только мальчики занимаются дѣломъ: усядутся около прорубей и спускаютъ въ воду веревку съ привязаннымъ на концѣ кускомъ рыбы. Жадная навага (во множествѣ наполняющая поморскія рѣки) сейчасъ же бросается на него, минута — и она вытащена. Способъ не хитрый, а много же ее вылавливается, потому и цѣнится навага въ Поморьѣ очень дешево.

У крыльца того красиваго дома, въ которомъ мы побывали, стоитъ тройка лошадей. Крестьясь, садится въ нее объемистый хозяинъ, отправляясь въ Москву продавать семгу, шкуры звѣрей и другіе товары; хозяинка и дѣтишки всѣхъ возрастовъ провожаютъ его,

напоминая ему кушить то-то и то-то. Звезя колокольчиками, быстро помчалась тройка по свѣжнымъ сугробамъ, помчалась туда, гдѣ не такъ рискованно живетъся, гдѣ солнышко свѣтитъ теплѣе и ярче, гдѣ не такъ продолжительна и жестока зима.

ОХОТА НА МЕДВѢДЯ.

(А. Михайлова).

Бѣденъ и малолюдень городъ Пинега. Городъ, по своему наименованію, онъ во многомъ уступаетъ инымъ селамъ: они и обширнѣе, и богаче, и жизни, движенія въ нихъ больше. Еще только семь часовъ вечера, но пустынные и за день улицы опустѣли уже совершенно. Крохотное населеніе городка, за исключеніемъ койкого изъ чиновнаго міра, уже улеглось спать. Съ разсвѣтомъ поднимется оно на ноги, чтобъ заняться обыденнымъ домашнимъ обиходомъ.

Скука невыносимая... Хоть бы зима прошла скорѣе. Тогда бы въ лѣсъ, въ луга. Лѣсъ же подъ бокомъ, а окрестные луга, широко раскинувшіеся по ту сторону рѣки, — такое раздолье для охоты!

Вотъ дождались и апрѣля. Съ юга начинается навѣвать тепломъ, снѣгъ уже таетъ въ *притинахъ* *). Но

*) *Притина* — угрѣвное мѣсто, гдѣ снѣгъ, подъ прикрытіемъ стѣны или забора, таетъ сильнѣе.

до полной весны, когда распустятся деревья и зацвѣтутъ травы, еще далеко. Съ нетерпѣніемъ поджидаешь прилета птицы, а между тѣмъ на умѣ охота на медвѣдя. Скоро полвзетъ онъ изъ берлоги: нужно ползаться временемъ.

Нигдѣ, по всей Архангельской губерніи, не встрѣчалъ я такъ много медвѣдей, какъ въ лѣсахъ Пинежскаго уѣзда. Бьютъ ихъ мало, да гдѣ жъ и перебить ихъ, когда весь почти Пинежскій уѣздъ есть одинъ сплошной лѣсъ. Какъ же тутъ, на такомъ привольи, не жить и не множиться медвѣдямъ!

Былъ у меня знакомый крестьянинъ въ одной изъ подгородныхъ деревень, большой ходокъ на медвѣдей. И ходилъ-то онъ на нихъ больше безъ ружья, одинъ одинѣшенекъ, только съ рогатиной. Лѣсъ тотчасъ же за деревнею, и двѣ-три медвѣжки берлоги у него всегда уже есть на примѣтѣ. Примѣчалъ онъ ихъ еще съ осени, когда начнутъ уже перепадать снѣга, по-слѣду. Нужна большая осторожность и много опытности, чтобъ выслѣдить берлогу невидимо и неслышимо отъ медвѣдя: на первыхъ порахъ, завалившись въ нее, онъ и присматривается и прислушивается, какъ бы предвидя предстоящую ему опасность. Зашумитъ ли, хрустнетъ ли что по близости, онъ тотчасъ же вылзетъ изъ берлоги, обойдетъ вокругъ, и если зачуется слѣдъ чловѣка, непременно уйдетъ прочь и будетъ искать себѣ новаго логовища. Случается, что поднимутъ его такимъ образомъ, иногда и случайно, въ позднюю пору, когда спячка начнетъ уже одолевать его; тогда завалится онъ, по нуждѣ, гдѣ-нибудь въ буреломѣ, подъ вывоченнымъ корневищемъ большой сосны или ели. Но-

вой берлоги готовить тогда ему уже некогда. Медвѣди зря никогда не заваливаются на зиму. Они всегда готовят себѣ берлоги, выбирая для нихъ или природныя логовища въ песчаныхъ лѣсистыхъ краяхъ, или вырывая ихъ, и притомъ въ мѣстахъ сухихъ, возвышенныхъ, чтобъ весною тающій снѣгъ не имѣлъ въ нихъ стока. Нерѣдко въ берлогахъ находятъ мохъ: медвѣдь, какъ видите, заботится даже о постели.

Вскинувъ на плечи легкія лыжи, вышли мы изъ деревни на разсвѣтъ, чтобъ нѣсколько верстъ пройти по *насту*, который объ эту пору, обыкновенно, распускается къ полудню подъ грѣющими уже лучами солнца. Чтобъ добраться до берлоги, нужно было идти лѣсомъ верстъ пятнадцать: медвѣди не любятъ залегать на зиму по близости жилья. Вотъ и лѣсъ, разумѣется, хвойный, такъ какъ здѣсь нѣтъ чернолѣся. Рѣдкій въ началѣ, онъ становится гуще и гуще, по мѣрѣ углубленія въ него, и, наконецъ, пошла такая чаща, что съ трудомъ можно было слѣдить за собакою, забѣгавшею впередъ. Все ель да сосна, больше ель, такъ какъ почва земли глинистая. Лѣсъ не крупный, и не мелкій, заваленный буреломомъ, торчащимъ изъ-подъ снѣгу, какъ и вездѣ почти въ лѣсахъ Архангельской губерніи. Мѣстами встрѣчается высокая, стройная *лиственница*. Собака поднимаетъ рябчиковъ и тетеревовъ, но теперь не до нихъ. Вотъ и ель, помѣченная нарѣзомъ; отъ нея остается уже нѣсколько шаговъ до берлоги. Но, къ удивленію нашему, собака ничѣмъ не обнаруживала близкаго присутствія звѣря. Подходимъ къ мѣсту, гдѣ должна быть берлога, но,

по отсутствію отдушины *), проводникъ мой заключаетъ, что медвѣдя нѣтъ въ ней. Должно быть, потревоженный кѣмъ-либо, онъ оставилъ ее еще осенью.

Нужно идти далѣе. Была у проводника моего еще берлога на примѣтѣ. Но, видно, такой ужъ выдался неудачный день. Собака наша подняла медвѣда прежде, чѣмъ слѣдовало. Видѣли мы, какъ выскочилъ онъ изъ берлоги, и я стрѣлялъ по немъ, но промахъ ли далъ (разстояніе было значительное), или ранилъ его легко, только медвѣдъ нашъ пошелъ, вздымая снѣгъ столбомъ и оставляя за собою широкій слѣдъ. Шелъ онъ быстро, несмотря на глубокій снѣгъ и лѣсную чащу. Я видѣлъ, какъ съ легкостью кошки взбирался онъ на деревья, ломая вѣтви и бросая ихъ въ преслѣдовавшую его собаку, и вдругъ быстро спускался, головою вверхъ, только трескъ шелъ по лѣсу. Чаща мѣшала намъ гнаться за нимъ, тѣмъ менѣе подойти на выстрѣлъ. Такъ и скрылся онъ изъ виду.

Никогда не повѣрилъ бы я, если бъ не видѣлъ того собственными глазами, чтобъ такой тяжелый, повидимому, на ходу звѣрь способенъ былъ на столь быстраго передвиженія.

Нѣсколько дней спустя, пріѣзжаетъ ко мнѣ тотъ же знакомый мнѣ крестьянинъ и сообщаетъ, что онъ *смялъ* чью-то берлогу. Крестьяне пинежскіе, бьющіе медвѣдей, передаютъ иногда другъ другу имѣющіяся у нихъ на примѣтѣ берлоги. Нужно было ѣхать верстъ за 20 отъ города. Подвязавъ лыжи, вошли мы въ лѣсъ,

*) Отдушина—отверстіе, образующееся въ снѣгу отъ дыханія спящаго въ берлогѣ медвѣда.

но, на полдорогѣ къ берлогу, поднялась такая мятелица, что нечего было и думать о медвѣдѣ. Вотъ идемъ мы обратно, съ трудомъ различая другъ друга въ вихрѣ крутившагося снѣга, какъ вдругъ собака наша взлаяла лаемъ, обозначававшимъ близость медвѣжьей берлоги. Мы только-что хотѣли спуститься по откосу, густо поросшему мелкою елью. Крестьянинъ осмотрѣлся, и зоркій, привычный глазъ его тотчасъ же запримѣтилъ берлогу. „Не стрѣляйте, — сказалъ онъ мнѣ:— „въ *пурю* такую не диво и промаха дать. Я и одинъ съ нимъ *слажу*“. Берлога у медвѣдя устроена была на самой крайнѣ откоса, надъ небольшимъ выступомъ, прикрытымъ вѣтвями упавшей ели. Смотрю, подходит къ ней мой проводникъ съ одною рогатиною *) въ рукахъ и топоромъ за поясомъ. Медвѣдь нехотя оставлялъ берлогу. Нужно было расшевелить его. Съ изумленіемъ смотрѣлъ я на охотника, какъ онъ прехладнокровно заускалъ въ берлогу рогатину и слегка кололъ лежавшаго въ ней звѣря. Медвѣдь рычалъ, но не показывался. Но вотъ вышелъ онъ, наконецъ, изъ терпѣнія, взревѣлъ и ринулся въ отверстіе. Минута была страшная. Но едва успѣлъ я вскинуть ружье, какъ онъ сидѣлъ уже на рогатинѣ. Стрѣлять было не для чего. Крестьянинъ, дѣйствительно,

*) Рогатина—шесть, съ желѣзнымъ обоюдоострымъ наконечникомъ, *перомъ*, по мѣстному говору. Въ небольшомъ отъ этого пера разстояніи крѣпко-на-крѣпко привязывается къ шести ремнями перекладина, настолько длинная, чтобъ могла удержать медвѣдя, надирающаго на охотника. Прежде чѣмъ поднять звѣря, выходъ изъ берлоги загораживаютъ, обыкновенно, жердями, сложенными на-крестъ.

могъ *сладить* съ нимъ и безъ моей помощи. Широкое лезвее *пера* вонзилось ему подъ самое горло *), но звѣрь, съ страшнымъ ревомъ взрывая снѣгъ, силенъ приподняться и лѣзъ на рогатину, самъ добывая себя. Еще одно порывистое движеніе впередъ, и затѣмъ осѣлъ онъ въ берлогу. Черезъ нѣсколько минутъ мы отрыли его: онъ былъ уже мертвъ.

Вечеромъ, за чаемъ, крестьянинъ рассказывалъ мнѣ про свои *ходы* на медвѣдей.

„Приходимъ мы разъ къ берлогу. Спервоначалу-то ходилъ я съ товарищемъ, Калининымъ Петрухой писался. *Удѣльный* (красивый) такой мужичокъ былъ и развеселая головушка. Царствіе ему небесное! Вотъ подходимъ мы это къ берлогу-то и давай выживать звѣря. Ничего, послушливой былъ: сейчасъ и лѣзетъ, да *матѣрой* (большой) такой. А тутъ прямо въ голову ему и палишь: прежде больше что съ *оружьемъ* на нихъ ходилъ. Ну, порѣшили мы это съ нимъ, да и выволокли. Оно бы и прочь итти, такъ Петруха говорить: дай-ка слазаю въ берлог-отъ. Любопытствовалъ, значить, какое тамъ домовище у звѣря устроено. Только спустился онъ эдакъ по грудь, да какъ запастить:—ой, кричить, Онисимушко, выволоки, Христа ради!—Выволокъ, а на немъ и лица нѣтъ: такъ и трясется. — Что? спрашиваю. — Да на звѣря (в)сталъ, *заворошился!* (зашевелился).—Что за оказія, думаю. Неужго и взаправду другой звѣрь въ берлогѣ. *Почамъ* выживать: не лѣзетъ, покряхтываетъ только, а нейдетъ. Взяли коль, обтесали его, да и давай его

*) Большею частью, колютъ медвѣдя, въ такихъ случаяхъ, подъ лѣвую лопатку.

тамъ *буравить* *). Ну, этого не взлюбилъ, полѣзъ. Только порѣшили и съ этимъ. Медвѣдица была. — А что, говорю, можетъ, и медвѣжата есть?! Дай-ка и я въ берлог-отъ понавѣдаюсь. А самъ такъ, въ шутку то-есть: сами знаете, какіе объ эту пору медвѣжата. *Больно* (очень) ужъ забавно показалось: медвѣдя съ медвѣдицей въ одномъ берлогѣ нашли. Вотъ влѣзъ я въ берлог-отъ. Большущій такой у нихъ подѣланъ, хоть бы и человѣку жить, и теплынь такая. Только со свѣту-то не видать. Стою эдакъ и пялю глаза; какъ вдругъ рѣхнеть... Не *боязокъ* я былъ и втапору, а какъ выбрался изъ берлога, ужъ не запомню. А Петруха стоитъ, да *граетъ* (смѣется). — Что, говоритъ, небось и *взабомъ* (въ самомъ дѣлѣ) медвѣжатка есть? — Какое медвѣжатка, говорю, *большакъ* (взрослый медвѣдь)! — Неужто? — А въ берлогѣ-то нѣтъ, нѣтъ, да и рѣхнеть. Вырубили колъ подлиннѣе, нащупали, да и давай буравить сызнова. Только какъ ни старались, не вылазить. Что дѣлать? Почали берлогъ разрывать, чтобъ свѣту пустить, да какъ посвѣтлѣло, а онъ въ уголь забимшись, и не ворохнется. Небольшой былъ, годовалый, *пѣстунъ*, значить. Такихъ медвѣдица при себѣ держитъ, чтобъ дѣтей у ней нянчилъ. Оно хоть и звѣрь, а Богъ тоже смысломъ не обидѣлъ. Ну, прихлопнули и того заурядъ. Такъ вотъ какой случай вышолъ! Третей, никакъ, десятокъ съ этой весны поидетъ, какъ на звѣря этого хожу, а такого больше не видывалъ“.

*) Когда медвѣдь неохотно оставляетъ берлогу, то его выжилаютъ оттуда заостреннымъ коломъ, ввертывая его въ шкуру и вырывая изъ нея шерсть.

Основываясь на наблюденіяхъ моихъ надъ образомъ жизни медвѣдя, водящагося въ лѣсахъ Архангельской губерніи, и на разказахъ о нихъ, я прихожу къ заключенію, что животное это не плотоядное. Его главная пища—коренья; ѣсть и ягоду. Особенно любить держаться въ малинникахъ. Ходить и на овсы *). Плотояднымъ становится онъ случайно. Удастся ему полакомиться мясомъ коровы или лошади, онъ и будетъ потомъ промыслять его. Много есть медвѣдей, которые во всю свою жизнь ни разу не отвѣдаютъ мяса, питаются только кореньями и ягодою. Не знаю, насколько справедливо, но мнѣ рассказывали, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мезенскаго уѣзда медвѣди проходятъ бокъ-о-бокъ съ пасущимся скотомъ и не трогаютъ его.

Человѣка медвѣдь никогда не тронетъ, но только въ такомъ случаѣ, если его оставляютъ въ покоѣ. Мнѣ не разъ случалось встрѣчаться съ нимъ; пойдешь себѣ своей дорогой, а онъ своей, только остановится да посмотреть, если замѣтитъ. Медвѣдица бываетъ опасна, особенно когда ходитъ съ медвѣжатами. Она кидается на человѣка, хотя бы онъ ея и не трогалъ, конечно, изъ опасенія за своихъ дѣтей.

*) Овсы—поля, засеянные овсомъ.

ДРЕМУЧИЕ ЛѢСА.

(С. В. Максимова).

Хвойные (или, ближе по-русски, красные) лѣса выступили первыми на борьбу съ палящими морозами мерзлой пустыни, знаменующими себя принижениемъ и истреблениемъ всякой кустарниковой и травяной растительности,—тѣ лѣса, которые въ сплошныхъ и непрерывныхъ насажденіяхъ извѣстны въ европейской Россіи подъ общимъ именемъ *тайболы*, въ западной Сибири подъ названіемъ — *урмановъ*, въ восточной Сибири — *тайги*. Густое и безконечное обиліе древесной растительности, такъ сказать, лѣсистость этихъ чащобъ наиболѣе свойственна хвойнымъ лѣсамъ. Она поражаетъ воображеніе величіемъ и страхомъ во время бури, навѣваетъ тихія, успокоительныя и дремотныя думы во время затишья. Прислушавшійся и приглядѣвшійся народъ справедливо придалъ имъ образное прозваніе дремучихъ и темныхъ за тотъ матовый оттѣнокъ днемъ и густой мракъ ночью, которые, подобно безпросвѣтной ночи, лежатъ на ихъ сплошныхъ насажденіяхъ, рѣзко оттѣняя на свѣтломъ фонѣ небснаго горизонта черное море этихъ страшныхъ лѣсовъ.

Всякому храму нуженъ притворъ,—всякому лѣсу предшествуетъ подлѣсье, наиболѣе извѣстное народу подъ словомъ *раменья*. Опушка дремучихъ хвойныхъ

лѣсовъ, очевидно, указываетъ на близость страшнаго сосѣда и ясно свидѣтельствуетъ, что борьба трудна, и, при правильно затѣянной и веденной атакѣ, перевѣсъ далеко не на сторонѣ лѣсовъ. Правда, что деревья успѣли встать во весь свой ростъ (вѣтвистыя, кудрявыя ели въ особенности стройно и дерзко), сумѣли захватить разомъ огромныя пространства земли на боевомъ полѣ, скучились и сгрудились большими общинами одной породы и одинаковой крѣпости, каждое дерево готово на защиту сосѣда, и всѣ вмѣстѣ, плотнымъ и тѣснымъ строемъ своимъ, упорно отстаиваютъ занятое мѣсто. Однако, передніе борцы кажутся такими только по виду. Сановитость ихъ обманчива: внутренніе органы живущаго тѣла поражены тяжелымъ и мучительнымъ недугомъ. Эти жильцы бѣлаго свѣта непрочны и никуда негодятся. Страшный и неумолимый врагъ не дремалъ.

Деревья подлѣсья лѣсной полосы Россіи медленно растутъ въ толщину: коротенькихъ лѣтнихъ жаровъ достаточно лишь на то, чтобы выгнать молодые побѣги. Они вырастаютъ на счетъ древесины, стволы оттого становятся столь дряблыми, что достаточно легкаго толчка или нажима плечомъ, чтобы переломить ихъ. Намъ попался на прогалинѣ еловаго лѣса цѣлый березникъ съ голыми сучьями, которые простирались къ туманному и тусклому небу съ мольбою и жалобою на безжалостную тундру: она выпустила леденящую струю мороза и попалила ею весь этотъ лѣсъ, такимъ образомъ безвозвратно и непоправимо замерзшій.

Такова лѣсная опушка, таковы рамена дремучихъ

хвойныхъ лѣсовъ или сѣверной архангельской тайболы, которая уже на берегахъ рѣкъ Кулоя, Пинеги и Ижмы представляетъ всѣ разновидности лѣса, отмѣченные въ русскомъ народномъ языкѣ особыми именами.

Глубоко врѣзалась своими корнями неразборчивая на почву сосна, самое распространенное въ холодныхъ странахъ дерево, дающее, по отношенію къ прочимъ древеснымъ породамъ, 43—45% (ель и пихта 26—28, береза 15—18, кедръ 2—3%). Сосна, достигающая на хорошей почвѣ до 7 сажень въ длину до первыхъ сучьевъ и отъ 7 до 10 вершковъ въ верхнемъ отрубѣ, не умѣетъ различать болота отъ песчаной земли, плодороднаго суглинка отъ известковой почвы. Ей лишь бы укрѣпить въ глубокой почвѣ того или другого и пятого сорта свой длинный и крѣпкій, какъ рѣдька, корень. Да былъ бы свѣтъ, который сосна очень любитъ. Дерево отъ дерева садится въ известномъ разстояніи, чтобы не глушить сосѣда и не дѣлать такихъ непролазныхъ чащей, на которыя преимущественно охотливы и способны еловые лѣса. Около Уральскихъ горъ сосновые лѣса представляютъ роскошные и красивые парки, какъ бы искусственно засѣянные и очищенные. Здѣсь успѣшному произрастанію лѣсовъ способствуютъ благоприятныя мѣстные условія: добротность почвы и соотвѣтственность климата. Сосновые лѣса, выросшіе на низменныхъ и мокрыхъ мѣстахъ, которыхъ такое неисчислимое и неодолимое множество въ тайболѣ, еще не владѣютъ подобающими имъ свойствами: это *мяндачь*; лѣса эти—*мендовыя*. Деревья изъ этого лѣса, всѣ сплошь и безъ исключеній, съ рыхлой древесиной бѣловатаго цвѣта, который въ отрубѣ скоро

синьогъ; выросло дерево криво, рѣдкослойно, съ толстой заболонью и совсѣмъ не смолисто. Эта сосна — болотная, дерево самыхъ сѣверныхъ хвойныхъ лѣсовъ, смѣнившихъ тундру.

Изъ болота сосновый лѣсъ вытянулся на возвышенности и укрѣпился корнями въ сухой почвѣ, всего чаще по супеси: такой лѣсъ называется *боромъ* (безразлично — будетъ ли онъ сосновый или словый). На борахъ растеть уже другой сортъ сосны — *конда*, и бороваый лѣсъ называется *кондовымъ*. Онъ обладаетъ противоположными и наилучшими свойствами: слои древесины мелки и смолисты, блонь небольшая, цвѣтъ древесины красноватый; на сухомъ деревѣ этого сорта гулко звенить топоръ и съ трудомъ отбиваетъ щепу. Выстроенные по Двинѣ и по Бѣлому морю изъ этого кондоваго лѣса Воженъ храмы выстаиваютъ третью сотню лѣтъ. На бору такой же и грибъ — рыжикъ, непремѣнный спутникъ сосновыхъ лѣсовъ: очень твердый и сочный*, дающій въ надломѣ сокъ такой-же красный, какъ животная кровь. Въ этихъ же сухихъ борахъ, гдѣ къ соснѣ охотливѣе приселяются всѣ другія породы хвойныхъ деревьевъ и въ особенности можжевельникъ, въ сосѣдствѣ съ крупною ягодою брусникою (боровикою) и на ея счетъ, водится особая лѣсная птица изъ породы тетеревей — боровикъ или собственно косачъ (гораздо крупнѣе полевого, и повидимому помѣсь тетерева и глухаря).

Унаслѣдовавъ отъ глухаря любовь къ уединенію и и чрезвычайную боязливость, боровикъ по примѣру тетерева косача самая осторожная птица, дѣлающая охоту наиболѣе заманчивою и для запасныхъ охотниковъ

превращающая ее въ особенное наслажденіе. Какъ оба родича его, онъ сохраняетъ ту же приверженность къ роднымъ мѣстамъ, которыхъ не покидаетъ и на зиму: не дѣлаетъ перелетовъ и не строить гнѣздъ, ограничиваясь вырытой въ пыли и пескѣ ямой, лишь бы освѣщалась она солнцемъ. Боровики, также какъ и глухари съ тетеревами, не живутъ парами (по подобію близкихъ сосѣдей своихъ — рябчиковъ), а пребываютъ въ многоженствѣ. Ранней весной, около этихъ мѣстъ, гдѣ въ борахъ особенно много буреломныхъ гнилыхъ колодъ, тетерева совершаютъ свои сходки *на-току*. Дерзко выступая впередъ гордой походкой, подобно индѣйскому пѣтуху, эта очень большая птица, распутивъ вѣромъ хвостъ, токуетъ, зазывая самокъ, т. е. пыхтитъ и бормочетъ далеко прежде, чѣмъ заря возвѣститъ о наступленіи дня. Она машетъ при этомъ крыльями, надуваетъ горло, судорожно шевелитъ его длинными черными перьями, семенитъ ногами назадъ и впередъ и ворочаетъ, какъ опьянѣлый, глазами. Глаза въ окружномъ кольцѣ красныхъ бородавокъ придаютъ еще болѣе свирѣпый видъ и безъ того величественной фигурѣ. Только это время благопріятно зоркому охотнику, потому что токующій тетеревъ легко на этотъ моментъ измѣняетъ себѣ и перестаетъ сторожиться. Еще мгновение — и онъ снова придетъ въ себя, и опять нервно-чутокъ и безпредѣльно-остороженъ. Чутокъ особенно токовщикъ-запѣвала, старая птица, который собираетъ другихъ самцовъ на птичій праздникъ. Если онъ попадется опытнымъ охотникамъ живьемъ въ силки, его тотчасъ же выпускаютъ: иначе разлетится все стадо, и токъ (обыкновенно на прогалинкѣ), на кото-

ромъ вся трава вытолочена и гладко утоптана птицей, опустѣеть. Въ маѣ самка, разлучившись съ самцомъ, ищетъ укромнаго и тѣнистаго мѣста въ верескѣ, гдѣ, невидимо и уединенно, она выводитъ цыплятъ.

Разнообразясь полянами и переходя мѣстами въ тѣ узкія полосы, которыми соединяются два лѣса и которыя называются *перельсками*, сосновые боры неизмѣнно тянутся на цѣлыя сотни верстъ, изрѣдка допуская къ себѣ лишь мелкія деревья или кусты березы. Сильнаго и самостоятельнаго сосѣдства хвойныя лѣса вообще не терпятъ. Довольныя малымъ, хвойныя деревья, при необщительности, крайне неуживчивы, но за то не погибаютъ и въ одиночествѣ. Не задумываясь тѣснить и выживать сосѣда, они на этотъ случай владѣютъ сильными средствами и губительными свойствами. Именно, осыпая хвою, они готовятъ такую почву, которая не пригодна ни для какой растительности. Въ особенности мертвятъ всякую почву твердыя, густыя и трудногнющія иглы ели, лежащія у корней дерева толстыми слоями. Ко всему этому природа снабдила хвойныя породы сильнымъ и теропливымъ ростомъ (доходящимъ у сосенъ и слей до 22 сажень) и долголѣтіемъ. По количеству слоевъ древесины насчитывали нѣкоторымъ деревьямъ ели 300 лѣтъ, а сосны попадались старше 350 лѣтъ. Быстро выростая и укрѣпляясь на столь крупныя періоды времени, хвойныя деревья замедляютъ ростъ деревьевъ лиственныхъ и уступаютъ имъ мѣста лишь на опушкахъ (березѣ), на берегахъ рѣкъ и рѣчекъ (калинѣ, вербѣ, ветлѣ, осинѣ, ивѣ и рябинѣ). Эти лиственные деревья, наоборотъ, ищутъ компаніи, не гнушаются даже дурнымъ обществомъ и во всякомъ

случаѣ обнаруживаютъ наибольшую способность и склонность къ общественной жизни.

Если и въ лѣсахъ, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ и правилахъ жизни, требуются и существуютъ исключенія, то въ хвойныхъ ихъ немного: ель, напр., выходитъ только на большія и высокія горы, не пренебрегая и скалистыми, уступая мелкія и каменистыя пихтѣ — своей вѣрной и неизмѣнной спутницѣ, которая однако не дерзаетъ перерастать и переживать своего покровителя (пихты выше 12 сажень не бываютъ, больше 200 лѣтъ не растутъ). Гдѣ бы ни встрѣтился еловый лѣсъ (на горѣ ли, на болотѣ ли), гдѣ-нибудь недалеко подлѣ стоитъ на землѣ твердо и поднимаетъ къ небу свою вершину, какъ будто огромное птичье гнѣздо, этотъ неотступный товарищъ ели. Пихта очень рѣдко вырастаетъ самостоятельными чистыми насажденіями: пихтовники всегда коротки и нешироки.

Такия же исключенія, и также лишь въ пользу однородныхъ хвойныхъ породъ, позволяетъ себѣ и сосновый боръ, удѣляя мѣсто и снисходя покровительствомъ навязчивому товарищу — долговѣчной, живучей лиственницѣ. Она также любитъ свѣтъ, въ тѣсотѣ и темнотѣ также высоко очищается отъ сучьевъ и точно также даетъ долговѣчныя и прочныя бревна, изъ которыхъ предпочитали строить корабли.

А гдѣ сосна и пихта, тамъ вырастаетъ, безъ разбора на сырой и каменистой почвѣ, включенное и безпорядочное видомъ, но превосходное внутренними качествами, дерево — сибирскій кедръ, къ сожалѣнію рѣдко растущій сплошнымъ лѣсомъ. По необычайной легкости своей, также очень пригодное для рѣчныхъ судовъ, дерево

сибирскаго кедра обладаетъ еще тѣмъ драгоцѣннымъ свойствомъ, что приноситъ плоды—шишки съ орѣхами. Орѣхи питаютъ несмѣтныя стада веселаго, шаловливаго и рѣзкаго звѣрка бѣличьей породы.

Прыгая съ дерева на дерево, бѣлки (или векши) ищутъ пищу въ шишкахъ кедровъ и другихъ хвойныхъ деревьевъ. Бѣлка срываетъ съ самой крайней вершины еловую шишку, садится, граціозно и гордо вздымаетъ надъ веселой головкой пушистый хвостъ и съ быстротой обезьяны целушитъ плодъ и пошвыстываетъ. Исчезая въ одно мгновеніе, она на вѣтвяхъ другого дерева продѣлываетъ тѣ же акробатическія штучки и воздушные полеты, видимо беззаботно и откровенно. Но чуткое, какъ у лисицы, ухо настожено. Смѣлые и зоркіе глазки быстро озираются. Подъ самымъ деревомъ лаетъ собака, но бѣлка наклонилась къ ней головкой, какъ будто интересуется только ею, хотя въ самомъ дѣлѣ замѣчено звѣркомъ не только ружейное дуло, но и самъ охотникъ, съ откинутой назадъ правой ногой и съ настоженнымъ на прицѣлѣ правымъ глазомъ. Собачьяго лая и глазъ бѣлка не боится, она даже любитъ ихъ, потому что, глядя на собаку, старается пококетничать и похвалиться искусствомъ, рѣзвится и прыгаетъ. Боится она только охотника. Увидѣвъ его, бѣлка взбирается все выше и выше, а тамъ, взмахнувъ хвостомъ, перелетаетъ въ густую хвою ели, гдѣ невидимо скрывается. Высоко цѣнится та собака, которая не теряетъ на это время шаловливаго звѣрка изъ виду. Когда холодно, бѣлка особенно рѣзва: самой опытной собакѣ не услѣдить за ней. Въ вѣгреню погоду она бѣгаетъ по землѣ и,

завидѣвъ собаку, дѣлаетъ забавные прыжки и прислушивается.

Въ еловые лѣса переходитъ бѣлка въ первой половинѣ ноября, набѣгавшись (съ сентября) въ лѣсахъ лиственныхъ. Когда же послѣдніе даютъ мало пищи, звѣрокъ перепрыгиваетъ въ сосновые боры. Когда бѣлка *идетъ по ели* (т. е. въ ноябрѣ), она уже выпѣла: получила лучшую ость, сдѣлалась сѣраго или бураго цвѣта. Въ это время начинается охота и продолжается до тѣхъ поръ, пока можно ходить людямъ на лыжахъ. На зиму бѣлка подвѣшиваетъ очень высоко гнѣздо изъ соломы и листьевъ, не гнушается и старымъ гнѣздомъ сороки, лишь набрасывая на него временную крышу. Въ сырую дождливую погоду бѣлка намокнетъ до того, что не въ силахъ скоро бѣгать, и въ это время любить въ этомъ, наскоро сложенномъ, гнѣздѣ поспать и попокоиться. При этомъ она все-таки оставляетъ маленькое отверстіе, чтобы время отъ времени обзрѣвать окрестность лѣсовъ.

Лѣса, чѣмъ больше и дальше тянутся на югъ, тѣмъ бываютъ смѣшаннѣе и разнообразнѣе. Изъ сплошной массы сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ, на тайгѣ и тайболѣ, выдѣляются *уремы*—поемные лѣса близъ берега рѣчекъ, большею частію березникъ и ивнякъ въ смѣси съ долговязой осиною.—*Пармы*—лиственные лѣсонасажденія, гдѣ однако все еще преобладаетъ ель. Появляются *березовни*—лѣсная поросль по моховинѣ, означающая появленіе плодородной земли и переходъ болота въ твердую почву. Зеленѣютъ *поросняки*—мелкіе лѣсишки, похожіе пока на кустарникъ, и *рощи*, т. е. отдѣльные островки на сухомъ мѣстѣ, около жилыхъ

мѣсть, но уже не съ хвойными, а исключительно съ лиственными деревьями. Темная зелень можжевельника живописно вырѣзается здѣсь въ сверкающей бѣлизнѣ березовыхъ стволовъ. И опять выдѣляются на обширныхъ болотахъ лѣсные острова съ исключительнымъ хвойнымъ лѣсомъ, названные *колками*.

Здѣсь волчихи привыкли щениться, и вся разбойничья порода этихъ злодѣевъ предпочитаетъ такія мѣста всѣмъ другимъ разновидностямъ дремучихъ лѣсовъ, хотя въ сущности эти прожорливые и кровожадные звѣри по преимуществу бродяги. Для этого прихода, на бѣду другихъ звѣрей и людей, поставила крѣпкое и неуклюжее волчье туловище на длинныхъ ногахъ. На нихъ „лютый звѣрь“ скачетъ такъ быстро, что ни одна борзая поджарая собака не можетъ за нимъ угоняться. Одною скачка достаточно ему, чтобы врѣзаться въ горло зазѣвавшагося животнаго и повергнуть его оземь, съ широко и страшно-зіяющей раной. На темныхъ лѣсныхъ тропинкахъ волкъ становится поперекъ дороги и, при видѣ жертвы, прижимаетъ острорылую морду, тарашитъ налитые кровью глаза, щетинитъ шерсть на хребтѣ, изгибаетъ спину, взываетъ разъ сильно и сипло, щелкаетъ желѣзными зубами, на подобіе пистолетнаго выстрѣла, и порывисто взметывается на оплошавшую добычу. Впрочемъ онъ ее всегда выжидаетъ, завалившись въ траву или за пень съ поразительнымъ терпѣніемъ и подолгу, если только не спугнетъ его внезапная искра, неожиданно налетѣвшій на древесную листву порывъ вѣтра, какой-нибудь другой изъ неизвѣстныхъ его сторожкому уху

звукѡвъ. Волкъ столько же трусь, какъ и хитрый хищникъ: испугъ доводитъ его иногда до оцѣпенѣнія.

Изъ тѣхъ же колковъ на дудочку изъ бересты выходитъ на охотниковъ изъ своихъ норъ и подземныхъ ходовъ полосатый звѣрокъ съ пятью черными и двумя бѣлыми продольными полосами—бурундукъ. На счастливыхъ и отсюда же выбѣгаетъ необыкновенно-сильная, лукавая, весьма мужественная и отчаянная росомаха, опасная даже кровжаднымъ волкамъ.

Если отдѣльно выросшій лѣсъ не обладаетъ живымъ видомъ приглядной рощи, но кажется сумрачнѣе и дремучѣе суроваго колка, если этотъ, выдѣлившійся на тайболѣ хвойный лѣсъ, называемый въ отличіе отъ прочихъ *уймой*, достаточно сухъ и плодоносенъ, въ ней — по присловью — не безъ звѣря или, лучше сказать, кромѣ сейчасъ упомянутыхъ можно натолкнуться охотнику на горностаю, лисицу и куницу.

Если длинный серебристый горностаю, удостоившійся чести украшать царскія порфиры, предпочитаетъ лѣсамъ тундру, то лисица наиболѣе любитъ жить и прятаться въ густыхъ чащахъ лѣса, откуда выходитъ только за добычей. Въ своемъ лѣсу она твердо знаетъ всѣ выходы и входы, всѣ переулки и закоулки. Словно истинный отшельникъ, совсѣмъ разлучившійся съ міромъ и задичавшій въ лѣсовой глуши, лисица выходитъ на вольный свѣтъ съ недовѣрчивостію, медленно. Каждый шагъ дѣлаетъ она съ опаской, всякій слѣдъ кладетъ съ твердымъ расчетомъ и замечаетъ его пушистымъ хвостомъ. Вострую морду свою она держитъ насторожѣ, всегда противъ вѣтра, чтобы самой все слышать и знать и никому о себѣ не сказывать, чтобы и самага

запахъ ея не было слышно. Когда она удачно вышла и на глазахъ ея, которые переливаются изъ сѣраго цвѣта въ зеленый, показалась добыча, она столь же стремительно, смѣло и ловко кидается на нее, сколько невинно и боязливо вышла изъ своихъ темныхъ затворовъ. Въ хитрости съ этимъ звѣремъ никакой другой не можетъ сравниться; она даже умѣетъ ловко притворяться подѣ неудачнымъ выстрѣломъ мертвою, и если охотникъ счастливо застигнетъ ее врасплохъ, лисица постарается искусно обойти его. Она сама — опытнѣйшій охотникъ на всякую птицу и рыбу, даже на зайцевъ. Охриплымъ лаемъ этихъ звѣрей по ночамъ наполняются съ избыткомъ дремучіе наши лѣса, удаленные отъ жильевъ и неизвѣстные охотникамъ. Лисья порода многочисленна, и торговыя прозванія ея разнообразны: огневки—рыжія, бѣлодушки—желтыя съ бѣлой подшейкой, сиводушки—бурая съ черной душой и сивымъ пятномъ на крестцѣ, крестоватики—черныя съ желтизной или желтоватыя съ крестомъ на зашейкѣ и наконецъ черныя, чернобурая, самая дорогія и рѣдкія (иногда больше 300 руб., тогда какъ огневку можно купить и за 15 руб.).

Тамъ, гдѣ встрѣчаются въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ лѣса хвойные съ лиственными, и одни другимъ не мѣшаютъ (красные на горахъ повыше на сухихъ мѣстахъ, черные на низу по влажнымъ долинамъ), народился живой представитель и характерный типъ въ пернатомъ царствѣ лѣснаго бродяги, постоянно мѣняющаго мѣсто и непривычнаго къ осѣдлой жизни. Это—рябчикъ, одинъ изъ видныхъ и благодарныхъ кормильцевъ голоднаго промышленнаго лѣснаго люда.

„Рябы, рябки“ (какъ называетъ эту птицу народъ), вопреки обычаю другихъ пернатыхъ сосѣдей, живутъ парами и нагуливаютъ свое вкусное и нѣжное мясо, прославившееся въ цѣломъ свѣтѣ. Если мать выпускаетъ птенцовъ на свѣтъ Божій въ лѣсныхъ трупцобахъ, если вся ихъ семья со всѣми слетками (молодежью) отправляется на зимовку также въ недоступную лѣсную глушь, то затѣмъ у рябовъ и кончается всякая связь съ лѣсомъ. Этотъ бродяга лѣсной тѣмъ и отличается, что никогда не живетъ на одномъ мѣстѣ. Въ половинѣ марта рябчикъ прилетаетъ на опушки, потому что столько же любитъ близость полянъ и луговъ, на которыхъ растутъ любимая пища—кислица, щавель и трепфоль. Самка, отлетая отъ самцовъ во второй половинѣ іюля для вывода дѣтенышей, старается приглядѣть такія прогалинки, по которымъ струилась бы рѣчка. Хвойные лѣса онѣ обѣгаютъ, лиственные у рѣчекъ, гдѣ много березы, ольхи и кустарниковъ, полагаются самыми лучшими. Когда поспѣетъ брусника—у рябчиковъ праздникъ; они опять остаются на токованье и откликаются на свистокъ (изъ гусиного пера, налитаго водой). Въ сентябрѣ стада рябчиковъ столь многочисленны, что въ лѣсахъ стоитъ гулкій шумъ отъ ихъ перелетовъ. Стадами носятся они по перелѣскамъ и раменьямъ, отыскивая самый лакомый кусъ—ягоду рябины. Но такъ какъ ея далеко не хватаетъ на всѣхъ потребителей, то они въ это время на одномъ мѣстѣ не остаются дольше 6—7 часовъ. Съ постояннымъ сильнымъ шумомъ рябчики всей стаей снимаются съ мѣста и, такъ какъ въ это время бываютъ сыты и тяжеленьки, то и не отлетаютъ далеко,

а садятся на близрастущія деревья и иногда въ такомъ великомъ множествѣ, что поражаютъ самаго привычнаго охотника. Впрочемъ, осеннее множество птицы во многомъ зависитъ отъ весеннихъ и лѣтнихъ погодъ: холодная весна и ненастное лѣто во множествѣ губить молодыхъ. Стрѣляютъ рябковъ рано утромъ или часа за 2, за 3 до солнечнаго заката и выстрѣломъ мѣтятъ въ крайнихъ. Если попалъ онъ въ середину, вся стая разлетится на значительную даль и, вмѣсто деревьевъ, разсядется прямо на землѣ, гдѣ уже и не отличить птицы самому опытному глазу. Въ трофеяхъ у охотника, мѣтившаго въ стаю изъ 20—30 штукъ, только одинъ несчастненькій. Полное же несчастье заключается въ томъ, что теперь надо бросать ружье за спину и кончать охоту: на землѣ рябки такъ чутки и осторожны, что и лисой къ нимъ не подкрадешься, а чтобы спугнуть на дерево, надо умѣть подражать шуму ихъ взлета. При глубокихъ снѣгахъ сильные вѣтры и вьюги съ мятелями, когда нельзя слышать шума полетовъ, считаются самыми неблагопріятными, равно какъ и то время, когда выпадаетъ снѣгъ, и когда начнутъ усиливаться морозы. Благопріятною полагается погода пасмурная и дождливая, а лѣтомъ—урожай ягодъ. Стаями живутъ, въ стада собираются (табунятся) и подаютъ голоса наши вкусные рябчики только до ноября. Молодые остаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вывелись; старики отправляются въ глушь лѣсовъ на зимовку, предпочитая старые ивовые, березовые, рябиновые вблизи рѣкъ и источниковъ. Здѣсь нерѣдко цѣлыми семействами, безъ дальнихъ размышлений и околичностей, эти стаи зарываются прямо въ снѣгъ.

Странствуя по лѣсамъ и волей-неволей наталкиваясь на звѣрей и птицъ, мы добрались наконецъ до такихъ мѣстъ, гдѣ лѣсная растительность все одолѣла и господствуетъ одна, нераздѣльно. Мы проникли въ самыя тущобы; добрались до такихъ дремучихъ лѣсовъ, которые слывуть въ народѣ подъ именемъ *сюземовъ*.

Дятлу указала природа жить во всѣхъ лѣсахъ безъ разбора и предназначила, по преимуществу, большыя и умирающія деревья, сердцевина и кора которыхъ кишить личинками насѣкомыхъ. Для этого природа сколотила ему крѣпкій черепъ и выковала длинный и сильный клювъ, такъ что вся голова птицы имѣетъ форму крѣпкаго долота. Долото это стучасть въ дерево и узнаетъ по звуку то, которое годится для его плотничьихъ работъ, сверлитъ кору и расщепляетъ древесину тѣхъ деревьевъ, которыя испорчены гнилью и червоточиной. Тутъ неустанно, цѣлыми днями долбитъ дятель носомъ и крушитъ большіе дубы съ тою лишь ничтожною цѣлю, чтобы подловить на весьма подвижный и роговой языкъ всѣхъ червячковъ, которые, напугавшись его стука, выскочили изъ норъ и побѣжали. Для плотничьихъ занятій онъ надѣленъ способностью лазить по деревьямъ (однако только вверхъ) и не оставляетъ ихъ даже въ ночную пору. Въ это время странное стуканье гулко разносится по цѣлому лѣсу, а острые и пронзительные крики испуганной птицы и ея шумный полетъ дугообразными линіями умѣютъ увеличить лѣсные страхи, и безъ того сильныя въ ночной тишинѣ дремучаго лѣса. Дятламъ помогаютъ въ томъ и таинственные тяжелые полеты, также вкривь

и вкось, вылетающихъ на ночную добычу совъ и филиновъ. Эти въ особенности охотно избираютъ лѣсныя трещи и захолустья, чтобы въ самой густой тѣни еловыхъ лѣсовъ спрятаться отъ докучливаго и невыносимаго для ихъ глазъ дневнаго свѣта. Ночью, какъ блуждающая тѣнь, неслышно парящая надъ травою полянъ и подъ тѣнью деревь, эта ночная птица даже на смѣлчаконъ умѣетъ навести страхъ и сверкающимъ фосфорическимъ блескомъ глазъ и горловымъ воємъ. Между страшными голосами ночи нѣтъ болѣе ужасныхъ звуковъ, грудныхъ и свистящихъ, которые переходятъ въ шипящее сопѣнье, послѣ чего страшная птица начинаетъ задыхаться и хрипѣть. Обманывается путникъ и очень легко принимаетъ этотъ крикъ за отчаянную мольбу погибающаго въ трясинѣ или осажденнаго со всѣхъ сторонъ кровожадными звѣрями несчастнаго, заблудившагося челоуѣка.

Только птицамъ подъ стать и подъ силу темныя сюземы. Это такая глушь, на которой останавливаются и глохнутъ даже огненныя моря лѣсныхъ пожаровъ. Сюземы страшны уже тѣмъ, что на каждомъ шагѣ рядомъ съ молодой жизнью свѣжихъ порослей стоятъ, тутъ же подъ бокомъ и подлѣ, деревья, готовые сейчасъ умереть и валяются у корней окончательно сгнившія и погребенныя. И еще страшнѣе кажутся сюземы тѣмъ, что въ нихъ вѣчный мракъ и постоянная влажная прохлада, постоянная перемѣна цвѣта изъ сѣраго въ зеленый и снова въ сѣрый. Всякое движеніе, кажется, замерло; всякій крикъ, даже и не такой рѣзкій какъ дятла и хриплый какъ совы, пугаетъ до мурашекъ и дрожи въ тѣлѣ. Колеблемые вѣтромъ стволы трутся

одинъ о другой и скрипятъ такъ, что вызываютъ острую ноющую боль подъ сердцемъ. А такъ какъ всякій лѣсъ имѣетъ свой голосъ (березовый шелеститъ, липовыя роши лепечуть, хвойныя шумятъ, иныя трещать), то въ сюземахъ всѣ эти голоса ужасають. Здѣсь чувство тягостнаго одиночества и непобѣдимаго страха постигаетъ всякаго человѣка, какія бы усилія онъ надъ собою ни дѣлалъ, къ какимъ бы притворствамъ ни прибѣгалъ.

Любитъ слушать лѣсные крики и не боится ихъ, обожаетъ одиночество и вслушивается въ страшную тишину сюземныхъ трещей дѣйствительный житель нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, почтенный бродяга, неуклюжій и забавный простакъ и первый лѣсной комикъ — косолапый медвѣдь, костоправъ Михайло Потапычъ Топтыгинъ въ почестяхъ, Мишка Раменскій — попросту, сергачскій баринъ, сморгонскій студентъ — въ насмѣшку. Въ раменьяхъ онъ охотнѣе шатается, потому что они ближе къ овсамъ и сами покрываются ягодами, въ особенности кустами малины (когда успѣетъ послѣ пожара или бури завязаться молодая поросль). Въ глухихъ сюземахъ онъ укладывается спать на цѣлую зиму. На каждомъ шагу готовы ему здѣсь удобныя логовища — выбирай любое. Вотъ вѣтроваль, гдѣ вырванное дерево съ корнемъ навѣсилось надъ моховой периной словно нарочно сложеннымъ шалашомъ. Вотъ другое, вѣтробойное дерево, свалившееся на бокъ, выдрало много земли и образовало яму, очень удобно прикрытую густыми бородами, широкими бахромами налипшаго и навѣсившагося моха. А вотъ и настоящіе буреломы, т. е. поломанныя и

переломленные деревья и упавшія такъ, что образовали настоящія и глубокія пещеры, съ трехъ сторонъ задрапированныя моховыми коврами и подушками. Выходя отсюда съ наступленіемъ весны на промыселъ, все одинъ и тотъ же съ неизмѣнными ухватками и застарѣлыми обычаями, онъ въ глазахъ охотниковъ либо муравейникъ, маленький, самый злой и лакомка (опускаетъ языкъ въ муравьиныя кучи, чтобы наслаждаться цекотаньемъ), либо стервятникъ — самый крупный и кровожадный, либо овсяникъ — большой сластена и трусъ. Всегда медвѣдь флегматикъ, иногда до такой степени, что проходитъ, волоса не тронувши, мимо набѣжавшаго на него прохожаго; и притомъ весь изъ крайностей: либо залѣзаетъ на крыши лѣсныхъ избушекъ, чтобы самымъ простодушнымъ образомъ обнюхать трубу, и бѣжитъ безъ оглядки отъ вспыхнувшей искры на загнеткѣ, отъ треска огня на шесткѣ, либо съ ревомъ подкатывается къ лошади, не соображая того, что у ней страшное для его челюстей оружіе, заключающееся въ заднихъ ногахъ съ желѣзными подковами; либо лѣзетъ на липовое дерево, чтобы полакомиться сладкимъ медомъ; либо остановится въ рѣкѣ поперекъ теченія и, образовавши собою заборъ или плотину, ловить рыбу; либо бросается въ сани проѣзжающей почты, спугиваетъ ямщика и почтальона, пугаетъ лошадей до бѣшенаго бѣга и самъ набирается такимъ страхомъ, что сидитъ и не шелохнется и доставляетъ почту на станцію, но самъ попадаетъ въ западню. Говорятъ, что онъ даже способенъ умирать со страху внезапно, и въ то же время владѣетъ такой силой въ

короткихъ переднихъ ногахъ, которыя не только гнутъ въ лѣсахъ дуги, но переламываютъ поперекъ и разрываютъ пополамъ беззащитныхъ и смирныхъ коровъ, не смотря на то, что онѣ ростомъ вдвое и втрое крупнѣе его. Охота на умнаго звѣря въ одиночку съ рогатиной или ружьемъ требуетъ большой осторожности и всегда очень опасна: онѣ и человѣка старается переломить также поперекъ или снимаетъ съ головы его черепъ лапой. Медвѣдь—любитель музыки и ученый плясунъ, въ то же время большой пьяница. Развалистая походка и тяжелыя движенія дѣлаютъ его очень смѣшнымъ и забавнымъ; встрѣча съ нимъ глазъ-на-глазъ въ темныхъ сюземахъ дѣлается очень опасною, особенно весной и раннимъ лѣтомъ, когда отощалый звѣрь очень голоденъ и оттого злѣе, и старается войти въ силу и тѣло.

Слѣдомъ за медвѣдемъ изъ сюземныхъ трущобъ, и притомъ самыхъ непролазныхъ, смотритъ на насъ несоразмѣрно большая, тяжелая голова лося, ослѣненная на затылкѣ гривой, украшенная подъ горломъ длинной бородой. За отвислыми ушами торчатъ огромные рога въ формѣ лопатъ или виль, вѣсомъ до пятидесяти фунтовъ. Лось (извѣстный въ сибирскихъ лѣсахъ подъ именемъ сохатаго) вышиною съ лошадь, но длиннѣе ея. Его величественный видъ, когда животное цѣлкомъ вырисуется передъ глазами, настолько внушительно, что заставляетъ содрогаться даже мужественнаго коня. И при всей массивности, онѣ все-таки не страшится сюземныхъ трущобъ, легко и вѣрно перескакиваетъ не только черезъ пни, но и черезъ буреломныя колоды. Ни одинъ потокъ его не удерживаетъ,

никакой болотной трясины онъ не обходить и смѣло заносить сюда копыта, которыя можетъ по произволу раздвигать широко и сжимать до возможной крайности. Когда съ раздутыми и фыркающими ноздрями, съ опущенной головой и громко стуча задними копытами, выносятся сохатый на поляну, тогда справа и слѣва трещать и сыплются, какъ щепы, древесные сучья и вѣтви. Въ лѣсахъ этотъ звѣрь вмѣстѣ съ оленемъ— ихъ украшеніе; для присяжныхъ охотниковъ онъ—самый соблазнительный. Лось, пришедшій въ ярость, очень страшень и опасень,—ударомъ ноги убиваетъ волка, владѣеть острыми чувствами и способенъ по шуму упавшаго листа открыть близость опасности и присутствіе засѣваго въ засаду охотника. Между тѣмъ мясо его очень вкусно и одобряется, какъ рѣдкость; языкъ же и отвислыя губы (какъ у всѣхъ животныхъ оленьяго рода) можно принять за самое тонкое лакомство.

Когда зимой распалются морозы и начнутъ ледянить все живое, когда дышать уже нечѣмъ, и привычнымъ животнымъ становится невтерпежь,—сохатые и олени спѣшатъ забраться въ самыя срединныя трещи сюземовъ. Здѣсь, уткнувши въ снѣгъ морду, эти звѣри въ оцѣпенѣломъ положеніи отстаиваются до поры и времени, когда тундра переѣмнитъ гнѣвъ на милость.

ВЪ ЛѢСАХЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Разсказъ П. Вороная).

Наступаетъ конецъ февраля. Теперь зима уже не такъ сурова, лыжи не тонуть въ сыпучемъ, рыхломъ снѣгѣ, а свободно скользятъ по тонкому насту. Вытаскиваетъ охотникъ изъ-за печки свою оленью винтовку, готовитъ пули и лыжи.

И что у него за винтовка такая! Тяжелый, длинный стволъ, покрытый снаружи ржавчиной и грязью, выкованъ простымъ молоткомъ деревенскаго кузнеца, и вкладывается въ длинную березовую ложу, къ которой прикрѣпленъ жестяными гайками, а не то просто лоскутками бересты. Огромный курокъ съ однимъ взводомъ и наружную пружину прикрывается кусочкомъ кожи на случай сырости и непогоды. Какъ видите, ружьецо незавидное. Но въ добрыхъ рукахъ эта вещь не худая: на разстояніи шаговъ 150 или 200, а то и больше, пуля дѣлаетъ огромную рану въ тѣлѣ животнаго и бьетъ чрезвычайной рѣзко.

На большомъ ременномъ кольцѣ, которое охотникъ надѣваетъ себѣ на шею, висятъ снаряды для заряданія винтовки. Тутъ и деревянная пороховница, въ родѣ двухъ, сложенныхъ вмѣстѣ, чайныхъ блюдечекъ, тутъ и кожаный мѣшечекъ съ пулями и кремнями, тутъ и компасъ, одинъ изъ тѣхъ, что привозятся въ Архангельскъ иностранными матросами; въ немъ намагниченная проволока замѣняетъ стрѣлку, деревянная

круглая коробка—оправу со стекломъ. Безъ компаса ходить опасно, можно заблудиться и умереть съ голоду. Но бываютъ старики-охотники, которые носятъ компасъ такъ, для формы, не нуждаясь въ немъ ни сколько. Они такъ хорошо знаютъ лѣсъ на десятки верстъ кругомъ, что имъ знакомы каждая рѣчка, каждая горка, каждое болото. Кромѣ того, въ ясный день компасомъ служитъ солнце, въ ясную ночь — звѣзды, а въ пасмурную погоду—сосна, муравейникъ и другія примѣты. Мужичокъ-охотникъ давно замѣтилъ, что на южной сторонѣ дерева и сучья растутъ гуще и ниже по стволу, да и лишай лѣпятся по древесной корѣ обильнѣе; что мурашки, строя свои муравейники у корней большихъ деревьевъ, непременно располагаютъ его на южной сторонѣ, гдѣ лучше грѣеть ихъ солнышко, гдѣ никогда не падаетъ на нихъ тѣнь великана, возлѣ котораго они поселились. Коротко лѣто въ сѣверной Россіи и хочется живымъ существамъ, населяющимъ ее, воспользоваться теплыми, ясными днями какъ можно лучше.

Лыжи охотника подбиты снизу шнурками съ оленьихъ ногъ, шерстью наружу. На подбитыхъ лыжахъ легче взбираться на горы и ходить по мокрому снѣгу. Правда, на лыжахъ, ничѣмъ не подбитыхъ, можно бѣжать гораздо быстрѣе, чѣмъ на подбитыхъ мѣхомъ, но зато нельзя взбираться на гору. Случается, во время оттепели, что снѣгъ прилипаетъ цѣлыми глыбами къ лыжамъ, и тогда нельзя сдѣлать и трехъ шаговъ: въ такомъ случаѣ охотникъ беретъ смѣсъ изъ оленьихъ мозговъ и жиру, завернутую въ тряпку и натираетъ ею лыжи, нагрѣвъ ихъ предварительно на

огнѣ. Тогда снѣгъ уже не льнетъ къ нимъ больше, — напротивъ, чѣмъ онъ мокрѣе, тѣмъ итти легче.

Собираетъ и исправляетъ охотникъ свои сваряды, а тѣмъ временемъ жена его сушитъ сухари, порѣзавши ломотики чернаго хлѣба на маленькіе кусочки. Часть этихъ сухарей она толчетъ въ порошокъ, кладетъ въ мѣшечекъ толокна, берестяную солонку съ солью да мѣдный котелокъ; вотъ и вся провизія. Все это помещается въ шелгачъ — мѣшокъ изъ грубаго полотна съ крѣпкими, но мягкими лямками. Футовъ 30 будетъ въ этой ношѣ.

И вотъ надѣваетъ мужичокъ свой старый, выношенный до нельзя полшубокъ, полуразвалившіеся валенки (въ новыхъ очень ноги горять) да растрепанную шапку. А то иной и шапку считаетъ лишней. Несподручно въ ней говорить: еще за сукъ зацѣпишь да потеряешь. Шапка, видите ли, хоть и худая, а стоитъ копейки три, — все-таки деньги; голова же не купленная, — стало-быть, и беречь ее очень нечего.

Рано утромъ, чуть забрезжится свѣтъ, товарищи, закусивши на дорогу, собираются къ одной избѣ и отсюда выступаютъ въ походъ. При этомъ, разумѣется, избѣгаютъ всякой встрѣчи, особенно съ женщинами. Попадись имъ баба, да еще съ пустыми ведрами, вѣдь тогда не жди никакой удачи на охотѣ.

Съ шелгачами за спиной, съ винтовками на плечѣ потянулись охотники одинъ за другимъ, однимъ слѣдомъ, какъ олени. Всѣхъ тяжелѣе переднему: снѣгъ садится подъ его лыжами, другіе же идутъ пробитою тропой. Дошли до опушки лѣса, иной оглянулся на деревню, на поле и, перекрестившись, — въ лѣсъ. Пока

не вернется домой, поля не увидитъ, да и вернется ли еще?

Не тѣ здѣсь лѣса, что въ средней или южной Россіи, гдѣ не успѣешь войти въ лѣсъ, какъ ужъ и за-свѣтилось впереди поле. Нѣтъ, здѣшній лѣсъ—море! Есть гдѣ укрыться звѣрю, есть гдѣ и погулять охотнику. Идешь, идешь, все прямо да прямо, и не одну сотню верстъ пройдешь, а все не увидишь ни жилья ни поля. Да и народъ-то здѣсь... Господи, что за народъ такой! Иной, чтобы выпить пивца для праздника, встанетъ съ мѣста, ни слова не говоря сниметъ шапку со стѣны—и пошелъ верстъ за 20 къ пріятелю. Ружье понадобится починить—идетъ къ мастеру за 100 верстъ, а то и больше. Вызвало разъ начальство по одному дѣлу крестьянина изъ Пинежскаго уѣзда. Старый былъ мужичокъ, лѣтъ шестидесяти, а прошелъ пѣшкомъ безъ дороги около 300 верстъ. При возвращеніи говорятъ ему: „Возьми, старина, открытый листъ, да поѣзжай на лошадахъ“. — „Далеко, батюшка, кругомъ ѣхать,—отвѣчалъ старикъ,—поди верстъ 600 будетъ! Да и ямщики обижаются стануть. Лучше ужъ пойду я своимъ путемъ. Богъ дастъ, черезъ недѣлю и дома буду“.

Но возвратимся къ нашимъ охотникамъ. Медленно, не торопясь, подвигаются они впередъ, чтобы не терять понапрасну силъ, прежде чѣмъ найдутъ оленей. Если встрѣтится болото, идутъ по болоту: такъ легче. Пока не видно оленьихъ слѣдовъ, идутъ другъ за другомъ въ одномъ порядкѣ. Но какъ только завидѣли на снѣгу отпечатки широкихъ копытъ,—начинаются приготовленія: заряжаются винтовки и лучшіе стрѣлки выходятъ

впередъ. Ткнувши палкой въ слѣдъ, сейчасъ можно узнать, старый ли онъ или свѣжій. Если олени долго были на одномъ мѣстѣ, то они вытаптываютъ и взрываютъ снѣгъ кругомъ на большое разстояніе; въ такихъ мѣстахъ олени уже недалко. Тутъ охотники пробираются краемъ вытопаннаго мѣста и осторожно подкрадываются или ползутъ. Послѣ выстрѣла половина охотниковъ сбрасываетъ шелгачи и пускается въ погоню, а остальные идутъ по слѣдамъ ихъ съ ношею.

Хорошо нужно ходить на лыжахъ, чтобы гнаться за стадомъ испуганныхъ оленей. Оленю вездѣ дорога. Его не задержать ни гора, ни оврагъ, ни колода. Съ крутизны въ нѣсколько сажень онъ бросается очертя голову, безъ оглядки; бухнетъ въ снѣгъ, провалится въ него чуть не съ головою, а черезъ мгновеніе уже выбрался наверхъ, поднялся въ гору и мчится по лѣсу шибче, чѣмъ лошадь по большой дорогѣ. Вотъ тутъ и гонись за нимъ! Быстро катится охотникъ съ крутой горы, лавируя между деревьями, рискуя наткнуться на сѣль, изломать вдребезги лыжи и убиться до полусмерти. Но труднѣе всего подыматься въ гору: лыжи безпрестанно скатываются внизъ, такъ что иногда приходится снимать ихъ и, закинувъ на плечи, взбираться прямо, проваливаясь по поясъ въ глубокомъ снѣгу. Взобрался, а въ валенки понабилося снѣгу тьматмушая. Нечего дѣлать—скидавай ихъ, выколачивай снѣгъ, а тамъ подвязалъ снова лыжи да и въ догонку—олени-то ужъ далеко впереди.

Удачна охота или нѣтъ, но день кончился и приходится думать о ночлегѣ. Переночевать на снѣгу при хорошемъ морозѣ—задача не легкая. Неопытный чело-

вѣкъ либо замерзнетъ, либо перезябнетъ, но ужъ, во всякомъ случаѣ, соснуть ему не придется. Но если разложить огонь умѣючи, то можно выспаться не хуже чѣмъ въ избѣ. Вотъ какъ здѣшніе охотники это дѣлаютъ. Выбравъ хорошую сушину, они валяютъ ее на землю, потомъ перерубаютъ на двѣ части и кладутъ одно бревно на другое, вдоль, а чтобы верхнее не скатывалось, его укрѣпляютъ коломъ. По обѣ стороны уложенныхъ такъ бревенъ вырываютъ въ снѣгу глубокія ямы. Дно и бока ямъ выстилаютъ словыми вѣтвями; потомъ втыкаютъ щепы между бревнами по всей ихъ длинѣ и, когда все готово, остается только зажечь ихъ. Скоро разгораются и бревна, но не кругомъ охватываетъ ихъ пламя, а только прикасающіяся поверхности, и разстилается горизонтально въ обѣ стороны. Устроенный такимъ образомъ костеръ называется „нодья“. Огонь горитъ всю ночь безъ всякой поддержки, иногда только обгорѣлыя мѣста подрубаютъ топоромъ. Устроивъ нодью и забравшись въ яму, охотникъ можетъ расположиться по-домашнему. Будь морозъ хоть градусовъ 30, онъ снимаетъ съ себя и платье и обувь, не боясь холода. Идущее горизонтально пламя нагрѣваетъ воздухъ надъ всей ямой и составляетъ надъ нею какъ бы теплую крышу.

Устроивъ квартиру, охотники принимаются варить ужинъ. Тутъ первое дѣло добыть воды, а на это тоже нужно умѣнье. Конечно, не трудно зачерпнуть въ котелокъ снѣга, да и распустить его надъ огнемъ, но такой воды почти нельзя пить. Въ снѣгу непременно бездна хвойныхъ иглъ, и вода будетъ пахнуть смолою. Кромѣ того, пока вода таетъ въ котелкѣ, дымъ костра

поминутно охватывает его со всѣхъ сторонъ и такимъ образомъ къ запаху смолы примѣшивается запахъ дыма. Чтобы избѣгнуть всего этого, дѣлается такъ. На ближайшемъ пнѣ или еловой вѣткѣ всегда найдется порядочная глыба снѣга, „глыза“. Въ ней снѣгъ очень чистъ, потому что на гладкой ея поверхности хвоя не держится. Отломивъ глызу, втыкають ее на палку, которую втыкають въ землю недалеко отъ огня, но только сбоку, не надъ пламенемъ, и черезъ минуту поверхность глызы, обращенная къ огню, начинаетъ таять, и вода бѣжитъ струею въ поставленный котелокъ. На этой-то водѣ и готовятъ ужинъ.

Ужинъ, конечно, незатѣйливъ, да не прихотливые люди и садятся за него. Въ кипяченую и посоленную воду насыпають толокна и толченыхъ сухарей, кипятятъ еще раза два, снимаютъ котелокъ съ огня—и, благословясь, за ужинъ. Съ аппетитомъ ѣдятъ его охотники, черпая деревянными ложками изъ котелка. Найдется какая лепешка — ѣдятъ на закуску, а нѣтъ—дорodne и такъ. Главное достоинство кушанья, чтобы было какъ можно солонѣе, чтобы послѣ побольше напиться. Завершивъ ужинъ, охотникъ перекрестится три раза, приговаривая: сытъ, слава тебѣ Господи!—закурить трубку и разляжется у огня на разостланномъ полушубкѣ, словно дома на печкѣ. Другой примется чистить винтовку или чинить пороховницу, и всѣ на досугъ начинаютъ бесѣдовать. О чемъ, о чемъ тутъ не говорится! Вольно и свободно льется разговоръ, слышатся шутки и остроты. Не гладко и не замысловато, но за то мѣтко острятъ балагуры, и далеко раздается по лѣсу эхо отъ дружнаго хохота. Ярко и ровно го-

рить костеръ, освѣщая загрузбѣлыя, но одушевленные лица и широкія, открытыя груди охотниковъ, да близкія, покрытыя снѣгомъ, деревья. Морозъ стучитъ по лѣсу, словно стрѣляетъ изъ пистолета, но не страшень онъ у гостепріимнаго огонька, гдѣ сухо и тепло, какъ дома. Мало-по-малу утихаетъ говоръ и всѣ засыпають богатырскимъ сномъ. А пока они спятъ, позвольте рассказать вамъ одинъ случай изъ жизни сѣвернаго крестьянина-охотника.

Одинъ крестьянинъ вынесъ на рынокъ дорогую лисицу, но, видя и самъ такую въ первый разъ отъ роду, настоящей цѣны ей не зналъ, а запросилъ наугадъ 25 рублей ассигнаціями. Нѣсколько купеческихъ приказчиковъ сразу завидѣли выгодную добычу и, чтобы не упустить ея изъ рукъ, завели мужика въ избу и тамъ начали торговаться всѣ вмѣстѣ, рассчитывая раздѣлиться послѣ между собою полюбовно. Долго толковали они съ мужикомъ и давали уже 23 рубля, но онъ, догадываясь, что лисица имъ нравится, не сбавлялъ ни копейки.

Вышли приказчики на дворъ посовѣтоваться. Жаль, видите, стало двухъ рублей.

— Какъ быть, ребята?—отозвался одинъ, плотно затворивъ за собою дверь.—Видно, отдать двадцать-пять.

— Какъ не отдать, голова! На всякомъ мѣстѣ, слышь, лиска стоитъ рублейъ двѣсти-пятьдесятъ.

— А все надѣть поторговаться еще,—посовѣтовалъ третій:—два рубля деньги, а мужикъ изъ избы не уйдетъ; лиса все наша будетъ, прибавитъ успѣмъ!

Потолковали и опять въ избу. Но послѣдній совѣтъ

и желаніе выгодать два рубля испортили все дѣло. Пока молодцы держали совѣтъ, имъ и въ голову не пришло обратить вниманіе на какого-то пріѣхавшаго мужика, распрягавшаго на дворѣ лошадь. Да и тотъ, спокойно занимаясь своимъ дѣломъ, казалось, столь же мало думалъ о нихъ, какъ и они о немъ. Только, какъ-будто нечаянно, сдвинулъ онъ шапку съ одного уха.

Если бы приказчики, войдя въ избу, сразу дали мужику 25 рублей, лисица была бы ихъ, но, на бѣду, они только-что прибавили полтину и наперерывъ принялись божиться, что больше дать нельзя, какъ мужикъ, распрягавшій лошадь, вошелъ въ избу. Увидѣвъ какъ-будто нечаянно продавца, онъ живо подбѣжалъ къ нему, выхватилъ изъ рукъ лисицу и влѣпилъ ему порядочную оплеуху.

— Ахъ ты, мошенникъ! — крикнулъ онъ на мужика. — Промышляли вмѣстѣ, а продавать вздумалъ одинъ? И быстро обратившись къ приказчикамъ съ вопросомъ: что жалуете, хозяева? — сталъ передъ ними и загородилъ собою прежняго продавца.

Все это произошло такъ быстро, что ни ошеломленный мужикъ, ни растерявшіеся приказчики не могли сразу опомниться; только одинъ изъ нихъ, какъ-будто съ просонья, проговорилъ: двадцать три съ полтиной!

— Двадцать три съ полтиной!.. Шутите, что ли, ребята? Двѣсти-пятьдесятъ, ни копѣйки меньше.

Тутъ ужъ поднялся страшный шумъ, но дѣлать было нечего. Опомившійся продавецъ смекнулъ, что тянутъ на его руку, и подтвердилъ, что новопріѣзжій дѣйствительно его товарищъ, и что пусть онъ продаетъ, какъ

знаеть. Приказчики, зная, что 250 рублей ассигнаціями недорого, и что другіе купцы дадутъ эти деньги, отсчитали ихъ сполна, и мужички отправились изъ избы.

Только-что вышли на дворъ, протакъ бухъ въ ноги своему избавителю.

— Бери, братъ, какую хочешь часть, — проговорилъ онъ, — деньги твои.

— Ненадо мнѣ твоихъ денегъ, — отвѣчалъ добрый человекъ; — а вотъ поставька-ка полуштофъ, — я, вишь, съ дороги прозябъ маленько.

И новые пріатели, весело поговаривая, отправились въ пріютъ для безпріютныхъ...

Но вотъ уже скоро и заря станетъ заниматься. „Эй, ребята, вставайте!“ — отозвался одинъ изъ охотниковъ, и всѣ живо и бодро вскакиваютъ на ноги. Первая забота — завтракъ. Котелки съ водою навѣсили надъ огнемъ, а сами охотники принялись одѣваться. Умывшись снѣгомъ и размазавъ по лицу всю отмоченную сажу грязнѣйшимъ рукавомъ рубашки, охотники кладутъ въ закипѣвшую воду толокно, и черезъ нѣсколько минутъ завтракъ готовъ. Ъдятъ хорошо; каждый помнитъ, что днемъ некогда будетъ возиться съ обѣдомъ, развѣ удастся пожевать на ходу сухарей.

Наконецъ, все готово. Вымытые и высушенные котелки вмѣстѣ съ провизіей уложены въ шелгачи, которые съ каждымъ днемъ дѣлаются все легче и легче; охотники одѣлись, закурили, у кого есть, трубки и — съ Богомъ въ походъ.

Такимъ-то образомъ, день-за-день, ходятъ промышленники, пока есть хлѣбъ или пока не помѣшаетъ по-

года; такъ доберутся и до послѣдняго ночлега. Дома давно съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ихъ.

Не совсѣмъ спокойна иная мать или молодая жена. Онѣ знаютъ, что не всегда возвращаются благополучно съ такихъ походовъ. Разорвавшаяся винтовка можетъ испортить руку; иной, запутавшись въ чащѣ лыжами или спускаясь подъ гору, ушибся такъ, что не скоро поправится; тотъ неосторожно подошелъ къ раненому олею и за это получилъ сильный ударъ копытомъ. Да мало ли что можетъ случиться? Въ лѣсу -- не дома, да и дома „всѣ подъ Богомъ ходимъ“. Постоянно, пѣлый день бѣгающіе по улицѣ ребятишки, взобравшись повыше, поглядываютъ во всѣ стороны. Но вотъ, показались охотники изъ опушки, и радостная вѣсть быстро разнеслась по деревнѣ. Хозяйки побросали иглы да прялки и принялись готовиться къ приему дорогихъ гостей; теплый тулупъ да валенки положены поближе, столъ накрытъ, ярко пылаетъ огонь въ печи.

И вотъ, пришли охотники въ деревню. Каждый подошелъ къ своей избѣ, поставилъ лыжи къ стѣнкѣ и молча вошелъ въ избу. Взоры всѣхъ домашнихъ впились, кажется, въ него, а онъ какъ-будто не видитъ этого, молча помолится Богу, снимаетъ шелгачъ, положить на мѣсто винтовку, медленно раздѣнется и сядетъ за столъ. Никто не смѣетъ спросить у него: какъ? что? гдѣ были? Убили ли что? Только послѣ обѣда, когда растянувшись на полатахъ подъ теплымъ тулупомъ и спустивши внизъ широкую бороду, хозяинъ окинетъ всѣхъ веселымъ взглядомъ, жена рѣшится спросить: „что Богъ далъ?“

ПО ТУНДРѢ КЪ САМОѢДАМЪ.

Н. А. АЛЕКСАНДРОВА.

Лютая безконечная сѣверная зима вступила во всѣ свои права и разнеслась по тундрѣ страшными бурями и заметелью, или пургой. Спуталось въ снѣжныхъ вихряхъ небо съ землей, замело, засыпало и занесло глубокими снѣгами, по деревнямъ и городамъ, дома до крышъ, а морозъ, о которомъ, какъ и о буряхъ, никто изъ жителей внутренней Россіи не имѣетъ и понятія, крѣпко сжалъ и сковалъ въ одну общую льдину всю пустыню тундры.

Архангельскіе друзья и знакомые, описывая самыми мрачными красками дикую зимнюю пустыню, старались отговорить Кастрена отъ путешествія *); но надежда обогатить науку какими-либо открытіями воодушевила Кастрена рѣшимостью, и онъ готовъ былъ жертвовать самъ жизнью, лишь бы достигнуть этого. Онъ перѣхалъ изъ Архангельска въ Мезень—самый сѣверный и далекій городъ на востокъ Россіи,—и отсюда началось его путешествіе по тундрѣ къ самоѢдамъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ передъ домомъ мезенскаго городничаго стояли олени санки съ рогоженнымъ верхомъ; впереди ихъ сани открытыя, и четверка добрыхъ оленей, запряженныхъ какъ въ тѣ, такъ и въ другія,

*) Изъ путешествій М. А. Кастрена по сѣверу Россіи.

чуя путь, вытянула свои короткія шеи и только помахивала вѣтвистыми красивыми рогами. Приземистый самоѣдъ съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ, называемымся „*харей*“, стоялъ молча, опершись на него, у переднихъ саней. На немъ былъ мѣшокъ изъ оленьей шкуры шерстью внизъ, извѣстный во всей Россіи подъ именемъ „*малицы*“, а поверхъ малицы надеть былъ другой мѣшокъ „*савикъ*“, такой же, какъ малица, но съ капюшономъ. Ноги окутывались шерстяными чулками, и поверхъ ихъ виднѣлись отдѣльно узорчатые оленьи „*нимы*“, служившія ему въ видѣ сапоговъ.

Толпа любопытныхъ зрителей—мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, не смотря на сильный морозъ, окружала кибитку, заглядывала въ низенькія окна самага дома и съ нетерпѣніемъ, кутая свои носы въ шубы, ожидала проѣзжающаго, чтобы посмотрѣть, какъ онъ будетъ усаживаться. Кастрень вышелъ и сѣлъ въ санки. Послышалось громкое „съ Богомъ“, самоѣдъ тронулъ единственную длинную ременную вожжу, даль по толчку палкой каждому изъ оленей, и олени мелко застучали копытцами по убитой городской дорогѣ. Изъ Мезени дорога пошла на Сомжу, а оттуда потянулась она прямо къ сѣверу, и передъ Кастреномъ разостлалась неизмѣримая равнина Канинской тундры. Если бы не вѣтеръ, который сметалъ снѣга, посылаемые благимъ небомъ на эту мрачную землю, то трудно было бы рѣшить, что находишься на землѣ: она была такъ же нага и бѣдна, какъ и мать ея—море, восточный берегъ котораго былъ виденъ и сливался съ землей въ одну мрачную безконечную линію. Изрѣдка встрѣчался кое-гдѣ рѣдовый ельникъ, чаще попадался ивовый

кустарникъ, который указывалъ обыкновенно на присутствіе маленькаго ручья, тихо пробиравагося по тундрѣ, и, взглядываясь тщательнѣй, можно было открыть не большія возвышенности. Онѣ иногда были обнажены совершенно; иногда же онѣ покрывались тонкимъ, но крѣпкимъ снѣжнымъ черепкомъ, сквозь трещины котораго пробивался частый олений мохъ. Вотъ все, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней мелькало передъ глазами Кастрена, и о чемъ онъ, вспоминая потомъ, писалъ въ своемъ путешествіи: „земля была пуста и пустынна, почти какъ при началѣ творенія міра“.

Самоѣдъ, свистя повременамъ на оленей, тянулъ однообразную, какъ бы въ ладъ своей пустынѣ, дикую пѣсню: что съѣлъ какой-то самоѣдъ въ одинъ разъ семь сырыхъ *омулей* *), что выпили такіе-то и такіе-то самоѣды, тамъ-то и столько-то вина; и ужъ наступила ночь, озарили пустыню яркія звѣзды, а онъ все импровизировалъ монотонно весь свой домашній бытъ, и слышались чаще всего воспѣванія вина и сырой оленьей печени и оленьей крови. Онъ пѣлъ, какъ и всѣ дикіе народы, что ему приходило на умъ и что онъ любилъ или что ему было по сердцу.

Олени неслись равномерною рысцой по снѣжной постунѣ, которая мерцала изрѣдка какимъ-то страннымъ полусвѣтомъ, и нѣтъ возможности представить той ужасной тишины, какая царила вокругъ, нарушаемая иногда только лаемъ одинокаго песца или крикомъ бѣлой совы—пѣвицы, достойной этихъ пустынь.

*) Рыба въ родѣ сига.

Не было возможности думать, находясь на этой могилѣ природы, о присутствіи какой бы то ни было жизни; но вотъ, вдали за сугробами и снѣжною гладью, показался *чумъ* или *юрта* самоѣда. *Чумъ* — это конусообразный шатеръ, составленный изъ жердей и обшитый оленьими одѣялами, — однимъ шерстью наружу, а другимъ шерстью внутрь. Жерди, вбитыя въ землю въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, образовали круглое основаніе шатра и, связанные крестообразно наверху, оставляли небольшую дыру для выхода дыма. Кастрень подѣхалъ къ чуму, вышелъ изъ санокъ и заглянулъ въ отверстіе, служащее дверью и прикрытое оленьюю шкурой, — въ чумѣ было темно, какъ въ могилѣ, и кто-то стоналъ. Онъ попросилъ огня, но отвѣта не было; онъ повторилъ свою просьбу, — отвѣта опять-таки не послѣдовало; и, ходя по чуму и наткнувшись на кучу хвороста, онъ самъ свалилъ его на очагъ и развелъ огонь. Ярко освѣтившаяся внутренность чума показала Кастрену довольно уютной. Повсюду видѣлись подушки, вездѣ въ два ряда уколочены были постели, полъ для предохраненія отъ сырости и стужи устилался твердыми постилками, сплетенными изъ прутьевъ березы и метляка; поверхъ постилокъ лежали оленьи шкуры, и на самомъ священномъ мѣстѣ противъ двери, называющемся „*синекуй*“, черезъ которое не смѣтъ переступить самоѣда, хранились разныя лучшія вещи и самые лакомые съѣстные припасы. Кромѣ больного самоѣда, лежавшаго на одной изъ постелей, Кастрень замѣтилъ въ чумѣ и дѣвушку-самоѣдку, которая, забившись въ уголь, съ жадностью теребила и рвала зубами большой кусокъ мерзлаго сы-

рого мяса. Она взглядывала украдкой, съ выраженіемъ сильнаго страха и даже отчаянія, на Кастрена и походила въ это время на какого - то шевелящагося звѣрька.

Не прошло и пяти минутъ, какъ вошелъ хозяинъ съ хозяйкой, а за ними, спустя нѣсколько мгновений, явился самоѣдь-колдунъ или *шаманъ*, къ которому обращаются язычники самоѣды какъ къ священнику и какъ къ врачу.

Онъ вошелъ какою-то нетвердою, лукавою походкой; красивый костюмъ его, освѣщенный пламенемъ, рѣзко бросался въ глаза. На немъ была замшевая рубаха (*самбурча*) съ красною суковною каймой, съ такими же выпушками по всѣмъ швамъ и съ такими же эполетами на плечахъ. Глаза и все лицо его покрывались лоскутомъ сукна, такъ какъ шаманъ или, какъ зовутъ его самоѣды, *тадибей* проникаетъ въ тайны духовнаго міра только внутреннимъ взоромъ; на головѣ же не было ничего, и только узенькая лента изъ краснаго сукна проходила по затылку, а другая по темени для укрѣпленія лоскута, спускавшася на лицо. На груди висѣла желѣзная бляха, а въ рукахъ онъ держалъ небольшой круглый барабанъ, изукрашенный разными кольцами, лоскутками и оловянными фигурками.

Войдя, онъ прямо подошелъ къ больному и сталъ разспрашивать, не знаетъ ли онъ, кѣмъ наслана болѣзнь, кто его враги, съ кѣмъ больше ссорился, дрался и т. д. Но больной только отрицательно моталъ головой и все время безмысленно мычалъ. Тогда тадибей приступилъ къ своему чародѣйству: забивъ оглушительно въ барабанъ, онъ запѣлъ, вызывая не-

видимыхъ духовъ—*тадебціевъ*, нѣсколько таинственнымъ и ужасающимъ напѣвомъ. Растягивая каждое слово и каждый слогъ до безконечности, онъ пѣлъ: „Не покидай, тадебцій, больного, ступай наверхъ, ступай къ верховному владыкѣ къ *Нуму* и проси о вспомошествованіи“. И тадебцій, видимо по словамъ тадибея (какъ потомъ удалось узнать Кастрену), исполнилъ его приказаніе и вернулся съ извѣстіемъ, что Нумъ не сказалъ ни слова и не далъ помощи. Тадибей при такомъ извѣстіи упрасивалъ тадебція, чтобы онъ помогъ самъ; но тадебцій отвѣчалъ: „какъ мнѣ помочь? вѣдь я меньше Нума, я не могу помочь“. Тогда тадибей, не отставая въ своихъ просьбахъ, снова сталъ просить, чтобы тадебцій вознесся опять къ Нумѣ и умолялъ бы его неотступно о помощи и спасеніи, на что тадебцій будто бы отговаривался и совѣтовалъ тадибею отправиться къ Нумѣ самому“.

„Я не могу добраться до Нумы,—пѣлъ на это жалостнымъ тономъ тадибей:—онъ слишкомъ далеко отъ меня; если бы я могъ добраться до него, я не сталъ бы „просить, тадебцій, тебя; я пошелъ бы къ нему, но я не могу, такъ ступай же къ нему ты самъ“.

Послѣ такихъ увѣщаній тадебцій какъ-будто сжалился и сказалъ тадибею: „Ну, для тебя я пойду, но Нумъ безпрестанно бранитъ меня и говоритъ, что не скажетъ мнѣ ни слова“.

Такъ бесѣдуя долго съ невидимымъ тадебціемъ, тадибей замолкалъ повременамъ и барабанилъ слабѣе, точно вслушивался въ отвѣты тадебція:

Окончивъ бесѣду, тадибей вдругъ заревѣлъ, забарабанилъ и въ какомъ-то восторженномъ состояніи,

точно видя видѣнія, онъ сталъ, конкульсивно подергиваясь, возвѣщать изреченіе оракула.

Онъ говорилъ, что болѣзнь произошла отъ одного врага и, прося опять тадебціа, онъ насылалъ въ отомщеніе эту болѣзнь ея виновнику. За заклинаніями онъ вынулъ сушеную березовую губку и, вырѣзавъ изъ нея нѣскольکو кусочковъ, онъ клалъ, зажигая эти кусочки, на больную ногу и видимо радовался, когда кусочки отъ тѣла отскакивали. Онъ говорилъ, что болѣзнь пройдетъ, что Нумъ смиловался и что болѣзнь перейдетъ на врага. Его блуждающій взглядъ и его дикіе жесты дѣлались при этомъ покойнѣе, сдержаннѣе, и подь конецъ, принявъ отъ хозяевъ жертву и удаляясь изъ чума, онъ еще разъ предвѣщалъ больному полное здравіе и долгую жизнь.

Но больной умеръ на другой же день и, какъ казалось Кастрену, онъ умеръ отъ антонова огня. Указывая на умершаго, Кастрень обвинялъ въ его смерти тадибея; но самоѣды не вѣрили Кастрену и говорили, что тадибей самъ ничего не можетъ сдѣлать, что онъ не больше, какъ толмачъ невидимаго міра духовъ и тадебціевъ, а тадебціи дѣлають и добро, дѣлають и зло, и что все на свѣтѣ зависитъ отъ одного Нума.

Иньки (такъ зовутъ самоѣдокъ) обрядили покойника въ его лучшую одежду и, продѣлавъ въ чумѣ противъ дверей небольшое отверстіе, пронесли черезъ него умершаго, схвативъ его за голову и за ноги. Въ саняхъ, принадлежащихъ покойнику, былъ запряженъ его любимый олень и, когда тѣло было вынесено и уложено, самоѣды всѣ кучею, съ дѣтьми и съ собаками, окружили его и повезли хоронить.

Опустивъ покойнаго въ неглубокую яму, они бросили туда же его ножъ, заблаговременно ими испорченный и иступленный; бросили разломанный на части хорей, которымъ гонялъ покойный оленей; бросили разбитую чашку, изъ которой онъ любилъ пить водку, и, полагая, что покойникъ будетъ въ могилѣ еще нѣсколько времени жить и вещи его ему будутъ при этомъ случаѣ нужны, они засыпали ихъ вмѣстѣ съ нимъ землею и на курганѣ надъ могилой принесли въ жертву любимаго оленя, который и привезъ къ могилѣ своего мертваго хозяина.

Жертва, обagrивъ курганъ, лежала у деревяннаго кумира или болванчика, называемаго *хаме*, знаменитый каменный представитель котораго находится у самоѣдовъ на островѣ Вайгачѣ и явился туда, имѣя человѣкоподобную форму и остроконечную голову, неизвѣстно какимъ образомъ. Самоѣды мазали свѣжей оленьей кровью губы болванчика, тыкали ему въ ротъ куски оленьей печенки и сами, подчиваясь то сырою оленьиной, то водкой, едва затѣмъ притащились обратно въ свои чумы.

Оставивъ кочевье съ его свѣжимъ покойникомъ, Кастрень отправился на другой день далѣе по тундрѣ, по направленію къ Печорѣ, и по дорогѣ говорилъ съ ямщикомъ-самоѣдомъ о покойникахъ.

Ямщикъ вѣровалъ, что со смертію кончается все для человѣка, что умереть человѣкъ — и конецъ всему; вѣровалъ въ исключительное безсмертіе однихъ тадибеевъ, которые превращаются въ могилѣ въ такъ-называемыхъ „ирматовъ“ и скитаются ночью по землѣ, дѣлая людямъ то добро, то зло. Онъ говорилъ, что

ихъ надо очень бояться и что не слѣдуетъ о нихъ много думать.

Кастренъ хотѣлъ продолжать еще разговоръ о покойникахъ, но недалеко на тундрѣ послышался лай собакъ, и олени, положивши свои вѣтвистые рога на спину и помахивая своими коротенькими хвостиками, полетѣли къ новому *доху* или отдыху такой быстрой рысью, что самоѣдъ только засвистѣлъ и замахалъ съ радостью своимъ длиннымъ хореємъ.

Кочевье показалось издали въ какой-то тревогѣ: иньки сновали около чумовъ, сани были нагружены подушками и разными вещами, а, подѣзжая, Кастренъ встрѣтилъ и самоѣдовъ, которые, поймавъ ближайшихъ къ чуму оленей, ѣхали уже къ своимъ стадамъ.

— Что это?—спросилъ Кастренъ ямщика.

— На другое мѣсто, — слышался отвѣтъ, — въ до-рогу. И ямщикъ указалъ на чумъ, который неожиданно на глазахъ Кастрена исчезъ и былъ сваленъ инькой на сани.

Первый разъ Кастренъ видѣлъ оживленнымъ кочевье: тутъ почти-что голые ребятишки бѣгали отъ чума къ чуму, тамъ иньки кричали и проворно работали, укладывая свои вещи и разбирая чумы; въ одномъ мѣстѣ разсерженный самоѣдъ сѣкъ своего кумирчика или *хае* за то, что тотъ не исполнилъ его просьбы; въ другомъ—самоѣдъ сколачивалъ старыя сани, а вдали заливались громкимъ пронзительнымъ лаемъ собачата, загоняя стада, и самоѣды ловко вскидывали мѣткія и крѣпкія петли на рога своихъ оленей.

Тяжело дышавшіе олени Кастрена, остановясь у чумовъ, хватали съ жадностью пухъ свѣжаго снѣга, а

ямщикъ, вынувъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой и подкрѣпясь любимымъ напиткомъ, продолжалъ объяснять Кастрену, что самоѣды уходятъ на новое мѣсто, такъ какъ не стало болѣе на настоящемъ для оленя корма, и олень ушелъ, отыскивая мохъ, далеко, гдѣ будутъ его рѣзать волки, и уйдетъ онъ затѣмъ еще далѣе...

— Чего-жь они зоторопилсь?

— День коротокъ—ночь скоро,—отвѣтилъ ямщикъ.

— А куда-жь теперь самоѣды отправятся?—спросилъ Кастрень.

— А куда олень поведетъ,—отвѣчалъ ямщикъ:— олень лучше знаетъ, гдѣ мохъ лежитъ... Гдѣ есть мохъ, тамъ и остановится опять...

И въ долгихъ своихъ странствіяхъ по тундрѣ и на пути къ Печорѣ Кастрень встрѣчалъ еще множество перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто самоѣдовъ, видѣлъ, какъ останавливается кочевье и вѣчная работница самоѣда, инька, въ какихъ-нибудь полчаса разбиваетъ и устраиваетъ свой чумъ; встрѣчалъ Кастрень на тундрѣ и русскихъ и зырянъ, которые ѣздятъ съ водкой и, спаивая самоѣдовъ, пріобрѣтаютъ у нихъ за ничто разные мѣха и оленей; видѣлъ также, какъ кроткій, простодушный самоѣдъ, ради водки, поддается всякому обману и какъ живетъ онъ на тундрѣ, оттѣсненный русскими отъ рѣкъ, лѣсовъ и лучшихъ пастбищъ въ самую глубь пустыни, едва и кое-какъ промышляя на ней то оленемъ, то рыбой. Вполнѣ безотрадней и даже ужасной казалась Кастрену эта жизнь, которую влачить самоѣдъ вѣчно въ кабалѣ и вѣчно голодая; но самоѣдъ не ищетъ другой жизни, и всѣ попытки Кастрена приручить къ себѣ самоѣда, ради

легчайшаго изученія самоѣдскаго языка, остались безъ успѣха.

Самоѣдъ, живя въ избѣ Кастрена съ женой и съ дѣтьми въ одной изъ русскихъ деревень, говорилъ постоянно Кастрену: „ты живешь со мной ладно и я люблю тебя, но смилуйся и отпусти меня“. И такъ нѣсколько разъ Кастренъ пытался удержать при себѣ самоѣда, ублаговоря его вдоволь и водкой и деньгами, но самоѣда тянуло ежеминутно на тундру, въ чумъ, и Кастренъ волей-неволей долженъ былъ отказаться отъ своихъ удобствъ и устроить свой ученый кабинетъ въ чумѣ нищихъ самоѣдовъ, находившихся недалеко отъ деревни. При крикѣ дѣтей и лаѣ собакъ, живущихъ вмѣстѣ съ самоѣдами въ чумѣ, и при воѣ вѣтра, который задувалъ иногда и ночникъ, Кастренъ изучалъ самоѣдскія нарѣчія и всматривался во всѣ мелочи самоѣдской жизни.

Обыкновенно въ чумѣ сидѣла передъ нимъ инька, сучившая изъ оленьихъ жилъ нитки или чинившая малицу; сидѣлъ, жуя курительный табакъ и поплеывая въ огонь, голодный самоѣдъ, и тутъ же толклись голые ребятишки, стояли, поднявши у очага носы, маленькія шавки или собачата, и Кастренъ спрашивалъ самоѣда, почему у нихъ считается нечистой инька, почему она не смѣетъ шагать черезъ одежду мужа, черезъ постель, черезъ синекуй и черезъ всякую лежащую вещь; почему они инекъ бьютъ, когда тѣ постоянно работаютъ, а сами самоѣды только спятъ; почему также, готовя ѣду, иньки ѣдятъ одни остатки отъ нея, и т. д. На все это самоѣд давалъ весьма неопредѣленные отвѣты и говорилъ: „инька пересту-

пить через малицу — надо сдѣлать чистой ее, надо положить на очагъ; инька переступить черезъ синекуй— его надо освятить, надо бросить на синекуй зажженный уголь или губку...“

На разспросы объ обрядахъ при рожденіи, свадьбѣ и другихъ онъ также отвѣчалъ весьма неопредѣленно, ничего не объясняя, и на вопросъ, какъ даются при рожденіи имена, самоѣдъ отвѣчалъ: „какъ Нумъ укажетъ. Ты вошелъ,—говоритъ онъ Кастрену,—и ребенка мы назвали „немзи“ (нѣмецъ); снѣгъ повалилъ, когда онъ родится,—назовутъ снѣгъ; пурга зашумитъ— и назовутъ ребенка пурга...“

Свадьбу же Кастрену пришлось видѣть передъ отъѣздомъ съ Печоры въ Сибирь, когда онъ оставлялъ самоѣдовъ и направлялся къ другимъ инородцамъ— остякамъ.

Самаго свадебнаго сговора Кастренъ не засталъ; ему пришлось присутствовать на свадебномъ пирѣ.

Пиръ свадебный—это былъ чисто кровавый пиръ. Передъ чумами толпилась гурьба разряженныхъ самоѣдокъ и инекъ; въ серединѣ между ними стоялъ красивый олень. Ребятишки, засунувъ руки въ малицы, прыгали около него и радостно визжали, чуя сладкое оленье мясо. Одинъ изъ распорядителей пира, напрягшись всѣмъ тѣломъ, держалъ оленя за рога, другой стоялъ наготовѣ съ ножомъ; иньки, собравшись молча нѣсколько поодаль, выжидали приказанія мужей, а самъ хозяинъ, уставясь противъ оленя съ обухомъ, улучалъ удобную минуту свалить его однимъ ударомъ. Олень свалился, а длинный ножъ попалъ ему прямо въ сердце, и въ одно мгновеніе вытасненный дыхательный ка-

наль взволноваль всю толпу. Толпа заорала и чуть не передрались изъ-за этого лакомага куска; но кусокъ по всѣмъ правамъ принадлежалъ родственникамъ жениха и, разорванный на части, онъ въ ту же минуту исчезъ. Съ оленя живо сняли шкуру, разрѣзали животъ и, выбросивъ все несъѣдобное, перевернули навзничь. Онъ сталъ походить на длинную посудину, наполненную кровью, въ которой плавали печенки, легкія и сердце. Гости и хозяева, всѣ съ длинными ножами, хватали съ жадностью куски теплаго дымящагося мяса и, обмакивая ихъ въ кровь, съ особымъ звѣрствомъ и наслажденіемъ ловко срѣзывали ножомъ небольшіе куски подлѣ самага рта. Свѣжая кровь такъ и струилась по поднятымъ рѣдкимъ бородамъ и выгнутымъ шеямъ, а подслѣповатые узенькіе глаза блестяли, какъ искорки, и чашка водки, туманя ихъ глаза, довершала все блаженство.

Легкія и печенка служили десертомъ; но когда кончился пиръ у убитаго оленя, всѣ отправились въ чумъ, гдѣ кишѣль уже котель, и полусырое мясо, разрѣзанное на части, подносилось на деревянномъ блюдѣ почетнымъ гостямъ, а въ томъ числѣ и Кастрену. Женихъ и невѣста были тутъ же, и невѣста, одѣтая въ короткую оленью шубку, плотно обхватывающую верхнюю часть тѣла и окаймленную у колѣнъ собачимъ мѣхомъ, представляла полный типъ самоѣдской красавицы; ей было не болѣе тринадцати лѣтъ. Маленькое круглое личико, большія губы, полныя и красныя щеки, бѣлый лобъ, черные маленькіе глазки и черныя длинныя косы до пять—вотъ главныя ея достоинства. Костюмъ ея, какъ и всѣхъ самоѣдовъ, былъ изукра-

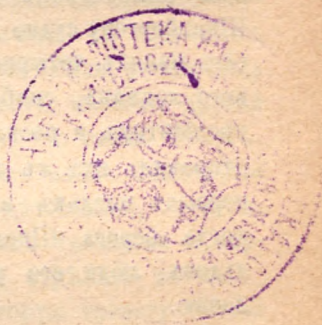
шень красными, синими и желтыми обшивками, на ногахъ были пестрыя штаны, оленьей кожи чулки, и только двѣ нитки синяго стекляруса на головѣ отличали ее отъ другихъ дѣвушекъ.

Женихъ также не уступалъ въ красотѣ своей невѣстѣ: его широкія скулы, маленькіе глаза, смуглый цвѣтъ лица, плоскій носъ съ широкими ноздрями, составлявшій съ низкимъ лбомъ прямую линію, и затѣмъ толстыя губы, окамленные рѣденыкой щетиной волосъ, и черная, какъ смоль, голова—вполнѣ характеризовали его монгольское племя.

На пиру онъ такъ же, какъ и всѣ его собраты, пилъ страшно водку и, не смотря на то, что во время пира его невѣста и другія дѣвушки пѣли самоѣдскія пѣсни, походившія напѣвомъ на кваканье лягушекъ, онъ вмѣстѣ съ остальной компаніей заводилъ постоянныя драки и ни съ того, ни съ сего таскалъ сосѣда за волосы, а тотъ—его. Пиръ завершился общею потасовкой, гдѣ не обращалось вниманія ни на полъ, ни на возрастъ: пьяные цѣплялись другъ другу въ волосы, таскали одинъ другого по чуму, шли на кулаки, дрались косями, и все это, довершавшее пиръ и веселье, происходило безъ всякаго повода.

На другой день предъ Кастреномъ разыгрался второй актъ этой драмы, и все сиѣжное поле передъ чумами было усеяно павшими героями и героинями предшествовавшаго пира. Многіе лежали безъ чувствъ, съ открытыми головами, уткнувшись въ сиѣгъ, и вѣтеръ наметывалъ надъ ними сугробы. Возчики Кастрена также были не трезвы и всячески старались отговорить его отъ поѣздки и предвѣщали поэтому сильную

непогоду. Но Кастрень, выдержавъ уже много бурь и непогодъ и освоясь съ ними, въ продолженіе своего долгаго странствованія по тундрѣ, рѣшился отправиться въ дорогу и теперь. Онъ съ радостью оставилъ пустынную Печору, о которой говорятъ всѣ, что „она создана не Богомъ, а образовалась уже послѣ потопа“. Онъ проѣзжалъ послѣдній разъ окружавшія ее низменныя пространства и думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе добраться до Урала.

ВѢДСТВІЯ ЧЕТЫРЕХЪ РУССКИХЪ КИТОЛОВОВЪ (ЗУБКОВСКАГО).

Архангельской губерніи, города Мезеня, купецъ Еремѣй Окладниковъ предпринялъ послать къ острову Шпицбергену судно для китоваго и звѣринаго промысла. Онъ нанялъ четырнадцать человѣкъ охотниковъ и одного лоцмана, снабдилъ ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ провіантомъ и разнымъ оружіемъ и въ половинѣ іюля отправилъ ихъ въ дальній путь, разсчитывая, что въ первыхъ числахъ августа, то-есть къ тому времени, когда берега Шпицбергена бываютъ свободны отъ льдовъ, люди его уже будутъ на мѣстѣ и начнутъ ловлю.

Въ самый день отплытія стояла великолѣпная погода; разукрашенное судно величаво качалось у пристани. Въ девять часовъ утра, по желанію всего наемнаго экипажа и самого хозяина судна, при стеченіи жителей Мезеня, отслуженъ былъ напутственный молебенъ и поднятъ огромный парусъ. Путешественники простились съ провожавшими ихъ родными и знакомыми, и

судно, при помощи небольшого попутнаго вѣтра, вышло изъ рѣки Мезеня въ Бѣлое море.

Скоро берега начали мало-по-малу теряться въ синѣющей дали, а часовъ черезъ пять-шесть материкъ совершенно исчезъ изъ глазъ. Синій однообразный горизонтъ охватилъ со всѣхъ сторонъ судно; только бѣлыя и черныя чайки вились еще надъ нимъ нѣкоторое время, да съ крикомъ проносились вереницы дикихъ гусей, какъ бы напоминая о покинутыхъ берегахъ. Къ концу дня судно съ развернутымъ парусомъ, какъ одинокій лебедь, несло уже среди безпредѣльнаго царства безмолвія и пустоты, куда не залетаетъ даже самая быстрая птица и о которомъ житель материка не имѣетъ и понятія.

Наши мореходцы, какъ и всѣ питомцы архангелогородскаго побережья, люди, привычные къ подобнымъ странствованіямъ по водамъ, весело плыли, разлегшись на палубѣ и куря трубки. Но вотъ начался другой міръ: стали попадаться навстрѣчу то стада бѣлугъ, предводимыхъ своими матками, изъ коихъ нѣкоторые несли на спинахъ черноглубыхъ дѣтенышей, то блуждающія льдины со спящими на нихъ тюленями и моржами. Мореходцы пробовали-было стрѣлять въ нихъ, но животныя обнаруживали нѣкоторую тревогу только послѣ первыхъ двухъ-трехъ выстрѣловъ, а слѣдующіе затѣмъ нисколько ихъ не тревожили, и они преспокойно продолжали лежать, не трогаясь съ мѣста.

Восемь дней сряду погода благопріятствовала судну Окладникова: вѣтеръ дулъ попутный; но на девятый день, послѣ непродолжительнаго затишья, вѣтеръ перемѣнился и подулъ отъ сѣверо-запада. Крѣпчая часъ-

отъ часу, онъ къ вечеру превратился въ грозную бурю, которая сильно всколыхала океанъ и подняла на немъ страшные валы. Наконецъ, показались западные берега Шпицбергена, у которыхъ, обыкновенно, пристають всѣ китоловы; но судно, не смотря на самыя отчаянныя усилія охотниковъ, не могло приблизиться къ острову; всю ночь оно боролось съ опасностями и къ утру отнесено было къ одному изъ необитаемыхъ небольшихъ острововъ, окружающихъ Шпицбергенъ. Тутъ, въ разстояніи трехъ верстъ отъ берега, судно очутилось между льдовъ, которые, по причинѣ волненія, находились въ непрерывномъ движеніи, то спираясь между собой и вставая горами, то съ трескомъ обрушиваясь въ бездну; гулъ бури, ревъ волвъ и трескъ льдинъ дико раздавались у пустынныхъ береговъ острова; судно, со всѣхъ сторонъ тѣснимое и затираемое льдинами, дрожало, какъ листъ. Китоловы ежеминутно ожидали, что какая-нибудь громадная глыба льда подыметъ ихъ на свою скользскую поверхность и, столкнувшись съ другою льдиной, стряхнетъ съ себя судно въ море, какъ орѣховую скорлупу, или что другая, не менѣе громадная льдина, надвинувшись на первую, раздавитъ ихъ. Не смотря на такое отчаянное положеніе, наши мореходцы предпочитали лучше держаться здѣсь, у береговъ пустыннаго островка, гдѣ еще возможно спасеніе, нежели отойти въ море, гдѣ среди глубочайшаго мрака ночи и тумана исчезла бы для нихъ всякая надежда на спасеніе.

Между тѣмъ, управляющій судномъ юцманъ Алексѣй Хилковъ, взглянувъ, насколько возможно было, въ берега островка, объявилъ товарищамъ, что это

тотъ самый островъ, на которомъ въ недавнее время земляки ихъ, тоже мезеньскіе звѣрепромышленники, зимовали въ привезенной ими съ этою цѣлю такъ называемой разборной избѣ. Это извѣстіе нѣсколько ободрило экипажъ; стали совѣщаться и единодушно рѣшили отправить изъ своей среды четырехъ чело-вѣкъ для осмотра острова и для отысканія избы, и если она дѣйствительно еще существуетъ, то остаться въ ней зимовать или, по крайней мѣрѣ, переждать жестокою бурю, починить въ суднѣ поврежденія, оставить его на якорѣ и перенести всѣ свои вещи на берегъ. Выборъ палъ на самого же лопмана Хилкова, на его родственника Ивана Хилкова и еще на двухъ: Степана Шарикова и Ѳедора Веригина. Они взяли съ собою нѣкоторое количество съѣстныхъ припасовъ, ружья, пороховой рогъ съ двѣнадцатью патронами, столько же пуль, топоръ, небольшой котель, полпуда муки, ножъ, трутъ и огниво съ кремнемъ и, перекрестясь, спустились съ судна на первую огромную льдину.

— Смотрите же, братцы, не унывайте, — сказалъ лопманъ оставшимся на суднѣ: — продержитесь тутъ какъ-нибудь, пока мы вернемся. А воть, Господь смилуется надъ нами и мы найдемъ эту избы.

— А какъ найдете ее, такъ и назадъ, не мѣшкайте, отцы родные! — умолялъ замѣнчившій на суднѣ старшаго.

— Извѣстно дѣло, не останемся, — не замерзатъ же тамъ.

— А промѣшкаете, небось, дня два-три? — замѣтилъ другой.

— Можетъ статья—и больше, и недѣлю цѣльную проплутаемъ,—сказалъ лоцманъ.

— Вся душа у насъ эдакъ изноеть отъ одного сумленія,—раздался голосъ.

Лоцманъ Хилковъ что-то отвѣтилъ, но словъ его нельзя уже было слышать за налетѣвшимъ порывомъ бури.

Такъ какъ льдины безпрестанно сталкивались между собой, сильно колыхались и разламывались, то путь по нимъ къ берегу былъ чрезвычайно опасенъ и труденъ. Лоцманъ Хилковъ и трое его товарищей, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ, часто принуждены были перепрыгивать съ одной льдины на другую и подавать другъ другу руку; наконецъ, добрались они до обрывистаго берега, кое-какъ влѣзли на него, перевели духъ, оборотились къ судну и замахали шапками, давая знать товарищамъ, что они благополучно добрались до земли; но тѣ не могли этого замѣтить, такъ какъ судно, окутанное зеленоватымъ туманомъ, едва было видно.

Лоцманъ и три спутника пошли внутрь острова отыскивать избу.

Печальную и дикую пустыню представлялъ этотъ негостепріимный островъ! На немъ, вслѣдствіе суроваго климата, почти вовсе не было растительности, — ни одного деревца ни одного кустика, вся земля была покрыта сплошнымъ кудреватымъ мхомъ; въ разныхъ мѣстахъ видѣлись конусообразные холмики съ нетающимъ никогда на ихъ вершинахъ снѣгомъ. Углубясь во внутренность острова верстъ на семь, путешественники дѣйствительно увидѣли близъ одного холма избу.

Радость ихъ была невыразима! Изнуренія, которое они чувствовали отъ непосильныхъ и продолжительныхъ трудовъ, какъ не было. Они торопливо приблизились къ избѣ и нашли, что она довольно ветхая, съ двумя окнами, обращенными на полдень и заколоченными поперекъ досками; передъ входомъ была пристройка, въ родѣ маленькаго коридора, дверь въ которую запиралась сверху деревянною задвижкой. Когда чрезъ этотъ коридоръ они вошли въ избу, на нихъ пахнуло сыростью, точно изъ могильнаго склепа; въ противоположномъ углу довольно просторной комнаты стояла печь, сдѣланная изъ глины, по образцу русскихъ крестьянскихъ печей, безъ трубы; близъ нея, у другой стѣны, были полати, а вдоль стѣны, противъ печки, шврокая скамья. При помощи найденныхъ тутъ щепокъ наши китоловы развели въ печкѣ огонь, нѣсколько отогрѣлись и, подкрѣпясь пищею, заночевали.

На утро, чуть свѣтъ, они отправились къ морю, чтобы извѣстять своихъ товарищей о счастливомъ открытіи. Буря уже утихла. Но каково были ихъ горе и ужась, когда, подойдя къ берегу, они не нашли своего судна! Въмѣсто льда, который наканунѣ сплошь покрывалъ море, они увидѣли одну воду, на которой не было никакого признака, никакого слѣда отнесеннаго волнами судна: свирѣпствовавшая ночью буря разнесла ледъ и очистила поверхность океана. Бѣдные китоловы не знали, что и подумать о своемъ суднѣ: льдами ли оно затерто и погибло, или, сорванное съ якоря, занесено куда-нибудь и еще цѣло, что также нерѣдко случается съ судами китолововъ. Какъ бы то ни было и что бы съ ними ни случилось, только мореходцы

наши никогда уже не видѣли его больше, и оставшіеся на немъ товарищи съ тѣхъ поръ пропали безъ вѣсти, изъ чего навѣрное можно заключить, что судно, дѣйствительно, погибло въ безднахъ океана.

Это несчастіе поразило нашихъ странниковъ; долго молча, какъ безумные, блуждали они по пустыннымъ берегамъ острова, не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ стояло судно, но напрасно. Еще два-три дня ходили они по нѣскольку разъ туда съ какой-то надеждой: постигшее ихъ несчастіе не подлежало сомнѣнію. Живо и во всемъ ужасѣ представлялись имъ тогда и вѣчная разлука съ родиной, и заточеніе на этомъ дико-пустынномъ островѣ и, наконецъ, вѣрная смерть отъ нестерпимой стужи и голода. Опасенія ихъ были тѣмъ болѣе основательны, что къ этому выдававшемуся изъ воды лоскуту земли никто изъ моряковъ не пристасть никогда. Особенно страдалъ лоцманъ Хилковъ, у котораго въ Мезени остались жена и трое малепькихъ дѣтей; разлука съ ними и безнадежность свиданія доводили его до отчаянія.

Но инстинктивное чувство самосохраненія мало-помалу побуждало странниковъ къ дѣятельности. Прежде всего озаботились они починкою избы: набрали мху и забили имъ щели въ дверяхъ и у оконъ, исправили крышу, насколько можно было исправить, не имѣя подъ рукой лѣса, а внутрь избы натаскали мху для постели. Когда они работали на крышѣ, то не разъ видѣли, какъ огромные бѣлые медвѣди, привлеченные небывалымъ стукомъ топора, близко подходили къ избѣ, долго смотрѣли на нихъ и потомъ уходили съ глухимъ рычаньемъ.

Скоро злополучнымъ нашимъ стравникамъ напомнила о себѣ и другая нужда—холодъ, потому что августъ уже былъ на исходѣ и начались морозы съ метелями; руки и ноги коченѣли у нихъ, а имъ нечѣмъ развести огонь, чтобы отогрѣться. Въ такой крайности, они начали строгать стѣны внутри избы и откалывать отъ нихъ небольшія щепы; но этого было слишкомъ недостаточно, да притомъ такимъ способомъ отопленія они постепенно разрушили бы свое единственное убѣжище. Сколько ни бродили они по острову, сколько ни старались найти хоть какое-нибудь топливо, ничего не находили кромѣ сырого мху. Во время этихъ тщетныхъ поисковъ въ глубинѣ острова предъ ними бѣгало множество оленей и песцовъ; нѣсколько разъ приходилось имъ защищаться отъ медвѣдей, которые здѣсь до того смѣлы и люты, что сами вападали на нашихъ китолововъ, преслѣдовали ихъ до избы и, окруживъ ее, держали какъ въ осадѣ. На бѣду, пороху-то у китолововъ было всего только на двѣнадцать зарядовъ, поэтому они дорожили имъ какъ драгоценностью, безъ которой немыслимо ихъ существованіе, особенно теперь, когда небольшой запасъ провіанта уже почти истощился и приходилось кормиться однимъ мясомъ дикахъ звѣрей. При первомъ нападеніи медвѣдей они принуждены были выстрѣлить разъ въ огромнаго звѣря, болѣе другихъ дерзкаго, который преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, убили его, втащили въ избу, едрали съ него шкуру, мясо употребили въ пищу, а жиръ на освѣщеніе избы, сдѣлавъ для этого плошку изъ медвѣжьяго же черепа. Вскорѣ послѣ того, бродя по берегу моря, они, къ невыразимому своему удовольствію,

стали находить какіе-то обломки досокъ, должно-быть, отъ погибшихъ судовъ, и даже цѣлыя деревья съ корнями, принесенныя, конечно, волнами изъ другихъ странъ, щедрѣе надѣленныхъ природой, но неизвѣстныхъ нашимъ промышленникамъ; попадалась также и пенька, пригодная для свѣтильни въ плоску. Все это тщательно собирали и обезпечивали себя такимъ образомъ отъ холода и темноты. Въ доскахъ находили они много гвоздей, а изъ одного обломка вытащили желѣзный крюкъ, изъ котораго, съ помощію камней, выковали себѣ что-то въ родѣ молота, изъ гвоздей же надѣлали копій и стрѣлъ, съ которыми довольно удачно охотились на медвѣдей. Для ловли песцовъ они ставили въ разныхъ мѣстахъ множество ловушекъ.

Привыкнувъ къ опасностямъ, они, вооружась копьями и ружьями, ходили всѣ вмѣстѣ даже на медвѣдей, къ самымъ ихъ берлогамъ, и всякій разъ возвращались благополучно, съ большою добычей. Часто, во время сильныхъ метелей, католы должны были оставаться по цѣлымъ суткамъ въ губѣ; тогда они занимались выдѣлкою звѣриныхъ шкуръ и нашили потомъ себѣ изъ нихъ разной одежды и обуви, вмѣсто совершенно износившихся, въ которыхъ прибыли на островъ. Для этого они мочили шкуры въ снѣговой водѣ до тѣхъ поръ, пока легко можно было выдергать изъ нихъ шерсть; затѣмъ голыя кожи мяли досуха въ рукахъ, поливая ихъ изрѣдка оленьимъ жиромъ, вслѣдствіе чего онѣ дѣлались мягкими. Тѣ кожи, которыя нужны были для теплой одежды, мочили онѣ только одни сутки и, вынувъ изъ воды, мяли съ шерстью, такъ же поливая жиромъ.

Такъ нужда научаегь человѣка всему.

Физическое существованіе нашихъ промышленниковъ было обезпечено; но ихъ томила невыразимая грусть при мысли о родинѣ. Увидятъ ли они ее когда-нибудь? И что ихъ можетъ утѣшить въ этомъ печальномъ заключеніи? Что ожидаетъ ихъ впереди? Солнце заходитъ здѣсь въ началѣ ноября, а восходитъ въ концѣ января, — слѣдовательно, почти три мѣсяца ужасной полярной ночи съ морозами, которыхъ не можетъ опредѣлить никакой термометръ, потому что ртуть въ нихъ замерзла бы въ двѣ минуты, — съ морозами, которые захватываютъ дыханіе, жгутъ и рѣжутъ лицо, при которыхъ никакіе мѣха не могутъ согрѣть человѣка. А этотъ глубочайшій мракъ! Ночью хоть на какіе-нибудь полчаса его разгонитъ сѣверное сіяніе, или проглянетъ изъ-за тумановъ луна, днемъ же тамъ темнѣе ночи. Иногда, выходя изъ избы, наши китоловы должны были употреблять страшныя усилія, чтобы выбратъся изъ-подъ снѣга, который заносилъ всю избу въ теченіе пяти-шести часовъ. Случалось, возвращаясь съ промысла, они не могли отыскать своего жилища, и только высокій шестъ, поставленный на крышѣ его, указывалъ имъ, гдѣ они должны разрывать снѣгъ.

На другой годъ, несмотря на непрерывную дѣятельность, служащую здѣсь единственнымъ средствомъ предохраненія отъ скорбута, одинъ изъ нихъ, именно Веригинъ, заболѣлъ этимъ недугомъ; колѣни его начали пухнуть, тѣло начало издавать нестерпимое зловоніе, отъ котораго нельзя было дышать въ избѣ; бѣлки глазъ сдѣлались желтыми; наступило полное изнеможеніе; онъ слегъ и вскорѣ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Эта потеря потрясла его товарищей. Мрачно

глядя на безжизненный трупъ страдальца, лежавшій на столѣ, каждый изъ нихъ думалъ: „что, если и прочіе товарищи также помрутъ, и я останусь одинъ въ этомъ отверженномъ краѣ, — что со мной тогда будетъ?“

Но надобно похоронить тѣло. Это было въ октябрѣ; наступалъ вечеръ; вдругъ безцвѣтно-мутное свинцовое небо какимъ-то чудомъ прояснилось; на краю горизонта показалась полная луна. Трое товарищей, помолясь Богу о душѣ усопшаго, завернули трупъ въ оленью шкуру, вынесли изъ избы и зарыли около нея въ глубокое сугробѣ снѣга, съ тѣмъ, чтобы когда настаетъ коротенькое лѣто, и хоть сколько-нибудь оттаеетъ поверхность земли, вырыть для него постоянную могилу и поставить крестъ. Ничто не могло сравниться съ ихъ тоской, когда, возвратясь съ горестныхъ похоронъ, они вошли въ свою избу, походившую теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, на темную могилу!...

Послѣ этой катастрофы промышленники провели здѣсь еще три года, а на четвертый, въ августѣ мѣсяцѣ, собирая разъ по берегамъ топливо, они увидѣли въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, на западъ, корабль. Убѣдясь, что это точно корабль, а не марево, не спершіяся льдины, которыя здѣсь нерѣдко представляютъ видъ цѣлыхъ флотовъ и крѣпостей съ башнями, они въ неописанной радости поспѣшили къ ближайшимъ холмамъ, развели на нихъ огни и на высокомъ шестѣ выставили распущенную медвѣжью шкуру, чтобы дать знать о себѣ находящимся на кораблѣ людямъ. Дѣйствительно, тамъ замѣтили эти сигналы, и корабль черезъ нѣсколько времени приблизился къ берегамъ рокового острова. Какъ оказалось, онъ вышелъ изъ

Архангельска къ Шпицбергену, но противными вѣтрами былъ снесенъ въ эту сторону. Наступила минута избавленія. Провидѣніе сжалилось, наконецъ, надъ страдальцами! Остановясь верстахъ въ двухъ отъ острова, неизвѣстные мореходцы прислали за бѣдствующими китоловами шлюпку и, послѣ переговоровъ, взяли ихъ на корабль со всемъ ихъ имуществомъ съ условіемъ, что по прибытіи въ Архангельскъ они обязаны будутъ заплатить хозяину корабля 80 рублей; имущество же ихъ состояло изъ 50 пудовъ оленьяго жиру, 250 песцовъ и нѣсколькихъ медвѣжьихъ шкуръ.

Въ сентябрѣ всѣ трое прибыли въ Архангельскъ совершенно здоровые. Питаясь въ продолженіе пяти лѣтъ однимъ мясомъ звѣрей, они долго не могли привыкнуть къ хлѣбу и каждый разъ, когда его ѣли, чувствовали въ желудкѣ жестокую боль.

ДВА ГОДА НА ЛЬДИНѢ.

(Разсказъ Охочинскаго).

Въ іюль 1872 года австрійскій пароходъ „Тегетгофъ“ покинулъ Норвегію для изслѣдованія Ледовитаго океана. Капитаномъ былъ Паеръ; кромѣ него на пароходѣ находилось 23 человѣка офицеровъ и матросовъ. Восемь большихъ лохматыхъ собакъ довершали населеніе.

Уже на одиннадцатый день по выходѣ Тегетгофа изъ

норвежскаго города Тромзё путешественники замѣтили бѣловатый отблескъ на сѣверной сторонѣ неба и поняли, что отблескъ этотъ происходитъ отъ гигантскихъ льдинъ, которыя плывутъ имъ навстрѣчу, хотя ихъ самихъ пока не видно. Еще два дня пути, и пароходъ очутился между пловучихъ льдовъ, которые усѣивали все видимое пространство океана и, мѣрно покачиваясь на волнахъ, плыли къ югу. Теперь только полярная природа предстала передъ глазами путешественниковъ во всей полнотѣ своего лѣтняго вида. Причудливо-разнообразныя льдины таяли подъ лучами солнца, и съ нихъ текли потоки воды съ гармоническимъ шумомъ. Повременамъ та или другая льдина раскалывалась на куски, которые съ оглушительнымъ трескомъ рушились въ морскія волны. Цѣлыя стаи гагаръ и чистиковъ носились надъ льдинами, и изъ воды порою показывалась умная голова тюленя, или поднимался китъ, и далеко слышно было его фырканье, похожее на тяжелые вздохи.

Тегетгофъ смѣло шель между гигантскими льдинами, но съ каждымъ днемъ ледъ становился все гуще, и плаваніе дѣлалось затруднительнѣе. Наконецъ, ледъ сгустился до такой степени, что нельзя было двинуться съ мѣста. Пришлось стоять въ ожиданіи, пока льдины разойдутся. Но онѣ не только не расходились, а еще сгущались все плотнѣе вокругъ парохода и, наконецъ, совсѣмъ *затерли* его. Съ этого дня Тегетгофъ сталъ плѣнникомъ льда.

Въ первые дни плѣна люди жили надеждой, что вѣтеръ сломаетъ ледяныя поля; но этого не случилось, а напротивъ, льдины все плотнѣе смыкались въ сплош-

ную массу, въ которую крѣпко вмерзъ пароходъ. Какъ ни бились люди: и распиливали ледъ и взрывали его порохомъ, лишь бы прочистить себѣ каналъ въ открытое море,—ничего не помогало. Пришлось отдать себя на произволъ судьбы и плыть вмѣстѣ съ этою гигантскою льдиной, куда понесетъ ее теченіемъ океана. А оно медленно несло ледъ на сѣверъ, между Новой Землей и Шпицбергеномъ.

Время шло; наступила осень. Дни укоротились. Солнце только на короткое время появлялось надъ горизонтомъ и тотчасъ опять исчезало. Вокругъ Тебетгофа печально и спокойно разстилалась со всѣхъ сторонъ ледяная поверхность, навѣвая на душу тоскливое чувство. Теперь уже ни одно живое существо не нарушало мертваго покоя засыпавшей природы. Только изрѣдка появлялась запоздавшая чайка и, быстро хлопая крыльями, какъ стрѣла улетала на югъ, прочь изъ этого царства полярной стужи.

13 октября начался такъ-называемый *напоръ льда*. Грозно вздымались ледяныя горы и лѣзли одна на другую. Воздухъ дрожалъ отъ треска и грохота ломавшихся льдинъ, и часто шумъ доходилъ до какого-то дикаго рева. Бѣдный Тебетгофъ трещалъ, качался и вздрагивалъ. Люди одѣлись по-походному и, захвативъ самое необходимое, съ ужасомъ ждали той минуты, когда пароходъ будетъ раздавленъ льдомъ. Спали совсѣмъ одѣтые и при всякомъ трескѣ выскакивали на палубу. Такъ продолжалось недѣли двѣ. Однако все кончилось благополучно и льдины успокоились.

28 октября въ послѣдній разъ возшло солнце, выглянуло на нѣсколько минутъ и сейчасъ скрылось. Съ

этихъ поръ оно не всходило больше, и началась одна непрерывная ночь. Только луна освѣщала повременамъ неровную поверхность льда, среди которой одиноко стоялъ корабль, весь обледенѣлый, засыпанный снѣгомъ, и его обындивѣвшіе канаты казались ледяными и сверкали въ лучахъ луны.

Потянулась скучная, долгая зимовка. Люди размѣстились въ двухъ каютахъ: въ одной — офицеры, въ другой — матросы. Въ желѣзныхъ печахъ непрерывно горѣлъ каменный уголь, но все-таки было такъ холодно, что одѣяла примерзали ночью къ стѣнамъ, а подъ постелями накоплялись за ночь цѣлыя груды снѣга. Когда кто-нибудь входилъ въ каюту, то его мѣховая одежда была настолько холодна, что капля воды, случайно попавшая на нее, моментально превращалась въ ледъ, даже возлѣ самой печки. Да и не мудрено, такъ какъ морозы стояли ужасные, и ртуть въ термометрѣ, выставленномъ наружу, давно замерзла и была такъ тверда, что ее можно было ковать.

Для развлечения, офицеры устроили чтенія и рассказы для матросовъ и познакомили ихъ съ различными странами и народами. Уроки зачастую прерывались охотой на бѣлыхъ медвѣдей. Эти хищные бродяги шляются вездѣ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Не боясь нисколько самыхъ лютыхъ морозовъ, они ходятъ по островамъ, плаваютъ на льдинахъ и вездѣ жадно нюхаютъ воздухъ — нѣтъ ли гдѣ поживы. Почувывъ корабль, гдѣ всегда бываютъ запасы солонины и сушеной рыбы, медвѣди близко подходили къ нему въ надеждѣ поживиться. Матросъ, стоявшій на палубѣ сторожемъ, издали замѣчалъ ихъ при лунномъ свѣтѣ

и стучалъ въ полъ, давая этимъ знать въ какую о близости звѣря. Тогда лучшіе стрѣлки брали ружья и выбѣгали наверхъ. Въ большинствѣ случаевъ удавалось убить медвѣдя однимъ выстрѣломъ, но иногда онъ убѣгалъ раненый, и люди пускались его преслѣдовать. Это было не малымъ развлеченіемъ въ скучной однообразной жизни. Такимъ образомъ убили въ зиму больше 50 медвѣдей. Сперва не рѣшались ихъ ѣсть, но потомъ попробовали и нашли, что мясо ихъ недурно, такъ что убитый медвѣдь съѣдался весь, а внутренности отдавались собакамъ.

Другимъ развлеченіемъ была ѣзда на собакахъ. Нѣсколькихъ собакъ запрягали въ легкія сани, въ которыя садился кто-либо изъ людей и выѣзжалъ ихъ, какъ выѣзжаютъ лошадей. Случалось, при свѣтѣ мѣсяца, значительно удаляться отъ корабля, только неровная, вся изломанная поверхность льда сильно мѣшала ѣздѣ.

Повременамъ, въ тихія звѣздныя ночи, небо, льды и корабль озарялись трепетнымъ свѣтомъ сѣверныхъ сіяній, которыя были такъ великолѣпны, что люди по цѣлымъ часамъ мерзли на палубѣ, любуясь этимъ чуднымъ явленіемъ полярныхъ ночей.

Между тѣмъ прошли рождественскіе праздники, прошел и Новый годъ. Тегетгофъ попрежнему подвигался на сѣверъ вмѣстѣ съ своею льдиной, что замѣтно было по полярной звѣздѣ, которая каждую ночь поднималась все выше и выше надъ горизонтомъ.

Въ концѣ января сталъ появляться по полуднямъ слабый свѣтъ зари на южной сторонѣ неба. Всякій день онъ дѣлался все ярче и ярче, и, наконецъ, 16

февраля въ первый разъ возшло солнце и на нѣсколько минутъ озарило окрестность пурпуровыми лучами. Въ нѣмомъ восторгѣ стояли люди, взирая на свѣтило, которое приносило имъ давно желанныя блага—свѣтъ и тепло. Однакожъ на первый разъ солнце очень скоро опять скрылось, и снова засіяли звѣзды на темномъ небѣ.

Но каждый день оно все дольше и дольше оставалось на небѣ, и подъ его благодѣтельнымъ дѣйствіемъ стала исчезать блѣдность исхудалыхъ лицъ. Въ мартѣ солнце уже перестало заходить вовсе, и ночей больше не было. Началось таяніе льда, и въ немъ появились большія полыньи. Въ ясные дни, которые впрочемъ были рѣдки, ледъ ослѣпительно сверкалъ на солнцѣ, такъ что небо и вода въ полыньяхъ казались черными сравнительно съ нимъ. Прилетѣли первыя гагары и другія птицы, но льды все еще не выпускали Тегетгофа. Въ напрасномъ ожиданіи прошелъ весь іюль, прошелъ и весь августъ. Теплота стала исчезать, а съ нею и надежды людей. Погруженные въ печальныя думы, стояли они на палубѣ и пристально смотрѣли въ волнистый туманъ, сквозь который изрѣдка пробивался лучъ солнца. Вдругъ сквозь этотъ туманъ показался рядъ суровыхъ каменныхъ скалъ. Какъ очарованные смотрѣли на нихъ люди, протирая глаза, какъ бы желая убѣдиться, не во снѣ ли они это видятъ. Но скоро сомнѣнія исчезли, всѣ убѣдились, что то были дѣйствительно скалы, и радостный крикъ: „земля! земля!“—вырвался у всѣхъ путешественниковъ.

Огромная льдина, державшая въ плѣну Тегетгофъ, приплыла къ какимъ-то островамъ, которые до той

поры никому не были извѣстны и не обозначались ни на какихъ картахъ. Упершись въ эти острова, льдина остановилась, такъ что корабль былъ верстахъ въ 10 отъ земли. Нѣкоторые смѣльчаки пробовали было добраться до нея, но густой туманъ такъ застилалъ собою льды, что не было никакой возможности идти по ихъ неровной поверхности. Усталые и измученные, возвратились они на корабль.

Вторая попытка была удачнѣе. Нѣсколько человѣкъ прошли изрытое и изборужденное ледяное поле и вступили на эту неизвѣстную землю. Въ неописанной радости заглядывали люди въ каждую расщелину скалы, брали въ руки каждый попадавшійся камушекъ и восхищались видомъ земли, которой они не видали уже больше года. Собаки раздѣляли восторгъ людей и съ громкимъ лаемъ прыгали съ камня на камень. Но земля эта была сурова и ужасна: она состояла лишь изъ голыхъ черныхъ скалъ, между которыми лежали снѣга и льды. Капитанъ Тегетгофа назвалъ ее именемъ австрійскаго императора, землю Франца-Иосифа.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль дѣлались экскурсіи на вновь открытую землю и составлялась карта ея береговъ. Но пуститься въ продолжительное путешествіе внутрь нея никто не рѣшался.

Между тѣмъ наступила вторая зима. Она прошла такъ же скучно и однообразно, какъ и первая, хотя не такъ благополучно для людей. Семь человѣкъ сильно страдали отъ цынги, а одинъ изъ нихъ, машинистъ Кришъ, былъ боленъ отчаянно. Болѣзненное состояніе людей, недостатокъ припасовъ и безвыходное положеніе корабля заставили капитана рѣшиться на слѣдующую

мѣру: какъ только придетъ весна—бросить корабль во льдахъ на произволь судьбы, а самимъ отправиться назадъ по льду до открытаго моря. Когда было объявлено объ этомъ матросамъ, всѣ очень обрадовались.

Какъ только появилось солнце послѣ 125-ти-суточного отсутствія, на кораблѣ началась оживленная дѣятельность, и въ нѣсколько дней всѣ приготовления къ путешествію пѣшкомъ черезъ льды были сдѣланы. Только одно печальное событіе нарушило общую радость: дни машиниста Криша были сочтены. Болѣзнь его стала сильно развиваться къ веснѣ, и онъ впалъ въ безпамятство. Только раздрающіе душу стоны и хрипота больного показывали, что жизнь еще теплилась въ умирающемъ тѣлѣ. Наконецъ, 16 марта Криша не стало, а 19, въ сильную метель, при двадцати-градусномъ морозѣ, трупъ его былъ перенесенъ на землю Франца-Иосифа, опущенъ тамъ въ расщѣлину скалы и заваленъ камнями. Скоро снѣгъ окуталъ бѣлымъ саваномъ его могилу, и только простой деревянный крестъ указывалъ мѣсто погребенія несчастнаго, погибшаго такъ далеко отъ его родины.

12 апрѣля капитанъ велѣлъ поставить на скалѣ вновь открытой земли австрійскій флагъ, а подлѣ него зарыть бутылку, въ которую была положена записка. Въ запискѣ говорилось, кто и когда ее оставилъ, а также рассказывалась вся несчастная судьба Тегетгофа.

20 мая люди съ глубокою грустью покинули корабль. Одиноко остался онъ посреди льдовъ, и никто не знаетъ, что случилось съ нимъ въ послѣдствіи. Запрягшись по 11—12 человекъ въ сани, на которыхъ

стояли лодки, нагруженные всёми необходимымъ, люди тащили ихъ понемногу черезъ льдины, и имъ значительную помощь оказывали собаки, которыя усердно везли сани рядомъ съ людьми. Но трудъ этотъ былъ такъ тяжелъ, что иной разъ сани подвигались лишь по нѣскольку десятковъ шаговъ въ сутки, и къ концу мая земля Франца-Иосифа все еще ясно виднѣлась вдали.

Наконецъ стало чувствоваться волненіе океана, которое равномерно то поднимало, то опускало ледъ. 14 августа передъ глазами путешественниковъ открылась безбрежная равнина свободного отъ льда океана. Труднѣйшая часть пути была уже пройдена. Теперь предстояло плыть на лодкахъ. Съ громкимъ „ура“! отчалили люди отъ льдинъ и пустились въ море. Но въ самомъ же началѣ плаванія случилось происшествіе, которое сильно и надолго опечалило путешественниковъ.

Дѣло въ томъ, что собаки, которыхъ посадили съ собою, пришли отъ качки въ такое безпокойство и стали такъ сильно метаться, что лодки того и гляди могли опрокинуться. Въ добавокъ не было больше корма для нихъ. Предстояло или бросить ихъ на произволъ судьбы или застрѣлить. Избрано было послѣднее, и, приставъ къ уединенной льдинѣ, люди предали смерти своихъ вѣрныхъ друзей, съ которыми столько времени они дѣлили нужду и горе.

Напрягая всё свои силы, гребли люди день и ночь. Впереди плылъ капитанъ, направляя лодку по картѣ и компасу. Когда случалось, что та или другая шлюпка отставала и скрывалась въ туманѣ, матросы трубили въ рогъ, пока опять всё собирались вмѣстѣ. Капитанъ держалъ путь прямо къ островамъ Новой Земли.

Черезъ нѣсколько дней показались какія-то ледяныя громады, которыя сначала сильно испугали путешественниковъ, такъ какъ они приняли ихъ за пловучіе льды. Но оказалось, что то были покрытыя снѣгомъ горы Новой Земли. Почти все время онѣ были окутаны туманомъ и лишь изрѣдка проглядывали сквозь него. Четыре шлюпки путешественниковъ какъ можно скорѣе плыли къ берегу. Отъ постоянной гребли руки у людей совсѣмъ одеревенѣли и распухли, такъ что всѣмъ было крайне необходимо отдохнуть хоть немного.

Когда, наконецъ, шлюпки подплыли къ Новой Землѣ, люди вышли на берегъ, вытащили на песокъ лодки и разложили костеръ изъ сучьевъ, во множествѣ валявшихся вдоль берега: ихъ приносить сюда издалика теченіе океана. Съ наслажденіемъ разлеглись путешественники на мягкій мохъ и заснули крѣпкимъ сномъ подъ глухой шумъ океана.

Отдохнувъ сутки, снова поплыли къ югу, теперь уже вдоль самаго берега Новой Земли, — берега пустынаго, скалистаго, необитаемаго. Все надѣялись встрѣтить какой-нибудь запоздавшій корабль русскихъ промышленниковъ, которые каждое лѣто приплываютъ къ Новой Землѣ изъ Архангельска для того, чтобы охотиться за сѣверными оленями, собирать гагачьи яйца и гагачій пухъ, а также ловить семгу въ устьяхъ рѣчекъ. Но нигдѣ не было видно ни живой души ни слѣда присутствія человѣка. Вотъ, наконецъ, доплыли и до пролива „Маточкинъ Шаръ“, гдѣ всего дольше остаются русскіе промышленники. Въ проливѣ нашли опрокинутую вверхъ дномъ лодку, а возлѣ нея давнишніе слѣды людей. Очевидно, было уже слишкомъ поздно,

и всѣ промышленники вернулись въ Архангельскъ изъ боязни встрѣтиться со льдами.

А между тѣмъ у людей осталось припасовъ только на 10 дней, и всѣ были изнурены до крайности. Тѣмъ не менѣе приходилось покинуть берегъ Новой Земли и плыть прямо къ Норвегіи, черезъ океанъ, такъ какъ до Архангельска было не ближе, другіе же берега Ледовитаго океана безлюдны и пустынно. Оставалась лишь слабая надежда, не встрѣтятся ли русскіе немного южнѣе, и потому рѣшено было, прежде чѣмъ повернуть къ Норвегіи, проплыть еще вдоль берега Новой Земли.

Усиленно гребли люди, все еще не теряя надежды. Обогнуть одинъ скалистый мысъ—всѣ думаютъ, что за нимъ, въ бухтѣ, появится корабль, но въ бухтѣ ничего нѣтъ. Начнутъ съ горемъ огибать другой мысъ, увидятъ новую бухту, и въ ней опять нѣтъ ничего. Такъ цѣлый день.

Вдругъ неудержимый крикъ радости вырвался у всѣхъ 23 человекъ: передъ ними показалась лодка съ двумя гребцами, которые съ изумленіемъ смотрѣли на плывущихъ къ нимъ людей, закутанныхъ въ звѣриныя шкуры, исхудалыхъ, почернѣвшихъ отъ стужи и вѣтра, а вдали виднѣлись двѣ небольшихъ русскихъ шкуны.

Съ нѣмымъ восторгомъ приближались путешественники къ этимъ шкунамъ, стоявшимъ въ бухтѣ, окруженной скалами. Теперь они были спасены!

Первая шкуна, къ которой пристала шлюпка нашихъ путешественниковъ, называлась „Николай“. Хозяинъ ея Ѳедоръ Воронинъ, равно какъ и всѣ матросы съ участіемъ и радушіемъ приняли измученныхъ гостей

и предложили имъ все, что имѣли — семгу, оленье мясо, гагачьи яйца, чай и хлѣбъ.

Одинъ изъ путешественниковъ зналъ немного по-русски и рассказалъ, кто они и какъ попали сюда. Русскіе же сообщили имъ, что они занимались здѣсь ловлей семги и охотой на сѣверныхъ оленей и что они простоятъ въ этой бухтѣ еще недѣли двѣ. Понятно, какъ не хотѣлось этого Пайеру и его людямъ: они страстно желали вернуться какъ можно скорѣе на родину. Поэтому Пайеръ уговорился съ Воронинымъ, что тотъ немедленно поплыветъ съ нимъ въ Норвегію, за что получить 1,200 рублей, три лодки и два ружья. 3 сентября шкуна пришла въ норвежскій городокъ Варде, и наши путешественники, послѣ 812-дневнаго странствованія по Ледовитому океану, снова ступили на европейскую почву. Изъ Варде они немедленно послали телеграмму на родину, откуда за ними явился большой пароходъ.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

(Б. В. Охочипскаго).

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ смѣлые новгородскіе ушкуйники, странствуя по морю въ своихъ утлыхъ лодкахъ, впервые увидѣли скалистые берега Новой Земли и узнали о существованіи одного изъ величайшихъ острововъ Сѣвернаго океана. Съ точностью опредѣлить время открытія Новой Земли

невозможно, но вѣроятно, что это случилось около десятаго или одиннадцатаго вѣка, когда шло заселеніе Двинского края новгородцами.

Пустынный и скалистый островъ Новая Земля, омываемый съ одной стороны Ледовитымъ океаномъ, а съ другой — Карскимъ моремъ, длиною и узкою дугой тянется отъ береговъ Европы въ самую глушь Сѣвернаго океана. Извилистый проливъ, длиною около ста верстъ, раздѣляетъ Новую Землю на двѣ части: меньшую — южную и большую — сѣверную. Проливъ этотъ носитъ названіе Маточкинъ Шаръ.

Внутренность острова почти совсѣмъ неизвѣстна, и только побережья его изслѣдованы болѣе или менѣе подробно. Дикія и угрюмыя картины полярной природы смѣняются одна другою передъ глазами путешественника, плывущаго вдоль береговъ Новой Земли. За исключеніемъ плоской южной ея оконечности, повсюду на западномъ берегу видны обнаженные каменные громады, которыя то круто низвергаются въ море, волнующееся у ихъ темныхъ подножій, то тянутся рядами отдѣльныхъ вершинъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Острые обломки вывѣтрившихся скалъ, раскиданные по склонамъ горъ, усиливаютъ характеръ дикости и запустѣнія страны. Порой гдѣ-нибудь въ глубинѣ бухты покажется полуразвалившаяся изба съ группою высокихъ могильныхъ крестовъ — мѣсто стоянки неустрашимыхъ промышленниковъ Сѣвернаго океана, и еще тяжелѣе станетъ на душѣ у путника. Чѣмъ далѣе подвигаешься на сѣверъ, тѣмъ горы становятся выше, массивнѣе и многочисленнѣе, а у Маточкина Шара онѣ учащаются до того, что взорамъ предста-

вляется одинъ только лабиринтъ горъ самыхъ разнообразныхъ формъ. Отсутствие растительности придаетъ мѣсту мрачный безжизненный видъ, и повсюду, вмѣсто живой природы болѣе счастливыхъ странъ, наблюдатель встрѣчаетъ одинъ только суровый скелетъ земли. Повсюду находится измельченный камень, покрытый изрѣдка лишаями; мѣстами на скалахъ, обращенныхъ на солнечную сторону, виднѣтся множество цвѣтовъ, но они безъ листьевъ и едва на полвершка возвышаются надъ чернымъ камнемъ.

„Одно изъ дѣйствій, производимыхъ на насъ отсутствіемъ деревьевъ и даже рослой травы, — говоритъ русскій ученый Бэръ, — это чувство одиночества, овладѣвающее душою не только мыслящаго наблюдателя, но и самаго грубаго матроса. Я не могъ подавить въ себѣ мысли, невольно мнѣ представлявшейся, что будто теперь только настаетъ утро міроздавія, и вся жизнь еще впереди... Иногда, правда, видишь движущееся по землѣ животное, иногда вдали отъ берега видна большая чайка, носящаяся въ воздухѣ, но это недостаточно для оживленія мѣстности. Недостаетъ, при тихой погодѣ, звуковъ и движенія, особенно когда предпримешь путешествіе внутрь страны. Даже писецъ бываетъ слышенъ только ночью. Это совершенное отсутствіе звуковъ, особенно господствующее въ ясные дни, напоминаетъ собою тишину могилы, и вдругъ выходящія изъ-подъ земли, прямо снующія передъ вами и столь же внезапно опять исчезающія пеструшки являются какими-то призраками. Однакожъ, вопреки этимъ слѣдамъ животной жизни, ея какъ будто бы нѣтъ“.

Животный міръ Новой Земли разнообразенъ; здѣсь

мы находимъ бѣлаго медвѣдя, или ошкуя—царя полярныхъ пустынь, который встрѣчается на всемъ островѣ, но преимущественно водится по сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ. Пища бѣлыхъ медвѣдей состоитъ изъ разной падали и морскихъ животныхъ, особенно тюленей, но иногда даже моржъ, несмотря на всю свою силу, одолевается одинъ-на-одинъ медвѣдемъ и становится его добычей. Кромѣ медвѣдей, изъ другихъ хищниковъ на Новой Землѣ попадаются волки и лисицы, забѣгающіе въ зимнее время съ континента, и водятся во множествѣ песцы, или полярныя лисицы. Отъ настоящей лисицы это животное отличается цвѣтомъ шерсти, которая зимою бѣлая, а лѣтомъ голубая или темно-пепельная. Питаются песцы трупами выбрасываемыхъ моремъ животныхъ, а также пеструшками; но зимою, когда норы пеструшекъ заносятся снѣгомъ, песцы иногда отъ голода поѣдаютъ другъ друга. Еще многочисленнѣе пеструшки, или песцовки—родъ полевыхъ мышей съ короткимъ хвостомъ и пушистою шерстью, отъ чего онѣ кажутся круглыми. О многочисленности пеструшекъ можно судить по тому, что склоны горъ во всѣхъ направленіяхъ изрыты норами этихъ звѣрковъ, питающихся преимущественно листьями и цвѣтами. Иначе если бы они поѣдали корни, то могли бы, пожалуй, истребить всю растительность Новой Земли. Изъ жвачныхъ животныхъ здѣсь водится сѣверный олень, кормомъ для котораго зимою служитъ бѣлый мохъ, или ягель, а лѣтомъ—разныя травы.

Сухопутныхъ птицъ на Новой Землѣ немного. Коренною сбитательницей является снѣжная сова. Затѣмъ попадаются снѣжныя пумачки, родъ каменарки, мор-

ской турухтанъ и родъ сарыча. Говорятъ, есть орлы. Но морскія перелетныя птицы, какъ и вездѣ на сѣверѣ, здѣсь очень многочисленны. Цѣлыя стаи кайръ унижаютъ прибрежныя террасообразныя утесы, называемыя у промышленниковъ базарами. На уединенныхъ скалахъ живетъ сѣрая чайка, или бургомистръ, получившая это почетное имя отъ голландскихъ китолововъ, вѣроятно потому, что она, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ рыбаковъ, выбираетъ любую изъ выбрасываемыхъ на берегъ рыбъ. Кромѣ того, попадаются чайки другихъ породъ, извѣстныя у промышленниковъ подъ именами: щеголихъ, чириковъ, глупышей и проч. Южная часть острова изобилуетъ гусями, утками, гагарами и извѣстными галками, гнѣздящимися въ утесистыхъ неприступныхъ мѣстностяхъ.

Въ промышленномъ отношеніи между птицами первое мѣсто занимаетъ гага. Для предохраненія своихъ яицъ отъ холода, она покрываетъ ихъ пухомъ и перьями, выщипанными изъ груди и изъ-подъ крыльевъ. Добываніе этого пуха чрезвычайно трудно, потому что гага вьетъ свои гнѣзда въ ущельяхъ горъ и на неприступныхъ скалахъ, такъ что промышленники должны иной разъ спускаться на веревкахъ съ громадныхъ утесовъ, подымающихся отвѣсно надъ морскою пучиной. Изгнанная изъ своего гнѣзда, гага вьетъ себѣ другое, и если и это будетъ разорено, то третье и послѣднее. Сама гага и ея яйца употребляются въ пищу, и послѣднія очень вкусны. Кромѣ гагъ, промышленники ловятъ еще гагарокъ и гусей, мясо которыхъ солить и въ бочкахъ отправляютъ въ Архангельскъ.

Воды Новой Земли принадлежатъ къ числу немно-

гихъ мѣстѣ, гдѣ въ значительномъ числѣ водятся моржи. Эти морскія чудища величиною съ большого вола, съ длинными крѣпкими клыками, встрѣчаются вездѣ у береговъ острова, но особенно въ сѣверныхъ его частяхъ. Толстыя и короткія переднія ноги ихъ, раздѣленныя на пять ногтистыхъ пальцевъ съ перепонками, позволяютъ имъ ползать по сушѣ, и они любятъ выходить на берегъ, чтобы грѣться на солнцѣ. Тюлени очень многочисленны и встрѣчаются преимущественно двухъ видовъ: нерпа или обыкновенный тюлень, съ шерстью серебристаго цвѣта, и морской заяцъ, покрытый черновато-желтою шерстью и нѣсколько больше предыдущаго. Затѣмъ очень много разныхъ видовъ дельфиновъ, изъ которыхъ особенно важна бѣлуха, составляющая предметъ значительнаго промысла. Изъ китообразныхъ есть габбары—родъ кита съ весьма короткою бородой.

Число видовъ новоземельскихъ рыбъ весьма ограничено: ихъ не болѣе десяти. Изъ нихъ важны въ промышленномъ отношеніи голецъ—родъ семги, съ едва замѣтными чешуйками; затѣмъ отчасти омуль и треска.

Новая Земля почти необитаема человѣкомъ. Въ давнія времена, гонимые за вѣру, раскольники иногда удалялись на этотъ глухой островъ, чтобы въ его безлюдныхъ пустыняхъ найти миръ своей совѣсти; но всѣ попытки поселиться здѣсь оказались неудачей и великъ полному вымиранію поселенцевъ. Главнымъ врагомъ человѣка является ужасный бачъ полярныхъ странъ—цынга или скорбутъ.

Въ недавнее время (1877 г.) на Новой Землѣ устроена спасительная стаяція для подаванія помощи потер-

пѣвшимъ крушеніе. Здѣсь выстроены: изба жилая, баня, сторожка и пороховой погребъ, и поселены шесть самоѣдскихъ семей. Въ видахъ пожара, постройки расположены одна отъ другой на большомъ разстояніи, а сторожка лежитъ на высокомъ холмѣ и служитъ мѣстомъ наблюденія и маякомъ для путешественниковъ.

Несмотря на всѣ опасности, человѣкъ идетъ въ этотъ бѣдный край, обдѣленный природою. Однихъ тянетъ туда жажда знанія, но большинство гонитъ нужда. Скучная природа сѣверныхъ странъ, не удовлетворяющая самыхъ насущныхъ потребностей человѣка, давно заставила русскихъ поморовъ обратиться къ морю, чтобы въ немъ искать средствъ для борьбы съ голодомъ. „Море — говорятъ они, — вотъ наше поле, наша пашня“.

МОРСКІЕ ПРОМЫСЛЫ КРАЙНЯГО СѢВЕРА.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь поживетъ близко съ поморами, отъ души полюбитъ этотъ смѣлый, развитой народъ съ простой довѣрчивой душой, способный искренно и отъ всего сердца привязаться къ человѣку только изъ-за ласковаго слова да дружественнаго обращенія. Это--настоящій дикарь, довѣрчивое дитя природы. Мрачный и величавый характеръ вѣчно холоднаго, вѣчно туманнаго Сѣвера оставилъ на лицѣ его особый отпечатокъ: какая-то серьезность, сосредоточенность проглядываетъ во всѣхъ чертахъ его.

Голыя скалы, ледъ, бури, плескъ волнъ, печальный крикъ чайки—вотъ изъ чего складывается своеобразная красота и величіе сѣверной природы, гдѣ живетъ обитатель Сѣвера. Тутъ все напоминаетъ человѣку о безсиліи его передъ стихіями природы, все вызываетъ его на отчаянную борьбу за существованіе съ бурей, со льдинами, съ холодомъ, съ бесплодной, мертвой почвой; безлюдье, безжизненность, бѣдность растительности выдвигаютъ на первый планъ гранитныя скалы и льдины.

Бѣдна красотою природа крайняго Сѣвера, но не до красоты жителю Сѣвера, поставленному въ суровыя условія жизни. Гдѣ ему любоваться голыми скалами, когда онѣ не производятъ ему хлѣба, или моремъ, если оно не дало ему достаточнаго для существованія улова рыбы.

Рыба—вотъ единственная забота помора. Земля мало производитъ, скотъ по этой причинѣ можно разводить только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ; остается одно—благодѣтельное море, дающее рыбу! Даже скотоводство отчасти поддерживается рыбой. На Мурманскомъ берегу головы трески, которыя всегда отрѣзаютъ отъ тѣла, не бросаютъ, а сушатъ и затѣмъ въ порошокъ употребляютъ въ видѣ пойда для коровъ. На Терскомъ берегу, въ селѣ Кузоменѣ, крестьяне кормятъ своихъ овецъ рыбными головами.

Но то же море, которое является благодѣтелемъ для помора, есть въ то же время и его опаснѣйшій врагъ. Сколько въ его волнахъ погибаетъ поморовъ, объ этомъ могутъ судить только семьи, оставленныя на произволь судьбы, которымъ приходится оплакивать

погибшихъ. Причина лежитъ въ неосторожности, смѣлости помора, отправляющагося зачастую въ открытое море въ утлой лодченкѣ, называемой „карбасомъ“, безъ палубы, съ плохимъ компасомъ или вовсе безъ него, съ продыравленнымъ парусишкомъ и часто въ ненастную погоду.

Много народа также гибнетъ зимою во время нерпичьяго боя, который совершается на прибрежныхъ льдинахъ, когда смѣльчакамъ - промышленникамъ по льду приходится забираться иногда глубоко въ море, съ одной льдины на другую, чтобы добраться ближе къ звѣрю, отдыхающему на льду; какъ часто бываетъ здѣсь, что поднявшійся вѣтеръ разламаетъ ледъ и унесетъ льдины въ открытый океанъ. Куда дѣваются эти несчастные, какъ и гдѣ погибаютъ, объ этомъ не бываетъ, конечно, ни слуху, ни духу. Ходятъ только разные повѣрья, да рассказы среди лопарей Терскаго берега, будто льдины эти отправляются далеко на сѣверъ, въ царство духа, бывшаго нѣкогда также лопаремъ и владѣющаго всей той окраиной у полюса. Духъ разспрашиваетъ его, что въ лопарской землѣ за это время случилось, а потомъ оставляетъ при себѣ навсегда, даетъ ему много оленей и всякаго богатства. По ихъ мнѣнію, и „сполохи“ (сѣверное сіяніе) происходятъ отъ тѣхъ огромныхъ костровъ изъ плавника, которые жгутъ на полюсѣ тѣ невольные изгнанники.

А „плавникъ“—это плавающій лѣсъ, вынесенный громадными рѣками сѣвера и прибываемый къ материку и островамъ Шпицбергена, Новой Земли, земли Франца Юсифа и др. Его находятъ даже у сѣверныхъ оконечностей Новой Земли.

Кромѣ рыбной ловли въ Бѣломъ морѣ, поморы массами отправляются на берегъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, на такъ-называемый „Мурманскій берегъ“, для ловли трески. Въ самомъ же Бѣломъ морѣ ловится въ нѣсколько значительномъ количествѣ только одна сельдь да семга.

Семгу ловятъ различными способами, но главнымъ образомъ „заборами“, которые устраиваютъ поперекъ рѣки близъ ея устья. Какъ извѣстно, семга, когда наступаетъ у ней пора метать икру, цѣлыми стаями передвигается вдоль морского берега, пока не достигнетъ устья какой-нибудь рѣки. Въ эту рѣку она тогда входитъ и передвигается противъ теченія на значительное разстоянiе отъ устья, не останавливаясь ни передъ какими препятствiями; даже пороги, которые почти всегда встрѣчаются близъ устья сѣверныхъ рѣкъ, не могутъ остановить этого движенiя, и черезъ нихъ она ухитряется перебраться, пользуясь своей силой и ловкостью. Семга не мечетъ икры въ морѣ: какъ самая икра, такъ и молодыя рыбки не были бы достаточно защищены отъ разныхъ враговъ и преимущественно морскихъ рачковъ-копщачковъ, какъ ихъ называютъ мѣстные жители. Метанiе икры происходитъ осевью. Передъ этимъ семга перемѣняетъ свой наружный видъ, такъ что трудно бываетъ признать ее за прежнюю рыбу: чешуя становится крѣпче и грубѣе; общiй цвѣтъ рыбы мѣняется и на ней показываются красныя крапины; на оконечности нижней челюсти вырастаетъ довольно толстый и направленный вверхъ длинный крючекъ, для привятiя котораго образуется у оконечности верхней челюсти ямка. Надо замѣтить, что крючекъ этотъ осо-

бенно великъ у самцовъ, но всегда бываетъ примѣтенъ и у самокъ. Сверхъ того рыба худѣетъ и тощаетъ, отчего голова ея кажется необыкновенно малой; характерный красно-желтый цвѣтъ семожьяго мяса исчезаетъ и замѣняется какимъ-то бѣлесоватымъ цвѣтомъ, притомъ оно становится дряблымъ и безвкуснымъ.

Пользуясь переходомъ семги изъ моря въ рѣки, жители и устраиваютъ „заборы“. Поперекъ всей рѣки дѣлаютъ перегородку изъ свай и кольевъ, къ которымъ прислоняютъ родъ плетня, черезъ который ни одна рыба не можетъ пройти. Заборы имѣютъ обыкновенно форму зигзага, во входящихъ углахъ котораго оставлены отверстія; въ нихъ вставляются „мережи“ (родъ сѣтяныхъ мѣшковъ съ деревяннымъ продыравленнымъ дномъ), куда рыба свободно можетъ войти, но выйти обратно не можетъ. Мережи эти осматриваютъ ежедневно. Такъ какъ семга очень бойка и, пока она въ водѣ, ее очень трудно захватить и вынуть изъ мережи, то онѣ устроены такъ, что могутъ быть поднимаемы изъ воды посредствомъ вѣрота, утвержденного сзади ихъ на сваяхъ. „Кротятъ“, т. е. убиваютъ, семгу большой деревянной колотушкой, которой ее бьютъ по головѣ до тѣхъ поръ, пока не покажется изъ головы кровь, послѣ чего рыба уже мертва. Это требуетъ большого навыка и ловкости, а то бываютъ случаи, что семга до того сильно взмахнетъ своимъ хвостомъ, что шибааетъ съ ногъ того рыбака, который влѣзаетъ въ вершу кротить добычу. Если рыбакъ молоткомъ попадетъ не прямо въ голову, а, напримѣръ, въ бокъ, то рыба еще сильнѣе начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, и убить ее становится еще труднѣе. Слу-

чается, что семгу вынимаютъ совершенно синею или покрытою множествомъ синихъ пятенъ, которыя она успѣваетъ надѣлать себѣ, вырываясь на свободу, объ деревянныя скрѣпы той же верши или тѣхъ же тайниковъ.

Понятно, что такого рода заборы, не дающіе возможности ни одной рыбѣ проникнуть въ верховья рѣки, гдѣ, однако, ей необходимо быть для метанія икры, сильно вредятъ рыбному промыслу и могутъ даже совершенно уничтожить всю семгу; вредъ этотъ нѣсколько ослабляется тѣмъ, что въ позднюю осень заборъ обыкновенно разбирается, изъ опасенія, что весенній ледъ все-равно снесетъ его въ море, и часть рыбы въ этотъ короткий срокъ успѣваетъ пробраться вверхъ по теченію. Только при оставленіи мѣстъ извѣстной ширины для прохода рыбы, заборы могутъ быть безвредными орудіями лова.

Другой предметъ, болѣе или менѣе значительнаго промысла, составляетъ сельдь, которая попадаетъ въ Бѣломъ морѣ только въ опредѣленныхъ мѣстахъ, больше всего въ Сорочкой губѣ, на сѣверо-западномъ берегу Онежскаго залива; затѣмъ она ловится еще въ Кандалякшской губѣ и у Соловецкихъ острововъ. Обыкновенно поздней осенью сельдь, которая лѣтомъ скрывалась въ болѣе глубокихъ мѣстахъ, приплываетъ къ берегамъ, чтобы въ мелкомъ мѣстѣ метать икру; послѣ чего вся стая вновь удаляется вглубь. Прежде такое періодическое появленіе объясняли переходами рыбы съ сѣвера; но нѣкоторая своеобразность сельдей, ловимыхъ въ Бѣломъ морѣ, вмѣстѣ съ разницей по величинѣ для рыбъ, водящихся въ разныхъ губахъ

его, заставляють скорѣй предположить, что сельди не временно только посѣщаютъ Бѣлое море, а живутъ въ немъ постоянно, и притомъ каждая порода его обитаетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ обыкновенное время онѣ скрываются на глубинѣ и выходятъ изъ нег только въ извѣстные сроки, преимущественно съ цѣлью метанія икры на мелкихъ мѣстахъ, у береговъ.

Какъ семга, такъ и сельдь только частью употребляются самими мѣстными жителями-промышленниками; большая же часть солится, коптится или вялится и въ такомъ видѣ продается, чтобы на вырученныя деньги расплатиться съ податями и закупить муку, соль и прочіе припасы по хозяйству.

Что касается порядка лова рыбы на Бѣломъ морѣ и распредѣленія улова между промышленниками, то здѣсь замѣчательно и ярко выступаетъ сходство съ обычаями, существующими у уральскихъ казаковъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, ловля рыбы составляетъ предметъ заботы цѣлаго общества, которое принимаетъ мѣры, чтобы рыбу не пугали и не беспокоили во время ея хода, распредѣляетъ мѣста для лова между различными артелями, а по окончаніи промысла заботится о возможно равномерномъ вознагражденіи всѣхъ артелей.

Какъ было ужь упомянуто, послѣ деревни Сороки особенно обильно встрѣчается сельдь въ Кандалакшѣ, гдѣ къ тому же она самая крупная изъ всѣхъ сельдей, вылавливаемыхъ въ Бѣломъ морѣ. Именно въ сосѣдней съ Кандалакшей части моря есть мѣста, извѣстныя своимъ обиліемъ сельдей. Ловъ въ такихъ мѣстахъ производится всѣмъ міромъ, и добытое общимъ трудомъ дѣлится по душамъ слѣдующимъ образомъ: пред-

варительно опредѣляютъ, сколько нужно работниковъ для производства лова, и рѣшаютъ, сколько душъ должны выставить одного работника. Если нужно, на-примѣръ, одного съ трехъ душъ, то дворъ, имѣющій 3 души, посылаетъ изъ числа ихъ одного работника, имѣющій 6 душъ выставляетъ двухъ и т. д. Если же въ домѣ только 2 души, то онъ присоединяется къ такому, въ которомъ 4, и оба выставляютъ двухъ работниковъ.

Но ловъ въ Кандалакшѣ представляетъ еще тотъ интересъ, что здѣсь не только мѣсто лова и трудъ общіе, но и капиталъ общій. Каждый работникъ долженъ принести съ собой необходимыя орудія лова и соль для соленія. Общій уловъ продается огульно; вырученныя же деньги раздѣляются по участвовавшимъ въ ловѣ дворамъ, сообразно съ числомъ, имѣющимся въ нихъ въ наличности, душъ. Затѣмъ, если какой дворъ имѣетъ средства, сверхъ участія въ мірскомъ ловѣ, ловить про себя отдѣльно, то это ему не возбраняется, но только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не значатся за міромъ, т. е. которыя отличаются бѣдностью рыбы. Но если гдѣ-либо изъ этихъ волгвыхъ мѣстъ ловъ окажется особенно выгоднымъ, то на слѣдующій годъ мѣсто это присоединяется къ общему мірскому участку, и открывшій богатое мѣсто лова никогда не протестуетъ противъ такого присоединенія, сознавая необходимость подчинить свою личность на служеніе общинѣ.

Нѣсколько разнится, хотя только въ мелочахъ, ловля рыбы въ Умбѣ. Здѣсь сельдей ловится уже меньше, нежели въ деревнѣ Кандалакшѣ. Жители четырехъ деревень: Умбы, Кузы, Оленицы и Сальницы собираются

на новый годъ въ Умбу и здѣсь раздѣляются на три части, называемыя четвертями. Кто-нибудь въ каждой четверти дѣлается ея предводителемъ, хотя неправильнымъ выборомъ, а какъ случится. Эти представители мечутъ жребій съ цѣлью опредѣлить, какой участокъ изъ принадлежащей волости части моря долженъ достаться каждой четверти. Въ слѣдующіе затѣмъ годы жребія уже не бросаютъ, а порядокъ, въ которомъ четверти пользуются участками, идетъ, какъ говорятъ здѣсь, „околицею“, т. е. поочередно. Каждая четверть дѣлится на 10 дружинъ, или артелей, по взаимному согласію. Такимъ образомъ составляется 30 дружинъ, или артелей. Артели каждой четверти опять мечутъ между собой жребій, указывающій, какой артели какая должна достаться тоня, т. е. мѣсто лова. Добычу дѣлятъ члены артели между собой поровну, не принимая совершенно въ расчетъ сравнительной силы и старанія каждаго. Если у какой дружины не хватитъ средствъ для заведенія неводоу или времени, то она продаетъ свою тоню тому, кому хочетъ, и вырученныя деньги опять дѣлятъ между своими членами поровну. Еще болѣе отличается отъ Кавдалакши по способу, по которому производится ловъ, деревня Кузомень на Терскомъ берегу; такъ какъ количество сельдей, вылавливаемыхъ здѣсь, до крайности незначительно, то ловъ ихъ не ограниченъ никакими условіями. Онъ —вольный: всякій ловитъ на себя. Но такъ какъ сельди попадаютъ только у самага устья рѣки Варзухи, близъ которой находится деревня Кузомень, то при этомъ соблюдается только одно условіе, именно, чтобы тотъ, кто первый пріѣхалъ на устье, первый бы и тянулъ неводъ. Когда

первый вытащить свой неводъ, тогда можетъ закидывать за нимъ прѣхавшій, начиная съ мѣста, гдѣ первый вытянулъ, и т. д. въ томъ же порядкѣ.

Въ деревнѣ Сороки выработались такіе же приемы рыбнаго лова, какъ и въ Кузомени. Сороцкая губа въ Онежскомъ заливѣ представляетъ такое обиліе рыбы, какъ нигдѣ въ Бѣломъ морѣ. Огромность массы сельдей, посѣщающихъ въ концѣ осени и въ началѣ зимы Сороцкую губу, позволяетъ жителямъ прибрежныхъ деревень: Сороки, Выгъ-Острова, Шижни и Сухого-Паволока, а также кореламъ, прѣзжающимъ сюда на время лова изъ деревень, лежащихъ далѣе отъ моря въглубь страны, брать изъ предлагаемаго моремъ богатства столько, сколько позволяютъ силы; поэтому каждое семейство ловить на себя. Вначалѣ, когда губа еще не покрыта льдомъ, ловъ производится съ карбасовъ. Для этого лова карбасы небольшой артелью выѣзжаютъ въ море попарно, сцѣпившись между собою носами посредствомъ петель. Въ каждомъ карбасѣ по неводу, крылья котораго обыкновенно имѣютъ 8 саж. въ длину, и по три человѣка, изъ которыхъ одинъ, на носу, нащупываетъ шестомъ стаи сельдей, другой гребеть, третій править. Когда нащупаютъ сельдей, карбасы расцѣпляются и начинаютъ выметывать одинъ изъ неводовъ. Веревку отъ одного конца невода оставляютъ у себя, а отъ другого передаютъ на другой карбасъ. Затѣмъ они разъѣзжаются до тѣхъ поръ, пока неводъ не вытянется въ прямую линію; потомъ, гребя усиленно веслами, тянутъ его, заматываютъ мотню, оставляютъ ее до времени въ водѣ, закидываютъ второй неводъ; съ нимъ поступаютъ точно такъ же, и за-

тѣмъ уже вытаскиваютъ оба невода на берегъ или выгружаютъ въ карбасы. При всемъ этомъ не соблюдается никакого порядка: путаются неводами, начинаютъ драку за мѣста; весла, рукавицы, шапки, — все плаваетъ на водѣ, потому что отъ торопливости некогда подобрать: всякому хочется побольше наловить и у всякаго отъ жадности глаза разгораются.

Версть 19 выше устья рѣки Варзухи, именно въ деревнѣ того же наименованія, вылавливается наибольшее количество семги, и ловъ этотъ производится всей общиною. Всѣ домохозяева собираются на новый годъ обыкновенно въ Варзуху для продажи съ аукціона мѣстъ, гдѣ ловится семга. Всѣ 1000 приблизительно человѣкъ, которые принадлежатъ къ этой общинѣ, раздѣлены на пять частей, называемыхъ ярлыками. Это раздѣленіе на ярлыки сдѣлано собственно во избѣжаніе неразлучныхъ съ продажею шума и сумятицы. Каждый ярлыкъ собирается въ особой избѣ. Здѣсь интересно то, что каждый ярлыкъ имѣетъ свою долю въ каждомъ участкѣ, такъ что одинъ и тотъ же покупатель можетъ купить какой-нибудь участокъ у всѣхъ пяти ярлыковъ и въ такомъ случаѣ пользуется всѣми ловами у этого забора безраздѣльно. Если же онъ купитъ его только у одного или у нѣкоторыхъ, а не у всѣхъ ярлыковъ, и тогда будетъ владѣть ловомъ со-обща съ другими, купившими у остальныхъ ярлыковъ. Деньги за проданные участки каждый ярлыкъ получаетъ отдѣльно и дѣлитъ ихъ поровну по душамъ. Выловленную семгу покупаютъ скупщики, наѣзжающіе сюда изъ Архангельска въ главное время лова, свѣ-

жею или соленою; прѣзжіе скупщики, съ вѣсами за плечами, обходятъ все побережье, гдѣ производится ловъ.

Въ Умбѣ, немного выше порога, ежегодно устраивается заборъ для ловли семги. Къ этой работѣ приступаютъ при началѣ спаденія воды, т. е. около 15-го іюня. Раздѣлившись на группы по пяти душъ, каждый пятокъ выставляетъ одного работника; эти работники городятъ заборъ бесплатно изъ общественнаго лѣса. Ко времени лова общество отдаетъ свой заборъ, какъ бы на аренду, одному изъ мѣстныхъ богачей, который рядится только о цѣнѣ семги, т. е. ставитъ условіе, по чемъ ему платить за каждый пудъ семги, пойманной у забора. Онъ вноситъ за всѣхъ жителей, приписанныхъ къ Умбѣ, подати впередъ за будущее полугодіе, и вотъ отъ этой нужды въ деньгахъ для уплаты податей весь міръ становится въ полную зависимость отъ богача. Весь ловъ производятъ работники общины, а попушникъ лова только солить семгу. Въ случаѣ семги, по условленной цѣнѣ, не хватитъ на покрытіе податей, то каждый приплачиваетъ арендатору, по скольку придется съ души. Уговорная цѣна на семгу мѣняется отъ 1 р.—2 р. 50 к. Такъ какъ дѣйствительная цѣна семги гораздо больше, то, очевидно, арендаторъ всегда долженъ оставаться въ значительныхъ барышахъ. Далѣе, ничѣмъ въ своемъ предпріятіи не рискуя, онъ беретъ за свою ссуду большею частью огромные проценты и, наконецъ, всѣ издержки лова падаютъ не на него, а на должниковъ его, владѣльцевъ рѣки и матеріала для устройства забора, которые, такимъ образомъ, несмотря на тяжелый трудъ, затрачиваемый на ловъ рыбы, пользуются нич-

чтожнѣйшей частью дохода. И такіе порядки существуютъ на всѣхъ сѣможныхъ промыслахъ въ Умбѣ и городѣ Онегѣ.

Общинный трудъ проявляется и въ другомъ промыслѣ Бѣлаго моря—въ ловлѣ морского звѣря, а именно лысуновъ изъ породы тюленей. Въ теченіе всего лѣта лысуны скрываются въ глубинѣ полярныхъ морей, по сосѣдству Новой Земли. Осенью же, съ октября мѣсяца, они начинаютъ цѣлыми стаями итти въ море, гдѣ они рождаютъ дѣтей и выкармливаютъ ихъ грудью. Зимой, къ началу февраля, они собираются въ Двинскій заливъ, гдѣ рождаютъ дѣтей на льдинахъ. Новорожденные звѣри въ воду не ходятъ, шерсть на нихъ мягка и пушиста, сначала имѣетъ желтый цвѣтъ, но послѣ первой недѣли мѣхъ ихъ дѣлается чистымъ, бѣлымъ и въ это время цѣнится очень дорого.

Ловля лысуновъ производится, во-первыхъ, въ Онежскомъ заливѣ. Здѣсь ихъ стрѣляютъ изъ винтовокъ на водѣ или на льдинахъ, почему и промыселъ называется „стрѣльной“. Но главнымъ образомъ промыселъ этотъ сосредоточивается на зимнемъ берегу (т. е. восточномъ) и въ Мезенскомъ заливѣ. На первомъ, т. е. восточномъ берегу, ловцы соединяются въ небольшіи артели, приставая къ какому-нибудь зажиточному крестьянину изъ прибрежныхъ деревень. Каждый изъ хозяевъ имѣетъ собственно ему принадлежащую избушку и одну или нѣсколько лодокъ. Такія артели дѣйствуютъ самостоятельно и независимо одна отъ другой, и каждый хозяинъ поступаетъ по своему усмотрѣнію. Стадо лысуновъ выглядываютъ съ берега, а также, если ледяной припай великъ, то отправляютъ неболь-

шія партія развѣдывать, въ какой сторонѣ есть звѣрь. Увидѣвъ, гдѣ лежитъ звѣрь, каждая артель отправляется на свой промыселъ. При этомъ всегда тянутъ за собой свои лодки, хотя бы пришлось и далеко итти по сплошному льду, потому что его можетъ сломать вѣтромъ и волненіемъ воды. Лодки эти устроены нѣсколько особеннымъ образомъ и приспособлены къ тому, чтобы ихъ удобно было тянуть по льду; для чего ко дву лодки, параллельно килю, съ каждой стороны придѣлавы полозья, такъ что лодка есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сани. Когда нападуть на звѣря, то бѣльковъ бьютъ палками съ желѣзнымъ крючкомъ на концѣ, большихъ же звѣрей стрѣляютъ изъ винтовокъ. Чтобы удобнѣе подкрасться къ звѣрю, надѣваютъ сверхъ платья бѣлые совики или бѣлыя холщевыя рубашки, а на голову—особаго покроя колпаки, называемые „*кукольками*“, такъ что лысунъ съ трудомъ отличаетъ человѣка отъ бѣлой поверхности снѣга. Набивъ, сколько можно, звѣря, его тутъ же на льду свѣжуютъ, т. е. снимаютъ кожу вмѣстѣ съ жиромъ, ножами, которые каждый имѣетъ на поясѣ, свертываютъ въ тюки, называемые *юрками*, и волокутъ за собой, стараясь какъ можно скорѣе вернуться на берегъ. Когда приходится плыть въ лодкѣ, то юрки привязываютъ за лодкою, чтобы не нагружать ея и чтобы жиръ, оставаясь въ холодной водѣ, не вытекалъ. Иногда, когда ледъ отнесло далеко отъ береговъ, пускаются за звѣрями наудачу въ лодкахъ безъ предварительной развѣдки. При этомъ часто уносить лодки вмѣстѣ со льдами, въ которые они стараются попастьъ, такъ какъ въ открытомъ морѣ на маленькихъ лодкахъ держаться не-

возможно. Такъ въ 1859 году унесло съ зимняго берега около 50 лодокъ и изъ нихъ только 20 лодокъ случайно спаслись, а остальные 30 пропали безъ вѣсти и, должно-быть, погибли съ голода, ибо провизіи берется съ собою немного.

Все, что лодка добудетъ въ этомъ промыслѣ, то и дѣлится между ея хозяиномъ и работниками совершенно независимо отъ прочихъ. Каждый работникъ, если онъ на своихъ харчахъ, получаетъ такой же пай, какъ и хозяинъ, который получаетъ, сверхъ того, еще одинъ пай на лодку. Но это бываетъ рѣдко; обыкновенно же идутъ работники изъ „покрута“, т. е. получаютъ отъ него провизію на все время промысловъ, верхнюю одежду: совикъ, бокилы (длинные кожаные сапоги), рукавицы и одѣяло; а взамѣнъ этого отдають ему извѣстную долю съ пая, который долженъ на нихъ прійтись, $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ и даже $\frac{3}{4}$ пая.

Иначе происходитъ ловъ и дѣлежъ добычи въ Меженскомъ заливѣ, гдѣ онъ называется „устынскимъ промысломъ“. Въ прежнія времена всѣ, желавшіе участвовать въ этомъ промыслѣ, составляли одну огромную артель, называвшуюся бурсою, и собиравались къ опредѣленному дню въ назначенный сборный пунктъ на берегу моря. Отслуживъ молебень въ построенной здѣсь часовнѣ, они отправляли передовыхъ въ море на поиски. По возвращеніи посланныхъ, всѣ лодки шли вмѣстѣ въ указанную ими сторону. Теперь, вмѣсто того, чтобы составлять одну большую артель, промышленники раздѣлились на три бурсы по тремъ приморскимъ деревнямъ, къ которымъ принадлежатъ хозяева лодокъ. Такое раздѣленіе повлекло за собой массу вредныхъ

послѣдствій, въ видѣ намѣреннаго спугиванія звѣря, всевозможныхъ обмановъ, съ цѣлью притти раньше на мѣсто лова и пр. и пр. Понятно, къ какимъ безконечнымъ смутамъ и неурядицамъ ведетъ такой порядокъ вещей.

Промышленники на лодкахъ отправляются въ открытое море и уже надолго, съ цѣлью прожить тамъ сколько можно будетъ промышлять. Доплывъ до льда, вытаскиваютъ на него лодки и располагаются какъ можно удобнѣе. вмѣсто неудобнаго и опаснаго способа разгруженія лодокъ, который практиковался въ недавнее время, теперь придумали гораздо лучшій и безопаснѣйшій. Изъ лодокъ ничего не выгружаютъ, но протягиваютъ съ кормы на носъ веревку, упираютъ въ нее и въ бортѣ четыре палочки въ видѣ строилъ и натягиваютъ на нихъ, какъ на крышу или палатку, парусъ, называемый буйною. Во время такихъ стоянокъ на льду варятъ себѣ пищу, разводя огонь въ такъ-называемыхъ печкахъ, т. е. просто на желѣзныхъ листахъ, которыми запасается каждая лодка. Воду таятъ изъ снѣга. Огонь разводятъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда знаютъ, что вблизи за вѣтромъ ибѣтъ звѣря, потому что онъ, за 10 или даже за 20 верстъ почуявъ запахъ дыма, непременно уйдетъ въ море. Вообще лысуны, какъ въ большей или меньшей степени и всѣ породы тюленей, имѣютъ чрезвычайно острое обоняніе и изъ всѣхъ своихъ чувствъ только ему одному вполне довѣряютъ. Если они видятъ человека, слышатъ голоса или даже стрѣльбу, то не уйдутъ, а все будутъ лежать на льду или выныривать изъ воды, стараясь подойти подъ вѣтеръ отъ того

предмета, который кажется подозрительнымъ, и перхватить его духъ; послѣ чего скрываются окончательно.

Расположившись на льду, хозяева отправляютъ по одному человѣку съ двухъ или съ трехъ лодокъ на развѣдку звѣря, что называется итти „въ хозъ“. Въ хозъ выбираютъ всегда самыхъ ловкихъ и проворныхъ молодыхъ людей, потому что путешествіе это по льду бываетъ очень затруднительно и опасно. Между льдинами случаются разсѣлины, чрезъ которыя надо перебираться—или перепрыгивая со льдины на льдину, или перебѣгая на лыжахъ по мелкимъ осколкамъ льда, „шут“, которая, какъ густая каша, наполняетъ эти промежутки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ только быстрота спасаетъ смѣльчаковъ; малѣйшая же запинка стоить нерѣдко жизни. Развѣдчики расходятся партіями по 3 и 4 человѣка въ различныя стороны. Если они и не нападутъ на звѣря, то все-таки возвращаются къ опредѣленному сроку. Та партія, которой посчастливится примѣтить звѣриное стадо, возвращается не медленно, не давъ ему почуять своего запаха. Тогда хозяева опредѣляютъ, кому итти на бой: имъ ли однимъ, или взять съ собой помощниковъ, которымъ въ этомъ случаѣ раздаютъ запасныя ружья. Когда мѣсто, на которомъ находятся звѣри, очень близко къ берегу и ихъ много, то ихъ даже бьютъ палками, но обыкновенно ихъ стрѣляютъ, и то по большей части одни хозяева. Для стрѣльбы подползаютъ, по возможности, близко къ звѣрямъ съ подвѣтренной стороны, чтобы всякій выстрѣлъ убивалъ, а не ранилъ только; потому что, увидѣвъ своего товарища раненымъ, а не убитымъ, и услышавъ его ревъ, звѣри не-

премѣнно уйдуть въ воду. Выстрѣла же они не боятся, принимая его, вѣроятно, за трескъ льда. Набивъ, сколько можно звѣря, его свѣзжуютъ и тянутъ за собой въ *юркахъ*.

Что касается дѣлежа добычи, то, такъ какъ здѣсь трудъ общинный, распределеніе его равномернѣе и справедливѣе. Здѣсь добычу дѣлятъ цѣлан бурса на равныя доли, смотря по числу участниковъ и полагая также лишній пай на каждую лодку.

Кромѣ лысуновъ, изъ породы тюленей въ Бѣломъ морѣ водится въ значительномъ количествѣ другой морской звѣрь — *блуга*, который также служитъ предметомъ промысла. Блуга есть млекопитающее изъ породы дельфиновъ. Русское названіе ея происходитъ отъ чистаго бѣлаго цвѣта кожи взрослыхъ звѣрей. Это животное постоянно обитаетъ въ Бѣломъ морѣ, а не прикочевываетъ, какъ лысунъ, только на зиму, и собирается стаями штукъ до 50 и 100. Блуги питаются рыбою, гоняются за нею по морю и въ своемъ преслѣдованіи—далеко въ рѣки. Случалось видѣть стаи блугъ въ Двинѣ, гораздо выше Архангельска. Всегда онѣ бывають очень трусливы и малѣйшаго шума, даже хлопанья вселъ о воду, достаточно, чтобы спугнуть и заставить уйти въ открытое море цѣлую стаю; почему блужій промыселъ бываетъ очень затруднителенъ. Обыкновенный способъ лова ихъ—обметными неводами, который производится слѣдующимъ образомъ. Промышленники имѣють становище—нѣсколько избышекъ близъ тѣхъ мѣстностей, которыя издавна славятся блугами. Отсюда промышленникъ непрерывно слѣдитъ за ходомъ блугъ, такъ какъ ее можно ловить только

тогда, когда она зайдетъ въ благопріятную мѣстность. Существенное условіе этихъ мѣстъ состоитъ въ томъ, чтобы острова и мысы ограждали со всѣхъ сторонъ отмелый участокъ моря. Стаю окружаютъ со всѣхъ сторонъ сѣтями, имѣющими въ глубину не менѣе 6 саж.; иначе стая бѣлугъ могла бы ускользнуть, пустившись на дно. Хотя животныя и не очень велики, не болѣе 4 саж., но бѣлый цвѣтъ, особенно при солнечномъ свѣтѣ, дѣлаетъ ихъ очень замѣтными на темномъ фонѣ моря. Въ благопріятный моментъ бѣлужники живо бросаются въ лодки и плывутъ въ ту сторону, гдѣ показался звѣрь, часто за 10 и болѣе верстъ. Сначала лодки плывутъ безъ всякаго порядка, смотря по вѣтру: или на парусахъ или на веслахъ. Легкій попутный вѣтеръ позволяетъ безъ малѣйшаго шума приблизиться къ стаѣ бѣлугъ; а если его нѣтъ, то приходится принимать всевозможныя предосторожности, въ видѣ намачиванія уключинъ, обвертыванія весель тряпками и пр. Съ приближеніемъ къ стаѣ, карбасы начинаютъ выстраивать такимъ образомъ, чтобы удалось обметать бѣлугъ, подѣвзая къ нимъ на веслахъ, и образуютъ полукругъ, охватывающій все стадо. При этомъ два карбаса, на которыхъ всегда бывають самые опытные промышленники, ѣдутъ впередъ и управляютъ ходомъ всѣхъ остальныхъ карбасовъ, показывая знаками, какого направленія они должны держаться, чтобы полукругъ былъ обращенъ отверстіемъ къ бѣлугамъ. Теперь передовые карбасы, а за ними и остальные начинаютъ мало-по-малу заѣзжать бѣлугамъ въ тылъ; когда все стадо такимъ образомъ будетъ окружено, то начинаютъ выбрасывать

неводъ. Онъ очень длинный и не цѣльный, а составленъ изъ кусковъ, которые разбираются, и каждый карбасъ имѣеть отдѣльный кусокъ, которые послѣ того, какъ выкинуть въ воду, стараются, по возможности, скорѣе соединить, связывая концы другъ съ другомъ. Тогда стадо поймано, и остается только приступить къ бою. Для этого всѣ лодки входятъ въ кругъ, образуемый неводомъ, и начинаютъ бросать въ звѣря кутило. Оно есть родъ остроги, оканчивающейся сзади желѣзной трубкой, въ которую слабо вставлено короткое деревцо; къ самой же трубкѣ прикрѣплена веревка. Когда бросаютъ кутило въ бѣлугу, оно пронзаетъ ее, деревцо выпадаетъ, но животное остается на веревкѣ, за которую то притягиваютъ его, то отпускаютъ, чтобъ утомить его и, уловивъ минуту, убиваютъ пешнею, стараясь попасть въ дыхало. Кутило употребляется собственно для того, чтобы не потерять бѣлугу, которая тонетъ, если только не чрезвычайно жирна. Промыселъ этотъ, какъ очень невѣрный, все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ.

Кромѣ лысуновъ и бѣлуги, водящихся стадами на Бѣломъ морѣ, попадаются еще три породы морского звѣря, которые, однако, живутъ не стадами, а ходятъ въ одиночку. Это—*неръпа*, *тевякъ* и *морской заяцъ*. Всѣ эти звѣри изъ породы тюленей и изъ нихъ самый обыкновенный на Бѣломъ морѣ—*неръпа*, или обыкновенный тюлень, который встрѣчается и въ прѣсныхъ водахъ, въ Онежскомъ и Ладожскомъ озерѣ.

Такъ такъ эти звѣри живутъ не большими группами, какъ лысунъ и бѣлуга, а бродятъ поодиночкѣ, то, понятно, и ловля ихъ производится каждымъ промыш-

ленникомъ въ одиночку: каждый снаряжается, какъ знаетъ, и идетъ въ ту сторону, которая покажется ему наиболѣе удобною. Вслѣдствіе такого характера промысла, онъ несравненно тяжелѣе, утомительнѣе и опаснѣе, чѣмъ промыселъ, производимый цѣлой артелью. На этотъ промыселъ являются и самоѣды, которые прикочевываютъ съ своими оленями къ берегу Канинскаго полуострова. Здѣсь флегматичный и одаренный неограниченнымъ терпѣніемъ самоѣдъ иногда по цѣлымъ днямъ покачивается на своемъ карбасѣ, ожидая звѣря. Какъ только нерьпа, шевлякъ или морской заяцъ вынырнуть изъ воды и покажутъ надъ ея поверхностью свою голову, съ цѣлью подышать воздухомъ, мгновенно раздастся выстрѣлъ самоѣда, всегда убивающій животное наповалъ, такъ какъ самоѣдъ отличный стрѣлокъ. Русскій промышленникъ не способенъ высиживать по цѣлымъ часамъ на карбасѣ; ему нужна дѣятельность, гдѣ бы онъ могъ проявить свою удалъ. Онъ прямо пускается на розыски звѣря среди льдинъ и прорубей, сдѣланныхъ природою. Прибывши къ припаямъ, ледянымъ поясомъ охватывающихъ берега материка, промышленникъ становится очень осторожнымъ, чтобъ не спугнуть боязливаго звѣря. Замѣтивши нерьпу, онъ надѣваетъ черный совикъ, на голову бѣлую шапку и съ ружьемъ за спиной потихоньку приближается къ звѣрю, держа передъ собою доску, куда вбиты съ одной стороны деревянные гвозди, и вся эта сторона обсыпана снѣгомъ. Скрывшись за такой доской, которую нерьпа принимаетъ за стамуху, т. е. за льдину, промышленникъ можетъ приблизиться настолько близко къ звѣрю, чтобы изъ

ружья убить его обыкновенно наповаль. Всѣ вышеупомянутые промыслы, которые производятся исключительно въ Бѣломъ морѣ, не были бы, однако, въ состояніи прокормить все населеніе Поморья, и жителямъ пришлось бы плохо, если бы на помощь къ нимъ не пришли неисчерпаемые запасы трески на Мурманскомъ берегу. Какъ мы уже видѣли, треска попадаетъ хоть въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ только въ Кандалакшской губѣ, да и тамъ ея немного. Ея настоящее мѣстожительство — это открытый Ледовитый океанъ, въ большихъ глубинахъ котораго она водится въ непомѣрномъ количествѣ. Но ловъ трески, на далекомъ разстояніи отъ береговъ, на большихъ глубинахъ, былъ бы весьма затруднителенъ, если не совершенно невозможенъ, и природа оказала сѣверному жителю, какъ помору, такъ и норвежцу, великую услугу, надѣливши эту рыбу особымъ инстинктомъ, который побуждаетъ ее, въ извѣстное время, именно въ пору метанія икры, выходить изъ значительныхъ глубинъ и огромными стаями приближаться къ берегу; здѣсь треска мечетъ икру и затѣмъ вновь удаляется въ глубь океана.

Треска, можно сказать, составляетъ почти единственную цѣль здѣшняго лова, къ которому и приноравлены употребляемая рыболовныя орудія, а прочія рыбы попадаютъ какъ бы случайно, между трескою. Рыба эта, по крайней мѣрѣ взрослая, живетъ на большой глубинѣ даже и тогда, когда приближается къ берегу для метанія икры; поэтому ловцы должны выѣзжать на глубину отъ 40—60 саж., и чѣмъ глубже, тѣмъ крупнѣе рыба. Быстрое увеличеніе глубины отъ берега, почти

вдоль всего Лапландскаго побережья, составляет поэтому весьма счастливое обстоятельство, ибо, чѣмъ ближе отъ берега глубина, на которой дѣлается выгоднымъ выбрасываніе снасти, тѣмъ менѣе теряется времени на поѣздку и меньшей опасности подвергаются промышленники при наступающихъ буряхъ. Обширность, можно даже прибавить и безграничность пространства, на которомъ живетъ треска, самая мѣста метанія ею икры — все это обусловливаетъ безграничный ея ловъ на вѣчныя времена. Къ этому, наконецъ, надо присоединить еще необыкновенное множество заключающихся въ трескѣ икрынокъ, чѣмъ она едва ли не превосходитъ всѣхъ остальныхъ рыбъ. Уже въ февралѣ и даже въ концѣ января начинается появляться треска близъ береговъ для метанія икры. Она появляется несмѣтными, густо сплоченными стаями, которыя въ Норвегіи занимаютъ нѣсколько аршинъ высоты на пространствѣ $\frac{1}{3}$ мили и болѣе. Поэтому промышленники должны отиравляться рано изъ своихъ поморскихъ деревень, чтобы во-время поспѣть на ловъ, который обыкновенно начинается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Еще съ осени или въ началѣ зимы начинаютъ поморы рядиться съ хозяевами. Порядившись, забвращаютъ порядочную сумму въ задатокъ, необходимую имъ, какъ для разныхъ поправокъ въ домъ, такъ и для содержанія себя и своихъ семействъ. Каждый хозяинъ держится на Мурманскомъ берегу своего становища, т. е. мѣста лова, и направляетъ туда свой народъ. Въ началѣ и въ половинѣ марта пускаются нанявшіеся промышленники въ путь.

Промышленники нанимаются не за задѣльную плату,

а изъ покрута, т. е. за извѣстную долю рыбы. Основаніемъ всего поморскаго лова служить „*промысловая артель*“, каждый членъ которой получаетъ опредѣленную долю изъ общаго улова — пай; при чемъ доля хозяина артели гораздо значительнѣе прочихъ. Впрочемъ, у колянъ, которые постоянно живутъ на берегу моря, работники получаютъ, собственно говоря, задѣльную плату отъ своихъ хозяевъ.

Итакъ ранней весной отправляются промышленники изъ разныхъ прибрежныхъ деревень Бѣлаго моря на далекій и трудный Мурманскій промыселъ. До деревни Кандалакши ихъ кое-гдѣ и подвезутъ съ мѣста до мѣста, но большею частью они идутъ пѣшкомъ, таща за собою небольшія „*корезки*“, или саночки, съ одеждою и провизіей на дорогу. Многіе запрягаютъ въ эти корезки собакъ, которыя потомъ все лѣто остаются при своихъ хозяевахъ въ становищахъ, питааясь обильными остатками рыбы.

Труденъ бываетъ этотъ путь по снѣгамъ и морозамъ, будучи лишенъ на большихъ протяженіяхъ малѣйшаго становища, такъ какъ деревни отстоятъ другъ отъ друга на значительное разстояніе. Но зато, какая радость, когда имъ издали покажется дымокъ, указывающій на близость жилья! Въ каждомъ выселкѣ, избѣ и становищѣ промышленникъ найдетъ искренній привѣтъ, добрую помощь и обильную пищу, не платя за это ни гроша.

Такимъ образомъ добираются промышленники до Кандалакши—деревни, лежащей въ самомъ углу Кандалакшской губы. Въ Бѣломъ морѣ это самая глубокая часть его, представляющая собой большую котло-

вину, глубиной около 200 саж. Берега Кандалакшской губы высоки, скалисты и обрывисты. Сама Кандалакша расположена среди гористой и довольно живописной мѣстности. Она лежитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Нивы; со всѣхъ сторонъ ее обступили высокія конусообразныя горы. Дойдя до Кандалакши, промышленники отдыхаютъ обыкновенно нѣсколько дней и, чтобы вознаграждать себя за весь трудъ и лишения, весело проводятъ время, гуляя и кутя, кто какъ можетъ. Съ Кандалакши еще труднѣе переходъ отъ этой деревни до Ледовитаго океана. Этотъ переходъ зимою по пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ негдѣ обогрѣться, очень затруднителенъ, особенно для мальчиковъ, которые зовутся „зуйками“ и всегда сопровождаютъ артель, чтобы научиться и привыкнуть къ промыслу и кое-что зарабатывать.

Съ Колы или съ Разъ-Наволока поступаютъ покрутчики уже на содержаніе хозяевъ. Изъ Разъ-Наволока ѣдутъ они въ свои становища болѣе ста верстъ на оленяхъ черезъ совершенно пустынную тундру, а изъ Колы—на шнякахъ. Иногда на пути попадаются цѣлыя ледяныя поля и приходится перетаскивать шняки на себѣ съ помощью полозьевъ, придѣланныхъ параллельно килю.

Наконецъ, послѣ неисчислимыхъ мытарствъ и трудовъ, промышленники приходятъ къ тѣмъ мѣстамъ на Мурманскомъ берегу, которыя называются становищами и на которыхъ постоянно, изъ-года-въ-годъ, производится рыбный промыселъ. Тѣ, которые послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудностей пути вдругъ предаются от-

дыху, нерѣдко впадаютъ въ цыngu и отъ нея погибаетъ много народа.

Становища, разсѣянные по всему Лапландскому берегу, начиная отъ Святого Носа до самой норвежской границы, суть губы обыкновенно при впаденіи рѣки. Они бываютъ двухъ родовъ: одни съ избами для жилья и амбарами для храненія рыбы—такъ-называемыя вешнія становища, въ которыя собираются промышленники изъ Колы и изъ Разъ-Наволока послѣ ихъ утомительнаго сухопутнаго путешествія. Это своего рода деревни и иногда очень большія и многолюдныя, но только во время промысловъ; послѣ промысловъ всѣ сѣти и рыболовныя принадлежности запираются въ амбары, двери избъ заколачиваются и хозяева возвращаются домой, оставляя все становище подъ охрану какого-нибудь несчастнаго лопаря. Лопарь, вооруженный ружьемъ, долженъ всю зиму отстаивать ввѣренное ему добро и отъ бѣлыхъ медвѣдей и отъ двуногихъ разбойниковъ - норвежцевъ, рыскающихъ послѣ отъѣзда поморъ вдоль Мурманскаго берега. И дѣйствительно, честность и неустрашимость лопаря въ этомъ случаѣ пріобрѣла громкую славу во всемъ сѣверномъ краѣ.

Кромѣ этихъ становищъ съ избами и амбарами, есть еще цѣлый рядъ становищъ, не имѣющихъ никакихъ строеній, и въ нихъ только для лѣтняго лова собираются или промышленники, приплывающіе вмѣстѣ съ хозяевами на ладьяхъ уже лѣтомъ, или приходящіе временно изъ вешнихъ становищъ.

Большія становища, какъ напр.: Семиостровское, Гаврилово и Тираберка, представляютъ видъ деревень, только чрезвычайно неправильно построенныхъ и раз-

бросанныхъ. Строенія эти состоятъ изъ жилыхъ избъ, амбаровъ для храненія снасти и соленія рыбы и бань. Въ нихъ также есть и часовни. Между этими строеніями столь же неправильно разбросаны костры сушеной рыбы и кучи тресковыхъ головъ и вмазаны котлы, въ которыхъ топятъ жиръ. Избы представляютъ здѣсь очень печальное зрѣлище: на пространствѣ двухъ квадратныхъ сажень живетъ иногда до 20 человѣкъ. Не удивительно, что при подобной тѣснотѣ немислимы мало-мальски сносныя гигиеническія условія, и вотъ причина того факта, что тифъ и цынга иногда охватываютъ собою цѣлое становище.

Въ первое время по приходѣ на становища разгребаютъ снѣгъ у избъ и амбаровъ, поправляютъ снасти, чинятъ шняки и, наконецъ, начинается ловъ. Единственное орудіе, употребляемое на Мурманскомъ берегу для ловли трески и прочихъ рыбъ, есть „ярусъ“, т. е. длинный рядъ связанныхъ между собою веревокъ, къ которымъ прикрѣплены на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга тонкія веревочки (арастеги), имѣющія на концѣ стальные крюки, наживленные мойвой, песчанкой или морскимъ червемъ. Къ обоимъ концамъ и къ срединѣ яруса привязываютъ по якорю, которые должны удерживать его вблизи морского дна. Къ якорямъ привязаны веревки, длина которыхъ должна равняться глубинѣ моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ выкидывается ярусъ, и къ концу ихъ, выходящему на поверхность воды, прикрѣпляютъ значки, по которымъ можно было бы отыскать мѣсто, гдѣ ярусъ лежитъ на днѣ. Значки эти состоятъ изъ деревянной чурки—„кубаса“, въ которую вдѣлана довольно длинная палка, оканчиваю-

шаяся маховкой, т. е. мочальнымъ пучкомъ или чѣмъ-либо подобнымъ. Палка вмѣстѣ съ маховкой называется „*пафура*“. Такъ какъ у кубаса нѣтъ никакого грузила, которое заставляло бы вбитую въ него пафуру держаться вертикально, то при совершенно гладкой поверхности моря пафура лежитъ на глади и, слѣдовательно, не достигаетъ своей цѣли. Только при волненіи она постоянно качается и приближается къ вертикальному положенію. Длина всего яруса бываетъ верстѣ до шести и даже до сяти. Отдѣльныя веревки, изъ которыхъ онъ связанъ, называются стоянками или стеклинами. Стоянка бываетъ отъ 40—50 сажень длиною, а толщина—съ мизинецъ; аростеги бываютъ обыкновенно 4—5 четвертей длины: чѣмъ тоньше, тѣмъ лучше.

На ловъ выѣзжаютъ въ особеннаго рода длинныхъ лодкахъ, называемыхъ шняками. Все внутреннее устройство ихъ хорошо приспособлено къ помѣщенію рыболовной снасти и рыбы. Вся шняка отъ кормы до носа раздѣлена досчатыми перегородками на нѣсколько отдѣловъ. Задняя часть—корма покрыта на нѣкоторомъ пространствѣ досками и кусками смоленой парусины. Это—каюта кормщика, въ которой онъ спитъ и укрывается отъ непогоды, когда, выметавъ ярусъ, ожидаютъ въ морѣ времени его вытягиванія. За каютою слѣдуетъ узкій отдѣлъ для младшаго изъ 4-хъ человѣкъ, составляющихъ экипажъ шняки, такъ-называемаго наживодчика, который надѣваетъ наживки на крючки. За этимъ слѣдуетъ еще 3—4 отдѣленія, куда отчасти складываютъ пойманную рыбу, отчасти вытащенный ярусъ.

Но все-таки шняки далеко нельзя назвать хорошими

морскими судами: онѣ и медленны на ходу и тяжелы на веслахъ, а, главное, очень плохо выдерживаютъ волненіе океана, что при необыкновенной смѣлости теперешнихъ промышленниковъ, которые, глазомъ не моргнувъ, ѣздятъ верстъ за 30 и болѣе, очень часто приводитъ къ плачевнымъ результатамъ, въ видѣ гибели нѣсколькихъ шнякъ. Едва ли какая мѣра могла бы принести столько пользы нашимъ промышленникамъ, какъ замѣна ихъ шнякъ превосходными норвежскими „ѣлами“. На этихъ ѣлахъ поморы могли бы гораздо далѣе выходить въ море и пользоваться обильными уловами въ совершенно неурочное время.

Самый ловъ производится такъ. Сначала отправляются за наживкой: песчанкой и мойвой. Это дѣлается обыкновенно къ вечеру, а ночью уже отправляются на ловъ, возвращаются въ теченіе дня съ пойманной рыбой, а вечеромъ опять ѣдутъ за наживкой. Слѣдовательно здѣсь ловъ трески производится безостановочно каждый день, за исключеніемъ праздниковъ, такъ что по субботамъ и наканунѣ праздниковъ песчанки не ловятъ. Но въ другихъ становищахъ, напр. у Семи-острововъ, гдѣ нужно ѣздить за песчанкою верстъ за 10, отправляются за нею къ ночи и весь день проводятъ въ ловлѣ наживки, такъ что ловъ самой трески могутъ производить только черезъ день. Тамъ же, гдѣ не имѣется вовсе песчанки, выкапываютъ во время отлива большихъ червей, которые также служатъ недурной наживкою. Время отправленія шняки съ ярусомъ для его выметыванія принаравливаютъ такъ, чтобы выметывать ярусъ при самомъ низшемъ стояніи воды въ морѣ или, по здѣшнему, въ „хуйтуну“. Прибывъ

на мѣсто, которое кормщикъ считаетъ удобнымъ для выметки яруса, выбрасываютъ сначала кубасъ, затѣмъ якорь съ ярусомъ. Весельщикъ и другой рабочій гробуть, а кормщикъ продолжаетъ выметывать снасть, стараясь, по возможности, сохранить одно направленіе. Выметавъ половину снасти, бросаютъ второй якорь съ кубасомъ, а при концѣ всего яруса—третій. Кормщикъ долженъ быть хорошо знакомъ съ глубиною моря, ибо если веревка, соединяющая якорь съ кубасомъ, слишкомъ коротка по глубинѣ мѣста, то кубасъ потонетъ. Выметавъ ярусъ, привязываютъ шняку къ кубасу и стоятъ на якорѣ, пока не придетъ время вытаскивать снасть. Обыкновенно оставляется ярусъ въ морѣ цѣлую воду, т. е. 6 часовъ; если же рыбы мало,—то двѣ воды, а то и всѣ сутки. Тянетъ ярусъ тяглецъ. По мѣрѣ вытаскиванія яруса снимаютъ съ крючковъ пойманную рыбу и нерѣдко тотчасъ же вновь сажаютъ наживку на крючки для вторичнаго лова. Эта работа особенно трудна въ весеннее время, когда еще стоятъ сильные морозы. Наживка опускается тогда въ мѣшкѣ въ море, чтобы она не заоченѣла отъ мороза, а оставалась гибкою.

Пойманную треску большей частью солятъ, но весною, съ начала лова до Николина дня, когда солнце уже довольно сильно печетъ, а въ воздухѣ еще холодно и дождей мало, вывѣшенная на вѣтру рыба можетъ провянуть, не подвергаясь гніенію, и безъ соли. Поэтому въ это время треску сушатъ, а не солятъ. Для этого, какъ и для соленія, отрубаютъ голову, разрѣзаютъ по спинѣ такъ, чтобы хребетная кость оставалась на одной половинѣ, пропарываютъ брюхо

и вынимаютъ внутренности; такъ какъ при этомъ не перерѣзаютъ пояса плечевыхъ костей, то въ это отверстие можно нализывать рыбу для сушки на жерди, называемыя „палтухами“.

При чисткѣ рыбы отдѣляютъ всегда печень, называемую „максою“ или „воюксою“, чтобы вытапливать изъ нея жиръ. Ее кладутъ для этого сначала въ деревянные кадки, гдѣ солнцемъ выдѣляется часть жира, называемая самотекой. Далѣе котлы подогреваютъ кострами и окончательно выдѣляютъ, оставляя на днѣ котловъ „шквару“, — черную пригорѣлую массу, которая вмѣстѣ съ тресковыми головами продается норвежцамъ и идетъ у нихъ на удобреніе полей.

Къ концу промысла пріѣзжаютъ суда, которыя захватываютъ съ собою пойманную рыбу. Въ это время вылавливаемую треску не складываютъ уже болѣе въ амбары или бочки, а прямо въ трюмы шкунъ, пересыпая слои рыбы солью.

Кромѣ трески, на Мурманѣ ловится и акула. Акула водится въ Сѣверномъ океанѣ въ значительномъ количествѣ, и ловъ ея, производимый съ цѣлью добыванія жира изъ ея огромной печени, въ послѣднее время начинаетъ принимать все большіе и большіе размѣры. Ловъ акулъ производится въ губахъ Тираберской и Кольской преимущественно жителями города Колы. Они выѣзжаютъ въ море на шнякахъ и, вышедши въ море на известное разстояніе, кидаютъ якорь. Наполнивъ какую-нибудь посудину саломъ или ворванью, опускаютъ въ море съ привязаннымъ къ веревкѣ камнемъ, чтобы она пошла прямо ко дну. Сало струится изъ отверстій, распространяя сильный запахъ, который

и привлекает акуль. Среди жира акула натывается на кусок китоваго мяса, который скрываетъ въ себѣ большой желѣзный крюкъ, надѣтый въ послѣднее кольцо двухсаженной цѣпи, чтобъ рыба не могла перегрызть лесу; жадно хватается акула за приготовленное для нея кушанье, а промышленники сейчасъ же вытягиваютъ ее на поверхность воды, гдѣ и убиваютъ кротиломъ, вырѣзываютъ молоки и выбрасываютъ ненужную имъ тушу на ледъ.

Къ животнымъ, которыя въ Бѣломъ морѣ могли бы составить выгодную статью промысла, принадлежатъ киты. Уже въ горлѣ Бѣлаго моря можно ихъ встрѣтить, не говоря уже объ Ледовитомъ океанѣ, гдѣ они попадаютъ постоянно. Значительность числа китовъ въ этихъ мѣстахъ, впрочемъ, легко объясняется тѣмъ, что нашъ китоловный промыселъ находится въ зачаткѣ, и потому киты въ нашихъ моряхъ могутъ пользоваться сравнительнымъ спокойствіемъ, если не принимать въ расчетъ контрабандныя охоты норвежцевъ, противъ которыхъ теперь, однако, правительствомъ принимаются энергичныя мѣры.

У насъ же китоловный промыселъ совершенно не прививается, несмотря на поддержку деньгами со стороны казны. Единственная польза, которую доставляли до сихъ поръ эти животныя, заключается въ томъ, что лопари находятъ время-отъ времени выброшеннаго на берегъ кита и продаютъ его сало кольскимъ вупцамъ или поморамъ.

Для рыбнаго промысла необходимы запасы поваренной соли, вслѣдствіе чего солевареніе развилось на Бѣломъ морѣ одновременно съ рыбными промыслами.

Но въ пастоящее время оно находится въ крайне печальномъ состояніи и производится только на Лѣтнемъ берегу. Еще недавно было всего около 10 солеваренныхъ заводовъ по прибрежьямъ Бѣлаго моря, изъ которыхъ одни добывали соль изъ морской воды, другіе же изъ соляныхъ колодцевъ. Такъ какъ всѣ строенія, относящіяся до солеваренія, построены довольно давно, то они имѣютъ обыкновенно весьма плачевный, непривлекательный видъ. Самая выварка соли производится въ такъ-называемыхъ чренахъ — огромныхъ желѣзныхъ ящикахъ, стоящихъ на желѣзныхъ же полосахъ и на четырехъ столбахъ по сторонамъ. Къ сожалѣнію, выварка соли производится крайне небрежно: трубы и каналы, по которымъ протекаетъ разсолъ, никогда не прочищаются и не принимается никакихъ мѣръ къ очищенію поваренной соли. Понятно поэтому, что поморь предпочитаетъ пускать въ дѣло хорошую соль, привозимую изъ-за границы чрезъ Норвегію.

Вслѣдствіе высказанныхъ причинъ, солевареніе въ Бѣломъ морѣ находится въ полнѣйшемъ упадкѣ. А было время, когда все побережье Бѣлаго моря было усыяно соляными варницами, добывавшими огромное количество соли.

(По статьѣ К. С. Мережковскаго).

ПО ДОРОГЪ ВЪ КОЛУ.

(А. Михайлова).

На самой сѣверной окраинѣ Архангельской губерніи, на берегу Ледовитаго океана, стоитъ городокъ, именуемый Колой. Рѣдко встрѣтишь у насъ человѣка, который не слышалъ бы объ этомъ городѣ, но очень не многимъ доводилось побывать въ немъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, то-есть въ самую темную пору для Кольскаго края, когда день продолжается какихъ-нибудь три часа, выѣхалъ я изъ Кандалакши, богатаго селенія, состоящаго при Кандалакской губѣ, отъ котораго до Колы оставалось двѣсти-пять верстъ. Было уже десять часовъ утра, но солнце еще не восходило и только начинало свѣтать. День занимался ясный, морозный, короткій, до того короткій, что не успѣешь оглянуться, какъ уже начинается темнѣть. Я видѣлъ потомъ, часа полтара спустя, какъ багровое солнце показалось изъ-за дальняго лѣса и, едва поднявшись, уже опускалось. Ни малѣйшей теплоты не чувствуешь отъ красныхъ лучей его, на короткое время озарившихъ снѣжную равнину, широко раскинувшуюся во все стороны. Еще только второй часъ въ началѣ, но

уже подступаетъ ночь, длинная, безъ малаго суточная ночь. Тамъ же, дальше, на берегу океана одинъ только разсвѣтъ; солнце уже не показывается вовсе.

Но вотъ и станція. Выхожу или, скорѣе, выльзаю изъ кережи (кережи—это сани, длиною до трехъ аршинъ, съ болокомъ *), и осматриваюсь. Передо мной стоитъ небольшая избушка, кругомъ та же неизмѣнная свѣжняя равнина, озаренная ярко сіяющими звѣздами. Тишина невозмутимая: не слышно ни человѣческаго голоса, ни лая собаки. Вхожу въ избушку. Въ ней никакихъ пристроекъ, широкія лавки вдоль стѣнъ и въ углу каминъ съ горящими дровами. Ямщикъ-лопарь встаетъ съ лавки при моемъ приходѣ и молча выходитъ изъ избы. Странное впечатлѣніе производитъ на первыхъ порахъ вся эта обстановка лопарскаго станціоннаго дома, при которомъ нѣтъ ни лошадей, ни смотрителя, ни старосты, гдѣ не спрашиваютъ подорожной и тѣмъ менѣе ее прописываютъ. „Скоро ли лошади, то-есть олени?“ спрашиваешь, поправляясь, у лопаря. „Будутъ“, отвѣчаетъ тотъ своимъ обычнымъ невозмутимо-спокойнымъ голосомъ. Остается присѣсть къ огню и ожидать оленей. Дѣло въ томъ, что олени пасутся въ сторонѣ отъ станціи, и за ними-то отправился лопарь, вышедшій изъ избы. Случается иногда, что олени уйдутъ верстъ за двадцать отъ станціи, и тогда приходится высидѣть въ холодной избѣ, согрѣваясь у огня, часа четыре. Но

*) Болокъ—кибитка изъ парусины, прикрѣпляемая къ кережѣ для проѣзжающихъ. Ямщикъ-лопарь, какъ и всѣ лопари, ѣздитъ въ открытыхъ кережахъ.

на этотъ разъ олени были неподалеку, и, часть спустя, я снова тронулся въ путь. Еще только шесть часовъ вечера, но на дворѣ давно уже ночь, длинная, безконечная ночь. Морозъ градусовъ въ тридцать. Вдругъ необычайный свѣтъ,—не то мѣсячный, не то звѣздный,—озарилъ тундру, по временамъ усиливаясь и ослабѣвая. То было великолѣпное яркое сѣверное сіяніе, какое можно встрѣтить только въ полярныхъ странахъ,—до того яркое, что, безъ преувеличенія, можно было читать книгу. Изъ-за широкой свѣтовой дуги, охватившей почти полгоризонта, вылетали снопы яркаго свѣта, поминутно видоизмѣняясь и принимая самые разнообразныя отбѣнки цвѣтовъ. Глазъ едва успѣваетъ слѣдить за ихъ быстрыми переходами и переливами. Вотъ вылетаетъ изъ-за сѣверной окраины дуги снопы ярко-краснаго цвѣта, за нимъ другой, третій; ихъ мѣсто занимаютъ новые, переходя въ зеленые, блѣдно-желтые, и всѣ они бѣгутъ другъ за другомъ, по направленію къ востоку, то сливаясь, то раздѣляясь, то вдругъ неожиданно исчезая. Темное основаніе свѣтовой дуги ярко выступаетъ тогда на свѣтломъ фонѣ звѣзднаго неба, какъ вдругъ тысячи разноцвѣтныхъ сноповъ одновременно взлетаютъ вверхъ, достигая самаго зенита. Мѣсяцъ блѣднѣетъ тогда и звѣзды затмеваются. Но вотъ онѣ опускаются все ниже и ниже и мгновенно пропадаютъ, а тамъ, смотришь, съ сѣвера снова начинается ихъ быстрая погоня другъ за другомъ.

Здѣсь, на этой широтѣ, явственно слышится шумъ, сопровождающій обыкновенно это чудное явленіе, какой-то странный шумъ, точно тамъ, въ вышинѣ,

чь-то незримая рука разбрасываетъ нескончаемо-длинный свертокъ полотна... Случалось мнѣ не разъ видѣть сѣверное сіяніе въ другихъ, южнѣе лежащихъ, мѣстностяхъ Архангельской губерніи, но шума этого я не слышалъ. Сполохи играютъ *) тамъ втихомолку.

Но вотъ олени спускаются на ровную, какъ столъ, свѣжнюю поляну. На ней нѣтъ ни дерева, ни кустарника. Это—озеро Имандра, самое большое изъ озеръ Кольской тундры, по которому я уже проѣхалъ версть тридцать, не замѣтивъ того. Озеро это лежитъ въ котловинѣ съ каменистыми берегами; оно очень широко **), но въ длину тянется на девяносто версть. Лѣтомъ ѣдутъ по немъ въ карбасахъ или въ лодкахъ, съ двумя ямщиками, хорошо знающими водяные пути. Озеро должно быть очень живописно въ лѣтнюю пору, судя по множеству заливовъ, далеко уходящихъ въ глубь материка, и остроконечныхъ мысовъ, поросшихъ лѣсомъ. Множество всякой водяной птицы водится на немъ объ эту пору и неумолкаемый крикъ стоитъ тогда надъ нимъ отъ лебедей, гусей и утокъ; но теперь все тихо и мертво.

На другой день по выѣздѣ изъ Кандалакши, къ полудню, пріѣхалъ я въ Масальскій погостъ, расположенный при самой сѣверной оконечности Имандры. Лопарскія села въ бывшемъ Кольскомъ уѣздѣ называются погостами, должно-быть, потому, что при нѣкоторыхъ изъ нихъ есть часовни, замѣняющія церковь. Соб-

*) Мѣстное выраженіе жителей Архангельской губерніи о сѣверномъ сіяніи.

**) Самая большая ширина въ южной его части 20 версть.

ственно это не села, а зимнія становища, такъ какъ съ наступленіемъ лѣта почти все лопарское населеніе выкочевываетъ на рыбныя и звѣриныя промыслы и возвращается назадъ къ Рождеству для уплаты податей. Лопарь, подобно самоѣду, живетъ исключительно промысломъ, и какъ ни пріурочивай его къ русскому населенію края, онъ все-таки остается кочующимъ. Масальскій погостъ вышнимъ видомъ своимъ напоминаетъ русскія селенія. Но едва войдешь въ избу, какъ тотчасъ же увидишь, что изба поставлена такъ-себѣ, для формы. Лопарь не живетъ въ ней. Въ избѣ холодно: печь есть, но она не топится. У каждаго домохозяина есть при этой форменной, такъ-сказать, избѣ пристройка — первобытная вежа *), только видоизмѣненная, согласно ея назначенія, какъ постояннаго жилья, а потому рубленая. Здѣсь нѣтъ печи. Ее замѣняетъ огонь, горящій по срединѣ, какъ и въ самоѣдскомъ чуму; въ крышѣ отверстіе для выхода дыму. У этого огня лопарь и проводитъ долгую зиму. Вотъ онъ сидитъ передъ этимъ огнемъ, окруженный семьей, починяя пичокъ **), невозмутимый и молчаливый, но всегда готовый къ услугамъ и предупреждающій малѣйшее ваше желаніе. Вообще лопари нрава очень тихаго и добраго. Въ нравственномъ отношеніи они стоятъ выше самоѣда, не говоря уже о сосѣдней корелѣ, которая, несмотря на свою осѣдность, до чрезвычайности лѣнива, груба и плутовата. Лопари не ѣдятъ сырого мяса оленя и не пьютъ его крови, какъ самоѣды; къ тому же,

*) Вежа—землянка или берестяной палашъ.

***) Пичокъ—кафтанъ изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ.

оленоводство находится у нихъ далеко не въ столь дикомъ состояніи, какъ у этихъ послѣднихъ. Олень у лопаря—животное домашнее, дающее ему молоко и сыръ. Впрочемъ, бытовая обстановка у лопаря та же, что у самоѣда. Лопарь показался мнѣ еще грязнѣе и неопрятнѣе въ своей вонючей избѣ, увѣшанной просушивающимися оленьими шкурами. Желѣзный котелокъ составляетъ единственную утварь въ его домашнемъ обиходѣ: въ немъ онъ и пищу варить, въ немъ же и дѣтей замываетъ.

Лопари Масальскаго погоста представляютъ рѣдкое исключеніе изъ остального съ нимъ населенія края. Народъ все такой рослый и видный, разумѣется относительно, ибо лопарское племя—самое малорослое изъ всѣхъ другихъ племенъ одной съ нимъ расы. Но женщины, какъ и вездѣ, несравненно малорослѣе мужчинъ. Онѣ гораздо подвижнѣе и говорливѣе своихъ мужей. Вотъ приходятъ въ избу лопаря, въ которой я провелъ безъ малаго двое сутокъ, за невозможностью ѣхать далѣе по случаю начавшейся вьюги, двѣ лопарки, должно-быть, пріятельницы его жены. Нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, повели онѣ съ нею оживленный неумолкаемый разговоръ. У той и другой были на рукахъ деревянные ящики, похожіе на гробики; въ нихъ лежали спеленатые грудные дѣти. Угощеніемъ служили рески, прѣсныя лепешки изъ ржаной муки, которыя пекутся такъ же, какъ и у самоѣдовъ, на приставляемыхъ къ огню дощечкахъ. Лепешки эти, изъ чистой муки, составляютъ роскошь для лопаря; большею частью ѣсть онѣ ихъ испеченными наполовину съ мхомъ (ягелемъ). У кого ѣсть въ избѣ

куль муки, тотъ считается достаточнымъ человѣкомъ. Соленая и вяленая озерная рыба составляетъ главную пищу лопаря въ зимнее время. Оленину ѣдятъ въ рѣдкихъ случаяхъ: когда оленя порветъ волкъ, или когда онь сломаегъ себѣ ногу, тогда его рѣжутъ на мясо. Рогатаго скота нѣтъ. Есть овцы, мелкія, тощія, которыхъ на зиму помѣщаютъ въ ямахъ и кормятъ мхомъ. Я не видалъ, чтобы лопари ѣли мясо, и для чего они держатъ ихъ, понять трудно.

Въ настоящее время лопари очень бѣдны оленями: рѣдко у кого изъ нихъ есть полсотни головъ. Сильные падежи за послѣднее десятилѣтіе много истребили у нихъ оленей. Много погибло ихъ, да и теперь гибнетъ подъ страшными зубами волковъ, которые развелись по тундрѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, что необходимо стеречь пасущееся стадо.

Теперь кольскіе крестьяне богаче лопарей оленями; у нѣкоторыхъ изъ нихъ, на Терскомъ берегу, имѣется до пяти сотъ головъ. Не мало оленей переходитъ къ нимъ за водку, до которой лопари, живущіе по близости русскихъ селеній, большіе охотники; дальніе же лопари водки не пьютъ.

Лопари бывшаго Кольскаго уѣзда давно уже обращены въ христіанскую вѣру преподобнымъ Трифономъ Печенскимъ. Церквей по погостамъ ихъ нѣтъ, но изъ ближайшаго русскаго селенія пріѣзжаетъ къ нимъ, разъ въ годъ, священникъ, разомъ креститъ всѣхъ нарождавшихся и отпѣваетъ умершихъ за это время.

На третій день по пріѣздѣ моемъ въ Масальскій погостъ вьюга прекратилась, и я отправился далѣе.

День становился короче и короче, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались на сѣверъ, и, наконецъ, когда мы были за два перегона отъ Колы, солнце уже не показывалось вовсе. Занялась только одна багровая заря, и утренняя и вечерняя вмѣстѣ. И увидишь-то ее только въ ясный день, а какъ затянетъ небо сѣро-свинцовыми облаками, да поднимется вьюга, такъ тогда и разсвѣта не запримѣтишь.

Но вотъ и Кола. Дорога круто поворачиваетъ влѣво, и городокъ неожиданно выступаетъ изъ-за высокаго побережья рѣки. Я говорю—городокъ, потому что таково официальное его наименованіе: по вѣшнему виду своему это скорѣе деревня, во многомъ уступающая инымъ приморскимъ селамъ бывшаго Кольскаго уѣзда. Только рѣзко бросаются въ глаза древній кольскій соборъ да деревянная церковь во имя Воскресенія Христова, о девятнадцати главахъ, а другихъ построекъ какъ бы и не существовало. Передъ вами раскинулись жалкія развалины и клѣтушки. Кола стоитъ между устьями рѣкъ Туломы и Колы, при самой оконечности губы (50 в. отъ Лодовитаго океана). Кольская губа не широка, несмотря на то не замерзаетъ въ инныя зимы даже въ берегахъ. Глубокая и защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокими берегами, она могла бы служить превосходной гаванью, если бы не отдаленность ея положенія. Тяжелое впечатлѣніе производитъ и подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на душу вся эта обстановка далекаго города. Едва пробудешь въ немъ два-три дня, какъ уже помышляешь о томъ, какъ бы поскорѣе изъ него выбраться. Нужно родиться и вырасти здѣсь, чтобы свыкнуться съ двухмѣсячнымъ пол-

нымъ отсутствіемъ свѣта *), съ продолжительными морозами въ тридцать и болѣе градусовъ, наконецъ, съ страшными вьюгами, завывающими по цѣлымъ недѣлямъ и заносащими дома такъ, что нужно отрываться изъ-подъ снѣга. Но живутъ же люди и здѣсь, забывая объ этихъ въ высшей степени неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ и свыкаясь съ ними. У нихъ есть свои интересы, свои цѣли и стремленія, безъ которыхъ немислима была бы жизнь въ этомъ отдаленномъ суровомъ краѣ.

Большинство жителей Колы составляютъ мѣщане. Все это потомки выходцевъ новгородскихъ; народъ видный и рослый, особенно женщины. Мѣщане кольскіе промышленяютъ рыбою и морскимъ звѣремъ. Кто по-состоятельнѣе, заводитъ себѣ шняку, кто побѣднѣе — идетъ къ нему въ работники. Недавно пріѣхалъ въ этотъ городъ одинъ какой-то шведъ и научилъ колянъ ловить акулу, которая во множествѣ водилась тогда въ океанѣ и заходила въ самую Кольскую губу. Много терпѣли отъ нея коляне, промышленяющіе трескою: то она переѣстъ всю пойманную „ярусомъ“ рыбу, то даже пооткусываетъ удочки съ наживкой. Теперь же не то. Возьмутъ ящикъ съ отверстиями, положить въ него сильно пахучую ворвань и опустятъ ночью на дно. Привлеченная запахомъ за нѣсколько верстъ акула приходитъ на это мѣсто изъ океана. Тутъ же стоитъ снасть, состоящая изъ цѣпи съ крюкомъ, на который насаживается кусокъ ворвани или трески.

*) Въ Колѣ солнце бываетъ невидимо съ 17-го поября по 4-е января; не заходитъ же съ 14-го мая по 6-е іюля.

Акула жадно хватается за наживку, проглатывая ее вмѣстѣ съ крюкомъ. Изъ вытащенной акулы вынимаютъ одну только печень, а все остальное бросается за бортъ. „Страхъ забиралъ“, говоритъ очевидецъ, „какъ потянуть, бывало, попавшуюся на крюкъ двухсаженную рыбу, а другія десятками начнутъ около шняки показываться изъ воды, чернѣясь на ея освѣщенной огнемъ поверхности своими чудовищными спинами.“

ЛАПЛАНДІЯ И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ ЛОПАРИ.

(А. М. Воронцаго).

На сѣверо-западной окраинѣ нашей Европейской Россіи, вдоль береговъ Ледовитаго океана, протянулась неширокой полосой непривѣтливая страна лопарей. Невысокія, но чрезвычайно скалистыя горы бороздятъ ея поверхность по всеѣмъ направленіямъ. Вмѣстѣ со множествомъ озеръ, замкнутыхъ отвѣсными скалами, быстрыхъ порожистыхъ рѣчекъ и топкихъ тундровыхъ болотъ, эти горы придаютъ ей вообще очень дикій характеръ. Зимой, когда глубокіе снѣга сравниваютъ котловины, сглаживаютъ изрытые склоны горъ, покрываютъ сплошной пеленой озера и болота, — сообщенія по странѣ становятся возможными. Лѣтомъ же многія мѣстности всеѣмъ непроходимы, и нерѣдко приходится дѣлать далекій кружной путь, чтобы добраться до мѣста, лежащаго по прямому направленію не далѣе нѣсколькихъ верстъ.

Хвойные лѣса покрываютъ полуденные склоны горъ и рѣдѣютъ только по мѣрѣ приближенія къ берегамъ Ледовитаго океана. Моховыя пространства занимаютъ всѣ обильныя влагою низины и представляютъ привольныя пастбища для стадъ дикихъ и домашнихъ оленей.

Въ своей западной половинѣ, ближе къ границѣ Норвегіи, эта страна нѣсколько теплѣе; тамъ и весна наступаетъ раньше, и зима не такъ сурова. Хотя холода стоятъ такіе же, какъ и въ восточной, Терской Лапландіи, но зато зимнія бури и мятели уже не такъ страшны и продолжительны. Съ половины октября и до мая вся страна погружена въ мракъ полярной ночи, который едва разсѣивается сумеречнымъ разсвѣтомъ зимняго дня. Только *сполохи*, т. е. сѣверное сіяніе, своимъ великолѣпнымъ волшебнымъ свѣтомъ озаряютъ эту мертвую глушь, придавая ея пейзажамъ самыя фантастическія формы. Съ вечера, а чаще около полуночи, уже все горитъ и свѣтится, и въ блескъ объятаго пламенемъ небосклона меркнутъ звѣзды и тускнеть луна. Но вотъ склонилась къ горизонту послѣдняя дуга потухающаго сѣвернаго сіянія, и все опять погружается въ мракъ. Страшныя бури и мятели часто нарушаютъ тишину полярной ночи и вносятъ въ жизнь этой, и безъ того обездоленной, страны ужасъ и разрушеніе. Свиститъ и воетъ сѣверный вѣтеръ при тридцати-градусномъ морозѣ, наполняетъ воздухъ крутящейся въ страшномъ хаосѣ снѣжной пылью, сбиваетъ съ ногъ и звѣря и человѣка, гонитъ обезумѣвшихъ отъ страха оленей въ снѣжныя трущобы и хоронитъ все живое, что не успѣло укрыться отъ бушующей природы. Къ концу мая холода и мятели понемногу

стихаютъ; солнце съ каждымъ днемъ все выше и выше поднимается надъ горизонтомъ, все долѣе и долѣе застывается на безоблачномъ небѣ и, наконецъ, совсѣмъ перестаетъ заходить. Наступаетъ тогда полярное лѣто, съ его долгимъ днемъ безъ ночи. Теченіе времени какъ бы пріостанавливается; не даромъ говорятъ лопари, что лѣтомъ времени нѣтъ, потому что нѣтъ ночи, нѣтъ обычной смѣны людскихъ занятій. Подъ вліяніемъ теплыхъ лучей незаходящаго солнца, снѣга быстро таютъ и бѣгутъ многочисленными ручьями и потоками въ ложбины. Переполненные рѣки и рѣчки съ грохотомъ катятъ свои воды по каменистымъ русламъ, образуя множество бурныхъ водопадовъ и стремнинъ. За короткой весной лѣто быстро вступаетъ въ свои права. Зазеленѣли луга, сбросилъ дремучій лѣсъ свой зимній, снѣжный уборъ, и душистый ароматъ хвои придаетъ живительную силу лѣсному воздуху. Потянули птицы съ юга, зачернѣли прибрежныя скалы милліонами чаекъ, гусей и утокъ, которые спѣшатъ воспользоваться короткимъ полярнымъ лѣтомъ для вывода своихъ птенцовъ. Оживилась вся природа, ожили вмѣстѣ съ нею и звѣрь и человѣкъ.

Хотя не богата, не разнообразна и не весела природа Лапландіи, но она еще можетъ прокормить человѣка. Не обильную трапезу и не привольную жизнь предлагаетъ она своему обитателю—лопарю, котораго, подобно другимъ полярнымъ инородцамъ, только нужда загнала въ эти неприютныя страны.

Лопарь приземистъ и смуглъ; его широкая голова сидитъ на короткой шеѣ, и копною торчатъ черныя жесткіе волосы, совсѣмъ не гармонирующіе съ тощей

рѣдкой бородой; надъ выдавшимися скулами глядятъ подслѣповатые каріе глаза. Впрочемъ среди терскихъ лопарей нерѣдко можно встрѣтить явные признаки русской крови, а норвежскіе лопари, особенно такъ-называемые *финнаны*, отличаются болѣе высокимъ ростомъ и болѣе пропорціональнымъ тѣлосложеніемъ. Лопарь вообще сумраченъ, молчаливъ и суровъ, какъ окружающая его природа; злопамятенъ и мстителенъ, какъ любой житель юга, но зато гостепріименъ и щедръ, если встрѣчаетъ привѣтъ и уваженіе со стороны другихъ.

Значительная часть лопарей, такъ-называемыхъ горныхъ, занимается оленеводствомъ. Между ними встрѣчаются богачи, владѣющіе стадами въ 10 и 20 тысячъ головъ, что на наши деньги составляетъ капиталъ въ 100—150 тысячъ рублей. Но такихъ немного; большинство имѣетъ отъ 1000 до 2000 оленей, а семьи, у которыхъ 500 и менѣе оленей, считаются уже бѣдными.

Русскіе лопари живутъ небольшими поселками, такъ-называемыми *погостами*. Гдѣ-нибудь, среди дикой и пустынной долины или на пологомъ скатѣ горы, ютится лопарскій поселокъ, который, однако, далеко не представляетъ вѣковой осѣдлости земледѣльца: это хотя и продолжительное, но временное становище полуномада. Лопарь-олeneводъ сидитъ въ своемъ поселкѣ, пока олени не потравили всего моха въ окрестности; тогда онъ, волей-неволей, долженъ перебраться на другое мѣсто, потому что мохъ растетъ такъ медленно, что пройдутъ десятки лѣтъ, пока новая поросль появится на потравѣ. Вотъ почему лопарскому поселку

и вѣкъ не долгій: много-много, если постоитъ онъ на мѣстѣ лѣтъ двадцать или тридцать.

Еще издали, подходя къ погосту, вы уже слышите лай собакъ и хриплые крики; въ воздухѣ пахнетъ рыбой и гарью; но вотъ съ вершины послѣдней горы вы видите и самый погостъ. Маленькія избы, съ крышами на одинъ скатъ, группируются въ небольшія кучки, безъ всякаго порядка разбросанныя по долинкамъ. На встрѣчу всякому заѣзжему высыпаетъ все населеніе погоста и на перебой приглашаетъ къ себѣ гостя. „Страннику далъ — на промыслѣ взялъ“, говоритъ лопарская пословица, и лопарь, слѣдуя ей, непременно угоститъ путника всѣмъ, что есть у него лучшаго. Негостепріимная встрѣча среди лопарей составляетъ исключеніе.

Лопарское жилище (тупа, кувасъ, пырта) внутри очень неприглядно. Сажени три въ длину и двѣ въ ширину,—оно тѣсно и темно. Два крошечныхъ слюдяныхъ оконца пропускаютъ очень мало свѣта; деревянная дверь ведетъ въ избу прямо со двора, безъ всякихъ стѣнъ, давая свободный доступъ холодному воздуху. Небольшой очагъ, сложенный изъ камней, мало грѣетъ; онъ только чадитъ, потому что дымъ плохо тянетъ черезъ дверь и небольшое отверстіе въ крышѣ. Полки по стѣнамъ да лавки вдоль стѣнъ, сколоченныя грубо изъ некрашенныхъ и плохо-обдѣланныхъ досокъ,—составляютъ все убранство лопарскаго жилища, въ которомъ нерѣдко живетъ до тридцати человѣкъ. Всѣ лопари, безъ различія состоянія, одѣваются одинаково; однако, стремленіе къ шегольству встрѣчается и у нихъ. Заостренный и загнутый

кверху носокъ сапога, узорчато-испещренная разноцвѣтными мѣхами и кожей оленья шуба, прихотливо-украшенный пуговицами, бусами и галунами головной женскій уборъ отличаютъ лопарскаго щеголя и щеголиху. Вся одежда и домашняя утварь изготовляются самими лопарскими женщинами; но въ послѣднее время къ лопарямъ въ значительной степени стали проникать издѣлія норвежскихъ и русскихъ фабрикъ, которыя, мало-по-малу, вытѣсняють предметы домашняго производства.

Лопарь по природѣ чистоплотенъ; даже садясь за ѣду, онъ непремѣнно вырядится въ лучшее платье; но чисто живетъ только горный лопарь-оленевода; береговой же лопарь-рыболовъ живетъ грязно.

Лопари, какъ и всѣ полярные народы, большіе любители всего жирнаго. Они охотно ѣдятъ даже ворвань и жиръ нерпы, отвратительный на вкусъ и запахъ. Свѣжая и вяленая рыба, уха изъ рыбы, оленье сало, топленое масло и ржаныя лепешки составляютъ обычную пищу лопарей; но имъ уже знакомы и русскія сласти и норвежскій ромъ. Оленье мясо и птица появляются за столомъ лопаря только во время праздниковъ да въ торжественныхъ случаяхъ его жизни. Олень и собака—единственныя домашнія животныя у этого народа. Лопарскій олень силенъ и статенъ. Онъ можетъ легко поднять до пяти пудовъ клади и пробѣгаетъ съ нею до 20 верстъ въ часъ. Болѣе грузная кладь надрываетъ силы животнаго, и онъ гибнетъ. Зимой олень съ трудомъ добываетъ себѣ мохъ изъ-подъ отвердѣлаго слоя снѣга и тощаетъ; лѣтомъ же скоро отъѣдается и тучнѣетъ. Небольшія стада береговыхъ

лопарей пасутся безъ всякаго надзора; у горныхъ же при каждомъ стадѣ есть пастухъ, обыкновенно подростокъ и нѣсколько собакъ. Лопарскія собаки не велики ростомъ, но сильные и храбрые защитники хозяйскаго добра. Олень кормить, поить, одѣваетъ и возить лопаря, который ежечасно сознаетъ всѣ неисчислимыя выгоды отъ этого животнаго. Вотъ почему олень дорогъ лопарю, и всѣ его заботы сосредоточиваются на этомъ животномъ. Какъ конь для кочевника жаркихъ пустынь является образцомъ силы и красоты, такъ и олень для лопаря—кочевника сѣвера. Оленье стадо требуетъ много хлопотъ и заботъ отъ своего хозяина, особенно зимой, когда приходится оберегать животныхъ и отъ непогоды и отъ голодныхъ звѣрей. Обезумѣвшіе отъ голода волки зимой уже безъ всякаго страха лѣзутъ на стадо и успѣютъ зарѣзать много животныхъ прежде, чѣмъ лопарю удастся прогнать или перебить ихъ. Лѣтомъ лопарь-оленеvodъ спускается со своими стадами съ горъ и придвигается къ берегамъ Ледовитаго океана. Тамъ иногда можно видѣть, какъ надъ тихими водами какого-нибудь плеса стоитъ цѣлый лѣсъ оленьихъ роговъ: это бѣдныя животныя забрались въ воду, чтобы избавиться отъ комаровъ. Комаръ въ тѣхъ странахъ нарождается въ невообразимомъ количествѣ и является истиннымъ бичомъ и для животныхъ и для человѣка. Играя такую видную роль въ жизни лопаря, олень служитъ ему и единицею цѣнности. Лопарь свое богатство и всѣ товары перекладываетъ на цѣну оленя. Когда въ лопарской семьѣ родится ребенокъ, отецъ даритъ ему оленя-самку и мѣтитъ ее особымъ знакомъ. Затѣмъ весь приплодъ отъ

нея составляет уже достойнѣе ребенка. Вмѣстѣ съ возрастомъ молодого лопаря возрастаетъ и его стадо. Такимъ образомъ, когда придетъ время молодому лопарю обзавестись своимъ домомъ и хозяйствомъ, онъ вступаетъ въ жизнь уже владѣтелемъ порядочнаго стада оленей.

Ранней весной, около Егорьева дня, лопари-оленоводы поднимаются съ зимовокъ на перекочевку,—кто къ берегамъ Ледовитаго океана, кто къ большимъ озерамъ. Все лѣто они промышляютъ рыбою, частію на себя, частію на русскихъ и норвежскихъ промышленниковъ. Безоленные лопари также покидаютъ зимовки; часть ихъ работаетъ на рыбныхъ промыслахъ по Мурманскому берегу, часть уходитъ въ лѣса за птицей и звѣремъ. Послѣ Ильина дня они всѣ уже сидятъ при рыбныхъ угодьяхъ и заготавливаютъ свои зимніе запасы рыбы, а къ Рождеству снова возвращаются въ свои погосты.

Жизнь лопаря тяжела и однообразна: лѣтомъ въ мокротѣ и сырости тянетъ онъ ежедневно тяжелый трудъ рыболова, зимой онъ запертъ въ своей избѣ неустанными вьюгами и мятелями. Если есть у него запасы пищи, онъ лѣнливо проводитъ зимнее время, но если ихъ нѣтъ, то къ концу зимы онъ испытываетъ большую нужду и голодаетъ. Только исключительные случаи, напр., свадьба, похороны и т. п., вносятъ разнообразіе въ его жизнь. Свадьба, какъ и у всѣхъ народовъ, самый веселый и счастливый день лопаря. Хотя лопари давно уже всѣ христіане, но у нихъ и до сего времени сохранилось еще много языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Такъ многое изъ свадебныхъ обычаевъ

лопарей напоминает умыканье и кулю невесты, столь распространенная и понынѣ у азіатскихъ дикарей.

Вмѣстѣ съ своей родней ѣдетъ женихъ къ жилищу невесты. Съ молитвой „Господи Іисусе“ стучится онъ въ двери куваса, у которыхъ дружки невесты, и они вступаютъ въ переговоры съ пріѣзжими, выпрашивая плату за входъ. Не обходится, конечно, безъ условныхъ пріемовъ и приговоровъ. „Кто тутъ?“ спрашиваетъ дружка: — „не вижу — слѣци“. Ему даютъ полтинникъ. „Плохо вижу однимъ глазомъ“, говоритъ онъ, кладя монету на глазъ; ему даютъ другой. Оплативъ входъ въ избу, поѣзжане подходятъ къ отцу невесты, который притворяется спящимъ. Его будятъ, ударяя колотушкой по головѣ; тогда просыпается старикъ и просить на починку головы. Наконецъ, выводятъ невесту и, послѣ разныхъ церемоній, передаютъ жениху. При выстрѣлахъ и крикахъ невесту выводятъ изъ избы и усаживаютъ, всю закутанную, на лопарскія санки-кережки, при чемъ крѣпко ее привязываютъ. Затѣмъ весь поѣздъ съ гикомъ и крикомъ несется къ жилищу жениха. Здѣсь опять ихъ встрѣчаютъ выстрѣлами, разными опросами и поздравленіями, какъ будто поѣздъ и въ самомъ дѣлѣ вернулся съ опаснаго предпріятія тайнаго похищенія невесты. На другой день пріѣзжаютъ родные невесты, и тогда начинается свадебный пирь.

Лопари охотно справляютъ всѣ христіанскіе праздники, но особенно чтутъ тѣ изъ нихъ, въ которые наѣзжаютъ къ нимъ русскіе торговцы для мѣны товаровъ. Русскіе безоленные лопари-рыболовы довольно замѣтно русѣютъ, перенимая у русскихъ не только

обычая, но и одежду. Всѣ они обращены въ православіе около четырехсотъ лѣтъ тому назадъ, знаменитымъ въ свое время миссіонеромъ Трифономъ Печенгскимъ. На рѣкѣ Пасвигѣ, близъ береговъ Ледовитаго океана, въ церкви Бориса и Глѣба, построенной, по преданію, самимъ Трифономъ, можно видѣть усердныя приношенія лопарей разными мелкими вещицами, которыми увѣшанъ образъ Богоматери.

Не весела, не привольна жизнь лопаря, не отвѣчаетъ она нашимъ привычкамъ и требованіямъ, но лопарь сжился съ своей угрюмой природой, привыкъ къ ней и не охотно разстается съ нею. Уступая насиженные мѣста норвежцамъ и русскимъ, онъ забирается все дальше и дальше въ глубь лапландскихъ тущобъ и тамъ попрежнему ведетъ дикую вольную жизнь сѣвернаго номада, свято сохраняя обычаи своихъ предковъ; но такихъ осталось уже немного.

З Ы Р Я Н Ё.

Природа страны, характеръ народа и его бытъ.

Обширный сѣверо-восточный край русской земли изстари населенъ былъ инородцами, извѣстными у русскихъ подъ именемъ „зырянъ“, „пермяковъ“ и „вотяковъ“, которыхъ ученые включаютъ въ составъ многочисленныхъ финскихъ племенъ.

Въ семьѣ финскихъ народовъ зыряне вмѣстѣ съ вотяками и пермяками составляютъ особую группу, извѣстную между учеными подъ названіемъ „Біармской“ или „Пермской“. Наши предки, славяне, давали всѣмъ этимъ тремъ племенамъ также общее названіе „пермь“ или „чудь“ заблудящая. Послѣднее объясняется бродячимъ образомъ жизни, какой вели эти инородцы, скитаясь по лѣсамъ и занимаясь звѣроловнымъ и рыболовнымъ промыслами; сами же зыряне, вотяки и пермяки до сихъ поръ называютъ себя общимъ именемъ „коми“.

Изъ всѣхъ трехъ пермскихъ народовъ особенно выдающимся племенемъ всегда были зыряне, населяющіе

сѣверо-восточную часть Вологодской губерніи и смежныя съ нею части Архангельской и Вятской губерній. Правда, племя это немногочисленно — всего около 90,000 душъ, — но оно занимаетъ огромную страну, замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ. Край зырянскій холоденъ и непріятенъ, но богатъ своеобразными произведеніями природы: лѣсомъ, дичью, пушнымъ звѣремъ и рыбою, и по своему географическому положенію находится на рубежѣ Европы и Азіи, между европейскими и сибирскими народами. Вслѣдствіе такого исключительнаго положенія, занятаго издавна зырянами, изъ нихъ и выработалось также во многихъ отношеніяхъ замѣчательное племя. Слово „зыряне“ — русское. До сихъ поръ еще между чисто русскими обитателями Вологодской губерніи употребляется слово „зыря“. Зырей тамъ называютъ человѣка, много чего-нибудь выпивающаго. „Все вызырель“, говорится; „мнѣ не оставилъ — экой зыря“, говорятъ вологжане. Поэтому надобно полагать, что слово „зыряне“ произошло отъ укоризненнаго прозвища, даннаго имъ русскими, все равно, какъ и теперь жителей Сольвычегодска сосѣди называютъ „ершеѣдами“, устюжанъ — „красноязыкими“, вологжанъ — „телятниками“ и т. п. Очень можетъ быть даже, что названіе „зыряне“ дано имъ вслѣдствіе особеннаго пристрастія ихъ къ своему любимому напитку „суръ“ (зырянское пиво).

Сами себя зыряне называютъ „коми-мортъ“, когда говорятъ объ одномъ человѣкѣ, и „коми - войтырь“, когда рѣчь идетъ о цѣломъ зырянскомъ народѣ. „Коми-мортъ“ значитъ по - русски „зырянинъ чело-

вѣкъ“, а „коми - войтырь“ — „зырянскій народъ“, населяющій сѣверную полунощную страну.

Обширная площадь зырянскаго края сплошь покрыта лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ, по болотамъ — невысокимъ, тощимъ и рѣдкимъ, а по суходоламъ — густымъ и достигающимъ огромныхъ размѣровъ. Только кое-гдѣ мелькаютъ зырянскія деревеньки съ окружающими ихъ полями. Страшный холодъ зимою и нестерпимый жаръ лѣтомъ, болота и комары составляютъ главныя неудобства жизни въ этой непріятной странѣ, а въ обилии лѣсовъ, луговъ, дичи, пушныхъ звѣрей и рыбы заключаются главныя богатства зырянскаго края. Занятія зырянъ и сосредоточены преимущественно на охотѣ и рыбной ловлѣ. Зырянинъ — охотникъ по природѣ. Въ охотѣ заключаются главныя средства къ его существованію. Даже зырянскія дѣти уже съ малыхъ лѣтъ пріучаются къ употребленію ружья, и мальчикъ-зырянинъ не скажетъ отцу, когда тотъ соберется въ городъ, „купи гостинцу“, а говоритъ „купи ружье“. Получивъ этотъ подарокъ, онъ обѣгаетъ съ нимъ еще лѣтомъ всѣ окрестные лѣса. Взрослый же зырянинъ подь осень беретъ съ собою винтовку, замѣчательно грубой работы, собаку крупной, некрасивой породы, „нарты“, т. е. легкія длинныя сани, и маленькій компасикъ „матку“, становится на лыжи и надолго отправляется рыскать по нескончаемымъ хвойнымъ лѣсамъ. Ходятъ зыряне на охоту, обыкновенно, небольшими партіями, отъ 2 до 5 человекъ, иногда верстъ за 500 отъ своей деревни... И нужно видѣть тѣ безчисленные хитро-прилаженные приборы, съ помощью которыхъ они добываютъ разныхъ бѣлокъ, оленей, лисицъ,

песцовъ, волковъ, медвѣдей, рябчиковъ, тетеревей, утокъ, куронокъ, лебедей и проч., чтобы имѣть понятіе объ остроуміи и изобрѣтательности зырянъ.

Но нужно знать также о богатствѣ ихъ края пушными звѣрями, а въ особенности бѣлками и разною дичью, чтобы понять всю страсть зырянъ къ охотѣ.

Немудрено, что зыряне, съ колыбели окруженные подобною природою, всѣ свои заботы сосредоточиваютъ, главнымъ образомъ, на охотѣ, а также на рыбной ловлѣ. Земледѣліемъ же они мало занимаются, тѣмъ болѣе, что край ихъ далеко не благодарный въ этомъ отношеніи.

Ижемскіе, или печерскіе зыряне занимаются, кромѣ того, оленеводствомъ. Между ижемцами есть хозяева, которые имѣютъ стада оленей, въ 2 и 3 тысячи головъ. Но хитрые и предприимчивые ижемцы часто кабеливаютъ печерскихъ самоѣдовъ, перекупая за безцѣнокъ ихъ безчисленныхъ оленей и обращая иногда ихъ самихъ въ пастухи къ собственнымъ стадамъ.

Впрочемъ, между зырянами далеко не всѣ отличаются подобными наклонностями. Отъ соприкосновенія съ русскими многіе изъ зырянъ нѣсколько измѣнились не только по характеру, но и по наружности. Только обитатели такихъ глухихъ мѣстностей, какъ Печерскій край, болѣе или менѣе сохранили въ чистотѣ первоначальный зырянскій образъ. Въ наружности истаго зырянина, какого-нибудь ижемца, проглядываютъ чисто племенные черты: средній ростъ, черный цвѣтъ жесткихъ и необыкновенно густыхъ волосъ, смуглость кожи, орлиный носъ, нѣсколько выдавшіяся скулы и узкіе черные или каріе глаза, смотрящіе бойко и обличаю-

щіе смѣтку и энергію въ ихъ обладателѣ. Зыряне же, живущіе вблизи большихъ, людныхъ дорогъ и смѣшавшіеся съ русскими, имѣютъ волосы, большею частію, русые, глаза свѣтлые, ростъ средній, тѣло бѣлое и ровный, живой, открытый нравъ.

Но умственные способности вообще у всѣхъ зырянь болѣе или менѣе одинаковы и, нужно сказать, весьма замѣчательныя. Они остроумны, находчивы, всегда обдуманно приступаютъ къ дѣлу и не любятъ необдуманно приводить его въ исполненіе. Зырянскіе мальчики, при поступленіи въ школу, очень скоро выучиваются чтенію и письму, а особенно бойкому счисленію и разговорной русской рѣчи. Многіе изъ зырянь славятся также, какъ искусные рабочіе на петербургскихъ и московскихъ фабрикахъ. Но главнымъ образомъ ихъ способности и дарованія направлены, какъ мы уже упоминали выше, на охотничьи и рыболовные промыслы, въ умѣнны вести которые зырянинъ не имѣетъ себѣ соперниковъ.

Къ занятію охотою, лѣсованьемъ, чрезвычайно остроумно приспособленъ даже костюмъ зырянина. Зырянскій охотникъ одѣвается въ короткій по колѣно кафтанъ изъ бѣлаго грубаго сукна, съ пришитыми къ рукавамъ рукавицами изъ оленьей кожи; на плечи надѣвается „лузанъ“—родъ кофты безъ рукавовъ—изъ полосатаго зырянскаго сукна, съ наплечниками и карманами. На широкомъ ремнѣ, надѣтомъ поверхъ кафтана, виситъ длинный охотничій ножъ; къ спинѣ, къ лузану, особо скобкою прикрѣпленъ топоръ; въ рукахъ: въ одной винтовка, въ другой—лопатка съ загнутымъ концомъ, съ помощію которой онъ обиваетъ въ лѣсу снѣгъ съ

вѣтвей и скускается съ кручей овраговъ. На головѣ носить четырехугольную шапку изъ бѣлаго же сукна, прикрѣпленную къ воротнику лузана, чтобы она не могла слетѣть съ головы, когда онъ помчится на лыжахъ по снѣжной равнинѣ... У него и чулки и портянки принаровлены къ этому способу передвиженія; на ноги надѣваетъ онъ легкіе башмаки „чуть-комъ“, изъ невыдѣланной кожи, съ заостренными носками, прикрѣпленные къ ступнѣ шнурками.

Зырянскіе же крестьяне носятъ бѣлую холщевую рубаху съ большимъ воротникомъ, застѣгнутымъ иногда на мѣдную пуговицу. Рубаха опоясывается узкимъ шерстянымъ поясомъ, къ которому спереди привѣшивается маленькій кожаный кошелекъ. Въ него вкладывается суконный мѣшечекъ съ нѣсколькими отдѣленіями для храненія огнива, трута, сѣрныхъ спичекъ, иголки съ нитками. Принадлежность эта необходима для предусмотрительнаго зырянина. Штаны носить онъ холщевые, какъ и у русскихъ; на ногахъ—коты изъ телячьей шкуры, шерстью вверхъ, пропитываемые отъ мокроты смолою. Сверху надѣваютъ лѣтомъ холщевый же кафтанъ, подпоясываемый кожанымъ поясомъ, а зимою—овчинный полушубокъ и на немъ суконный азямъ.

Нѣкоторые изъ зырянъ носятъ зимою поверхъ всего еще „малицу“—длинную мѣшкообразную одежду, сшитую изъ оленьей шкуры, шерстью внизъ, съ прикрѣпленными къ рукавамъ ея рукавицами, а къ воротнику—шапкою. Зырянина, одѣтаго въ эту „малицу“, не можетъ пробрать никакой холодъ.

Женскій зырянскій костюмъ почти весь русскій: хол-

шевая рубашка съ ситцевыми рукавами, ситцевый сарафанъ, а на головѣ повойникъ, повязанный большимъ платкомъ, концы котораго спущены ниже стана.

Живутъ зыряне такъ же, какъ и русскіе, — деревнями. Селевія ихъ очень рѣдкія, но большія и иногда тянутся на нѣсколько верстъ. Дома расположены почти всегда неправильно.

Избы зырянскія — „керки“ — обыкновенно большія и строятся всегда изъ сосноваго лѣса. Къ лицевой стѣнѣ „керки“ пристраивается крыльцо, которое ведетъ въ сѣни, раздѣляющія „керку“ на двѣ половины — черную и чистую. Черная половина по своему устройству и внутреннему убранству почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной русской курной избы и назначается всегда для житья семейства. Другая половина устраивается нѣсколько иначе и назначается преимущественно для приѣма гостей и для справленія праздниковъ. Въ ней нѣтъ полатей, печь часто голландская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями. Но нужно замѣтить, что „керки“ вообще не отличаются опрятностью.

Къ „керкѣ“ прилегаеть, обыкновенно, дворъ и разныя хозяйственныя пристройки.

Пища зырянъ также не особенно прихотлива. Хлѣбъ у нихъ всегда ячный, каша ячная, щи съ ячневымъ же, но немного толченымъ, зерномъ, со свининой или дичью — въ скоромные дни, и съ рыбою — въ постные. Рыба — любимая пища зырянъ, а также ячный пирогъ съ рыбою. До хлѣба же они не большіе охотники, и въ неурожайные годы довольно равнодушно замѣняютъ его пихтовой корой, молодыми отростками ели или просто

мохомъ. Любимый же напитокъ ихъ—пиво (суръ), котораго они могутъ выпивать огромное количество.

Зыряне отличаются необыкновеннымъ гостепріимствомъ. Они растворяютъ настежь всѣ двери, чтобы странникъ и безъ хозяина нашелъ въ домѣ и пріютъ и пищу. Зырянинъ же не отпуститъ его, не накормивъ всѣмъ, что у него есть лучшаго, и никогда не возьметъ за это платы.

Вообще зыряне далеко не лишены и чувства чело-вѣколюбія и нѣкотораго добродушія. Многіе приводятъ примѣръ, что если сгоритъ у зырянина домъ, то владѣлецъ его не будетъ отчаиваться выстроить новый, будучи вполне увѣренъ, что сосѣди помогутъ ему обзавестись новымъ. При этомъ зыряне отличаются еще честностью, поистинѣ патріархальною. Въ глухихъ мѣстахъ зырянскаго края до сихъ поръ совсѣмъ и не знаютъ, что такое замки. Если хозяинъ дома почему-либо не пожелаетъ, чтобы во время его отсутствія къ нему входили посторонніе, то ставитъ у дверей „пасъ“, т. е. коромысло или просто палку наискось, и это служить лучше всякаго замка.

Подобная патріархальность нравовъ, можетъ-быть, зависитъ отчасти отъ религіозности зырянъ, которые весьма набожны. Во всякомъ, сколько-нибудь значительномъ, зырянскомъ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви, построены въ видѣ церквей, даже съ колокольнями, часовни, куда по праздникамъ и старый и малый собираются слушать чтеніе и толкованіе священныхъ книгъ. На перекресткахъ дорогъ повсюду виднѣются деревянные кресты. Первую убитую утку зырянинъ жертвуетъ обыкновенно священнику, а послѣ удачнаго исхода

звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, извѣстная часть добычи отдается въ церковь. Почитаніе множества чудотворныхъ иконъ и высокое благоговѣніе къ памяти своего апостола св. Стефана доказываютъ также воспріимчивость ихъ чувства вѣры. Но, разумѣется, зыряне далеко еще не освободились отъ нѣкоторой грубости въ своихъ вѣрованіяхъ и въ способахъ ихъ выраженія.

Совсѣмъ уже особенный нечистый духъ, вполне принадлежащій зырянскому вымыслу, — это „орть“ — духъ, обитающій въ воздухѣ. Зыряне думаютъ, что у каждаго человѣка есть свой собственный „орть“. Какъ только родится человѣкъ, сейчасъ же къ нему представляется свой „орть“. Передъ смертью своего бременаго компаньона „орть“ самъ принимаетъ видимый образъ, появляется тому, кого ждетъ смерть, обыкновенно за которой-нибудь изъ его работъ. Если долженъ умереть, напр., мужчина, то „орть“ является за ружьемъ, за силками съ капканомъ или за бороною и проч., а если ждетъ смерть женщину, то онъ берется за веретено, сковородникъ, за горшки и т. д.

Кромѣ обязанности предсказывать смерть, онъ долженъ еще обойти всѣ мѣста, которыя при жизни посѣтилъ умершій. „Орть“ считается, впрочемъ, добрымъ духомъ. Сверхъ того, зырянамъ знакомы въ точности и такіе вымыслы русской фантазіи, какъ „порча“, „оборотни“, вѣдьмы“ и „колдуны“. Въ особенности много въ зырянскихъ деревняхъ „колдуновъ“, или, какъ говорятъ зыряне, „еретиковъ“, которыхъ они сильно побаиваются, особенно при справленіи свадебъ. Зыряне думаютъ при этомъ, что мертвые колдуны го-

раздо хуже живыхъ. Они постоянно, по ихъ мнѣнію, покидаютъ могилы и надоѣдаютъ всѣмъ просьбами, чтобы о нихъ почаще служили панихиды, а въ Великій четвертокъ „еретики“ эти встаютъ изъ могилъ и грызутъ на колокольняхъ колокола, чтобы удачнѣе портить людей.

Предразсудковъ между зырянами ходитъ множество, и они почти всѣ заимствованы отъ русскихъ. Нѣкоторую особенностью отличается у нихъ слѣдующій предразсудокъ: чтобы хозяйственные дѣла въ теченіе года шли успѣшнѣе, зыряне стараются въ Великій четвергъ переработать всѣ работы: женщины бросаются то къ веретену, то къ шитью, то чешутъ ленъ и т. д., а мужчины исполняютъ всѣ мужскія работы и считаютъ деньги. Множество русскихъ семейныхъ обрядовъ и обычаевъ также цѣликомъ перешло къ удивительно переимчивымъ зырянамъ. Подъ осень у нихъ бываютъ посидѣлки — „кайтаны“, на которыхъ дѣвицы прядутъ въ кругу молодежи. Святки у зырянь сопровождаются тѣми же гаданіями и вечерами, какъ и у русскихъ.

Свадьбы свои зыряне справляютъ рѣшительно по русскимъ обычаямъ. Только на каждую свадьбу они считаютъ непремѣнною обязанностью приглашать одного или двухъ колдуновъ, чтобы предотвратить обращеніе всего свадебнаго поѣзда въ волковъ.

Похороны зырянскія проходятъ безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ. Нужно только замѣтить, что зыряне до крайности боятся мертвыхъ и чувствуютъ къ нимъ отвращеніе. Никто изъ нихъ не рѣшится остаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ, почему ихъ тот-

часъ же послѣ смерти увозятъ въ церковь, при которой оставляютъ даже дровни, на которыхъ привезли гробъ.

Зырянинъ любить повеселиться, оттого-то, можетъ-быть, такъ и противна ему смерть. Чтобы видѣть, какъ беззавѣтно способенъ онъ предаваться веселью, для этого нужно заглянуть въ какую-нибудь зырянскую деревню въ день храмового праздника. Шумъ, пѣсни и драки — необходимыя принадлежности зырянскихъ праздниковъ, такъ что даже не безопасно проѣзжать въ эти дни разгула по зырянскимъ деревнямъ. Впрочемъ, утро праздничнаго дня зыряне проводятъ чинно, за обѣдней.

Подгулявшій зырянинъ всегда бываетъ нѣсколько опасенъ вслѣдствіе вспыльчивости, подозрительности и мстительности — чертъ, вообще свойственныхъ его характеру и составляющихъ, можетъ-быть, еще не успѣвшее изгладиться въ немъ наслѣдствіе полудикой жизни прадрѣдовъ. Впрочемъ, наслѣдство это начинаетъ уже принимать иныя, болѣе мягкія, формы, и прежнія подозрительность и мстительность проявляются теперь больше всего въ страсти зырянъ судиться.

Дѣйствительно, въ рѣдкой странѣ сутяжничество достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ зырянскомъ краѣ. Составители просьбъ здѣсь пользуются такимъ же почетомъ, какъ и колдуны. Зырянинъ, имѣющій дѣло, несмотря на то, правое оно или нѣтъ, всегда старается провести его чрезъ всѣ возможные инстанціи, подаетъ просьбы и жалобы всякому проѣзжему чиновнику и вообще тянетъ его до тѣхъ поръ, пока самъ не разорится.

Вышеупомянутая же склонность зырянъ къ употребленію вина объясняется столько же стремленіемъ ихъ къ веселью, сколько и суровостью и непріятностью той же природы, среди которой они проводятъ всю свою жизнь. Большую часть времени года зырянна окружаютъ длинныя зимы съ длинными ночами, снѣга, холодъ и морозы, страшныя вьюги и мятели, среди которыхъ онъ проводитъ время часто на одиночной охотѣ, въ глуши лѣсовъ, оставаясь тутъ иногда по нѣскольку недѣль безъ теплаго угла и вдали отъ своей семьи. При такихъ условіяхъ жизни легко, конечно, поддастся вліянію какого-нибудь возбуждающаго или согрѣвающего напитка, какъ это и случается съ зырянами. Но тутъ-то и высказывается снова умъ и смѣтливость этихъ сѣверянъ, не только полагающихся въ упомянутыхъ случаяхъ на силу вина, всегда разрушительнаго, сколько на такія простыя средства, какъ баня и вѣникъ.

Нужно знать, въ самомъ дѣлѣ, то значеніе, какое имѣютъ эти бани въ быту зырянъ, чтобы вполнѣ оцѣнить умѣнье ихъ приравливать къ суровой и грозной природѣ своего края. Баня (пывзянь) это—насущная потребность каждаго зырянна и главное средство у него отъ всѣхъ болѣзней, въ особенности отъ „перекрѣпу“, т. е. отъ того состоянія, когда человѣкъ прозябнетъ отъ мороза, что называется, до костей. Бани зырянскія топятся рѣшительно каждый день, не исключая и Свѣтлаго Христова Воскресенья. Каждый вечеръ въ зырянскихъ деревняхъ раздаются призывные крики: „пывзянь! пывзянь“! Всѣ ждутъ этого призыва

и отправляются въ бани, но не мыться, а только париться.

Сперва отправляются мужчины съ вѣниками въ рукахъ, босые, хотя бы на дворѣ стоялъ трескучій морозъ, и всегда въ однѣхъ рубахахъ, которыя снимаются у входа въ баню.

Бани, величиною отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ саженой въ квадратѣ, устраиваются почти такъ же, какъ и русскія, съ тою лишь разницею, что здѣсь полкъ бываетъ на одной высотѣ съ лавками, четверти на три отъ полу. Горячей воды вовсе не готовится, да и холодной лишь столько, сколько нужно для поддаванья. Въ каждую баню собирается человѣкъ десять. Раскаленная каменка, въ которой еще пылаютъ алые угли и надъ которою стоитъ синее облако чаду, производитъ жаръ градусовъ въ 70 и болѣе. Всѣ стоятъ: кто на полу, поближе къ каменкѣ, кто на полкѣ, кто на лавкахъ и то-и-дѣло поддаютъ жару. Паренье продолжается минутъ 8 или 10. Стариковъ, любящихъ такое удовольствіе, выводятъ изъ бани силою. Домой отправляются также въ однѣхъ рубахахъ и босые, а иногда еще останавливаются на улицѣ потолковать со встрѣтившимися знакомыми. Послѣ мужчинъ идутъ въ баню женщины, и также босикомъ, за исключеніемъ родильницъ.

И не только въ то время, когда живутъ дома, но и на промыслахъ зыряне не могутъ обходиться безъ бани. У нихъ и по лѣсамъ вездѣ поставлены „охотничьи избушки“, которыя на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ тѣ же бани и называются „пывзяными“ же. Печерскіе зыряне, застигнутые ночью въ лѣсу вдали отъ

„пывзянь“, парятся на открытомъ воздухѣ, часто на трескучемъ морозѣ. Для этого они нагрѣваютъ воду и готовятъ круглыя деревянныя, на длинныхъ ручьяткахъ скребницы; раздѣваются у огня, поливаютъ на себя горячую воду и скребницею очищаютъ потъ и грязь со всего тѣла, и затѣмъ уже ложатся спать.

Устройство подобнаго ночлега въ лѣсу, на снѣгу, подъ морознымъ небомъ, вдобавокъ послѣ горячей ванны, возможно только при изобрѣтательности зырянина же. Съ этою цѣлью устраиваетъ онъ шалашъ изъ еловыхъ вѣтвей, открытый съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Затѣмъ вырубаетъ два дерева, которыя съ одной стороны выдалбливаетъ, въ видѣ корыта, и кладетъ одно на другое краями такъ, что между ними образуется пустое пространство. Полу ю внутренность наполняетъ раскаленными углями. Отъ этого внутренность полости не воспламеняется, а только тлѣетъ, и изъ открытыхъ концовъ ея вылетаетъ, какъ изъ трубы, горячій дымъ.

Такимъ образомъ жаръ самъ собою поддерживается въ теченіе ночи, и зырянинъ, раздѣвшись и обративъ ноги къ этому согрѣвательному снаряду, спокойно спитъ въ своемъ шалашѣ на утопанномъ и устланномъ хвоею снѣгу, между тѣмъ какъ платье и обувь сохнутъ, развѣшанныя надъ тлѣющими бревнами.

Вотъ къ какимъ, все-таки сложнымъ, средствамъ иногда приходится прибѣгать зырянину, чтобы устроить себѣ какую-нибудь постель, можетъ-быть, всего лишь на одну ночь. На эту борьбу съ суровою природою, хотя и искусную, но бесплодную, и уходитъ у него почти все время. Немудрено послѣ этого, что зыряне,

вообще отличающіеся по природѣ своей веселымъ нравомъ и успѣвшіе изобрѣсти столько остроумныхъ средствъ и способовъ для борьбы съ холодомъ и непогодю, не успѣли до сихъ поръ сложить почти ни одной пѣсни, несмотря на свою любовь къ ней. Зато русскія пѣсни, наряду съ русскими же обычаями и вѣрованіями, зыряне быстро перенимаютъ, какъ бы радуясь тому, что ихъ избавляютъ отъ лишняго труда и даютъ готовое.

Почти все пѣсни, какія поются зырянами, чисто русскаго происхожденія, хотя и значительно исковерканы. Это все-таки не мѣшаетъ зырянину пѣть ихъ съ истиннымъ наслажденіемъ. За смысломъ пѣсни онъ, кажется, и не гонится особенно. Существуютъ, напримеръ, нѣсколько пѣсень чисто зырянскаго происхожденія, но зыряне успѣли затерять смыслъ и этихъ послѣднихъ.

Поэтическое чувство у зырянъ вообще сильно развито. Это особенно ярко высказывается въ томъ интересѣ, съ какимъ они относятся къ русскимъ сказкамъ и загадкамъ. Зыряне слушаютъ сказку, обыкновенно стоя и всегда съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто отъ конца сказки зависитъ по крайней мѣрѣ ихъ судьба.

Въ дѣлѣ торговли зыряне весьма смышленный народъ; они очень хорошіе купцы, ведущіе торговлю съ мѣстами, весьма далекими отъ ихъ постояннаго мѣста жительства. Въ этомъ отношеніи они очень далеко ушли впередъ отъ своихъ сосѣдей того же финскаго происхожденія, какъ и они сами. При этомъ они не пренебрегаютъ никакими средствами, пользуются слабостью

своихъ сосѣдей, чтобы съ выгодною обдѣлывать свои собственные дѣла. Лучше всего это испытали на себѣ самоѣды, обитающіе на сосѣдней тундрѣ и занимающіеся оленеводствомъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ эти самоѣды имѣли огромныя стада оленей и были полными хозяевами своей собственности. Нынѣ же дѣла совершенно измѣнились, и самоѣды обнищали, а зыряне, наоборотъ, обогатились на счетъ самоѣдовъ. Зыряне воспользовались тѣмъ, что самоѣды страстно любятъ водку и употребляютъ ее неумѣренно. Увиди это, зыряне начали возить на тундру крѣпкіе напитки и, пользуясь слабостью самоѣдовъ, спаивали ихъ водкою и заключали торговые сдѣлки, самыя невыгодныя для самоѣдовъ. За какой-нибудь полуштофъ водки, да притомъ еще скверной, они скупали у самоѣдовъ хорошихъ лисицъ, песцовъ, оленей. Прошло такимъ образомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и всѣ олени перешли къ зырянамъ, а прежній хозяинъ оленей вдругъ очутился наемнымъ пастухомъ у стада, когда-то ему принадлежавшаго, а нынѣ перешедшаго за водку къ хитрому зырянину.

Это, впрочемъ, относится до зырянъ, живущихъ въ Архангельской губерніи, у которыхъ жилища чисты, а въ деревняхъ—каменные церкви.

Вообще, многое въ зырянахъ доказываетъ ихъ даровитость и способность къ воспріятію высшей образованности. Но грозная природа зырянскаго края и разрозненность ихъ племени надолго задержали умственное развитіе зырянъ. Слабые по численности и разсѣянныя по громадной площади суроваго сѣверо-восточнаго края русской земли, зыряне долго и без-

плодно убивали свои разрозненные силы въ борьбѣ съ природою, пока, наконецъ, не появились среди ихъ русскіе, значительно увеличившіе собою населеніе тамошней страны и внесшіе свѣжія силы въ ряды мужественныхъ борцовъ съ сѣвѣрною природою. Безъ сомнѣнія, зыряне скоро окончательно сольются съ русскимъ народомъ и воспримутъ всю его образованность — и тогда, нужно думать, возможно будетъ окончательно побороть и суровую природу богатой Печерской страны, какъ нѣкогда поборолъ русскій столь же грозную природу на всей великой и обширной русской равнинѣ.

СВ. СТЕФАНЪ, ПРОСВѢТИТЕЛЬ ЗЫРЯНЪ.

Стефанъ родился въ городѣ Устюгѣ въ 1340 г. въ семьѣ клирика соборной церкви св. Богородицы. Съ молодыхъ лѣтъ онъ прилежно обучался грамотѣ, читалъ книги ветхаго и новаго завѣта и получилъ непреодолимое стремленіе къ жизни инока. Въ городѣ Ростовѣ былъ тогда монастырь св. Григорія Богослова, именуемый Затворъ, въ которомъ было много книгъ, и Стефанъ поступилъ въ него. Ревностно принялся онъ за чтеніе, переписывалъ св. книги и, „желая большаго разума“, научился греческому языку и овладѣлъ имъ въ совершенствѣ. Научившись зырянскому языку еще на родинѣ, онъ составилъ въ то же время зырянскую

азбуку, перевелъ на этотъ языкъ съ русскаго необходимой книги и всею душою предался мысли обратить зырянъ ко Христу. Получивъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима, поставившаго его въ іереи, и старѣйшихъ святителей московскихъ, взявши съ собою св. мощи, антимины, св. муро и все необходимое при освященіи церквей, Стефанъ отправился въ страну зырянъ, и съ этой минуты для него начинается жизнь великихъ и изумительныхъ подвиговъ любви къ Богу и къ ближнему.

Въ концѣ 1379 года Стефанъ появился среди зырянъ, жившихъ по рѣкѣ Вычегдѣ, и, поднимаясь вверхъ по теченію ея, началъ проповѣдь слова Божія. Быстро разнеслась вѣсть о немъ въ населеніи и когда, онъ пришелъ въ селеніе Гамъ, жители подстрекаемые волхвами, встрѣтили его съ враждой, намѣревались даже убить его. Но нравственное вліяніе его было такъ велико, что они приняли его и крестились, хотя тайно сохраняли вначалѣ привязанность къ своимъ кумирамъ. Въ то время селеніе Устьвымъ, при впаденіи рѣки Выми въ Вычегду, было средоточіемъ зырянскаго края, мѣстомъ многолюднымъ, и здѣсь находилась богатая кумирня, святины зырянъ, со священнымъ близъ нея деревомъ. Пришедши туда, Стефанъ поселился на горѣ, вблизи самой кумирни, привлекавшей къ себѣ народъ, и началъ учить Христовой вѣрѣ. Нѣкоторые изъ слышавшихъ вдохновенное слово святого крестились, часто приходили къ нему съ просьбами о вѣрѣ и привязались къ нему. Но въ большинствѣ онъ встрѣтилъ упорныхъ враговъ, преслѣдовавшихъ не только его, но и крестившихся угрозами

смерти и злобой. Однажды, когда Стефанъ былъ одинъ, язычники съ яростными воплями окружили его, грозя убить его стрѣлами. Но онъ безстрашно глядѣлъ на нихъ и сказалъ имъ: „Братья, обратитесь къ Господу Богу вѣрою, покаяніемъ и крещеніемъ. Тѣлесная смерть, которую нанесете мнѣ своими стрѣлами, малогодна, маловременна, скороминуема; но горе умереть душевною смертію; смерть души—вѣчная мука“. И язычники не сдѣлали ему никакого вреда. Такъ случилось неоднократно. Ревнуя о распространеніи истинной вѣры, Стефанъ поджегъ большую кумирницу зырянъ, когда около нея никого не было, а самъ сѣлъ вблизи, ожидая ея разрушенія. Съ топоромъ и дубинами приближались къ нему кумирники, когда она уже догорала вмѣстѣ съ идолами, и бросились на Стефана; но кротость его обезоружила ихъ, и онъ опять невредимо прошелъ между ними. Около 1380 года Стефанъ построилъ церковь во имя Благовѣщенія. Въ нее собирались и некрещеные, чтобы видѣть красоту церковнаго зданія и, уходя, говорили другъ другу: „Великъ Богъ христіанскій; видимъ, что Онъ разоритъ наши древніе храмы, требища и нашихъ боговъ, потому что мы не можемъ состязаться съ этимъ игуменомъ, пришедшимъ изъ Москвы“. Но нанести какой-либо вредъ Стефану они не рѣшались. „У него лихой обычай,—говорили они,—онъ не начинаетъ боя, но ожидаетъ начала отъ насъ. Если бы онъ дерзнулъ начало біенія, то давно былъ бы растерзанъ. Онъ долготерпѣливъ, и мы не знаемъ, что съ нимъ дѣлать“.

Поражало въ Стефанѣ зырянъ и его презрѣніе къ богатству. Когда христіанство среди зырянъ мало-по-

малу возросло, онъ ходилъ по странѣ со своими учениками и уничтожалъ богатыя кумирницы, ничего не беря изъ нихъ. „Добрый наставникъ!“ говорили ему крещеные; „скажи намъ, для чего ты изрубилъ такое богатство, которое было собрано въ нашихъ кумирницахъ, и пожегъ его огнемъ, а не взялъ для потребности своей и потребности живущихъ съ тобой учениковъ?“ Стефанъ отвѣчалъ имъ: „Вы сами знаете, что наши руки служатъ намъ для того, чтобы удовлетворить потребностямъ моимъ и со мною живущихъ. Я указывалъ вамъ, что, трудясь такимъ образомъ, слѣдуетъ помогать немощнымъ“. Тщетно волхвы, особенно старѣйшина ихъ, сотникъ той страны Памъ, старались противодѣйствовать Стефану. Народъ видѣлъ его духовную силу и презрѣніе къ смерти и постепенно становился на его сторону. Однажды Памъ предложилъ Стефану вмѣстѣ пройти сквозь огонь и воду для доказательства, чья вѣра лучше, и Стефанъ безстрашно пошелъ въ зажженную избу и потомъ въ прорубь, а кудесникъ отказался, и люди выдали его Стефану на смерть. Но проповѣдникъ отпустилъ врага, и тотъ былъ изгнанъ изъ предѣловъ зырянскихъ.

Распространивъ христіанство въ странѣ зырянъ, Стефанъ основалъ нѣсколько церквей, снабдивъ ихъ священными книгами, имъ же самимъ переведенными на зырянскій языкъ. Новая паства нуждалась въ епископѣ для поставленія священнослужителей и для другихъ дѣлъ церковнаго управленія, и въ 1383 году Стефанъ отправился въ Москву, къ великому князю Дмитрію Іоанновичу и митрополиту Пимену съ просьбою—дать землѣ архіерея. Но въ Москвѣ справедливо на-

шли, что лучше самого Стефана невозможно найти епископа для страны зырянъ, и онъ былъ возведенъ въ высокій санъ, хотя по смиренію своему не хотѣлъ его. Воротившись къ зырянамъ, онъ съ новой ревностью принялся за дѣло Христовой проповѣди, отыскивалъ еще не крещеныхъ и увѣщевалъ ихъ. Новгородцы, отъ которыхъ ускользала власть надъ страпою, два раза нападали на нее; въ другой разъ вогулы внесли въ нее мечъ и разореніе, и Стефанъ явился защитникомъ своей паствы. Къ вогуламъ онъ вышелъ самъ навстрѣчу въ облаченіи, и лицо его показалось имъ такимъ грознымъ, что они испугались и ушли, оставивъ все награбленное; новгородскихъ же ушкуйниковъ онъ заставилъ отказаться отъ злодѣяній увѣщаніями и самъ съѣздилъ въ Новгородъ хлопотать о зырянахъ. Когда въ 1387 году у зырянъ насталъ голодъ, епископъ роздалъ свой хлѣбъ неимущимъ и распорядился о подвозѣ его на лодкахъ изъ Устюга и Вологды. Всѣмъ этимъ онъ привлекалъ сердца, и проповѣдываемое имъ ученіе пустило среди зырянъ крѣпкіе корни.

Въ началѣ 1396 года Стефанъ былъ вызванъ въ Москву, куда онъ ѣздилъ въ 1390 году. Здѣсь 26 апрѣля онъ скончался и погребенъ въ монастырѣ св. Спаса, построенномъ Іоанномъ Калитою и стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ придворный соборъ, что Спасъ-на-Бору, въ московскомъ Кремлѣ. Церковь причла его къ лику святыхъ, и имя его встрѣчается уже въ мѣсяцесловахъ XV вѣка.

ЗЫРЯНЕ-ИЖЕМЦЫ.

(А. Ефименко).

„Что-то мало нынѣ ижемцевъ было на пинежской ярмаркѣ, не поѣсть будетъ вдоволь этотъ годъ печорской рыбки, а объ осетринѣ и думать позабудь!“ вздыхаетъ коренной архангельскій житель, любитель жирныхъ кулебякъ. „Спасибо этимъ ижемцамъ, покормятъ они насъ всякимъ добромъ“, приговариваетъ другой, уплетая вкусные олени языки подъ соусомъ. „А какъ дешево накупилъ я нынѣ бѣлки у ижемцевъ!“ сообщаетъ вамъ третій.

Однако, что же это такое за ижемцы? „А вотъ ижемцы сами и есть“, толкаетъ васъ вашъ спутникъ, который взялся показать вамъ зимній архангельскій базаръ. Вы всматриваетесь по указанному направленію и видите двѣ рослыя широкоплечія фигуры, съ головы до ногъ мохнатая—въ знакомой вамъ самоѣдской одеждѣ изъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ. Вотъ одна изъ нихъ обернулась: смуглое лицо съ выдавшимися скулами, съ маленькими черными глазами—ничего особеннаго. Но вашъ слухъ поражается ихъ рѣчью: говоръ русскій, и бойкій русскій говоръ, а между тѣмъ выговоръ какой-то странный гортанный, ударенія совсѣмъ неправильныя, окончанія словъ часто тоже. „Это зыряне съ Ижмы“, получаете вы объясненіе.

За дремучими лѣсами и пустынными тундрами живутъ ижемскіе крестьяне. Волость ихъ, изъ нѣсколькихъ селъ и деревень, широко раскинулась по Ижмѣ—небольшой рѣчкѣ, которая быстро бѣжитъ по своему каменистому и порожиному дну въ многоводную Печору. Самое значительное изъ этихъ селъ—Ижма.

Вотъ передъ нами это село. Тремя правильными рядами растянuloсь оно по правому низменному берегу рѣчки Ижмы.

Лѣтомъ, когда солнце освѣщаетъ окрестные цвѣтушіе луга, хвойные лѣса съ ихъ темною-темною зеленью, рѣзко отдѣляющеюся отъ яркой зелени луговъ и полей, когда оно отражается милліонами искръ въ мелкой ряби быстро бѣгущей рѣчки и блеститъ на золотыхъ макушкахъ бѣлыхъ каменныхъ церквей, которыя виднѣются тамъ и сямъ на горизонтѣ,—Ижма кажется очень красивою. Но лѣто коротко, длинная-длинная сѣверная зима съ своимъ холоднымъ бѣлымъ однообразіемъ уже совсѣмъ не такъ привлекательна, да намъ, пожалуй, и дѣла-то мало до красоты: мало ли красивыхъ мѣстъ на свѣтѣ и есть мѣста еще гораздо красивѣе,—не ради этого вздумали мы взглянуть поближе на Ижму. А вотъ, какъ тутъ человѣку живется—посмотримъ.

Куда жъ мы заглянемъ: въ эту ли старую одноэтажную избу съ черными стѣнами, съ подслѣповатыми окнами, прорубленными какъ попало, съ покривившимся узкимъ и шаткимъ крыльцомъ спереди, или въ этотъ большой двухъэтажный домъ правильной постройки, съ вышкою, съ службами, пристроенными сзади? Но надо думать, что довольство и изобиліе скорѣе прію-

тятся въ хорошемъ жилищѣ, чѣмъ въ дурномъ, а вѣдь ихъ-то мы и ищемъ, такъ какъ хотѣлось бы провѣрить слухи о томъ, что у ижемцовъ у каждаго за пазухой денегъ не по одной сотнѣ, а дома въ сундукахъ и счету не дашь, а Ижма—золотое дно.

Итакъ войдемъ въ новый двухъэтажный домъ.

А между тѣмъ въ избѣ суетится нѣсколько женщинъ—плотныхъ, смуглыхъ, широколицыхъ ижемокъ въ сарафанахъ и платкахъ, которыми повязаны ихъ черные волосы. Отчего же онѣ не позаботятся о чистотѣ и порядкѣ?

Спрашивать ихъ объ этомъ бесполезно: онѣ васъ не поймутъ, такъ какъ совсѣмъ не понимаютъ по-русски. Мужчины же хотя и поймутъ, но удивятся вашему вопросу и отвѣтятъ: чего же еще нужно? и такъ „порато дородно“ (очень хорошо).

Вы могли уже сообразить, что тутъ неряшливость происходитъ не отъ нужды, какъ бываетъ иногда. Хотите убѣдиться въ этомъ окончательно, воспользуемся радушнымъ приглашеніемъ хозяина отвѣдать его хлѣба-соли; да, впрочемъ, отъ этого приглашенія совѣстно и отказаться,—такъ оно полно искренняго желанія оказать вамъ гостепріимство. Видно, что у ижемца есть чѣмъ угостить гостя, что его кладовыя наполнены припасами: мясо оленей, дичь, разная рыба, лакомые оленины языки и губы—есть изъ чего приготовить питательный и вкусный обѣдъ. Но Боже! въ какомъ видѣ является все это на столъ ижемца! Прокислая рыба заражаетъ воздухъ зловоніемъ; соленое мясо тоже. Щи изъ свѣжей оленины, съ примѣсью ржаной муки и борща (одно растеніе изъ семейства зонтич-

ныхъ, которое ижемцы квасятъ и употребляютъ какъ мы капусту), приготовлены такъ, что почти невозможно проглотить ихъ и одной ложки: довольно сказать, что мясо при приготовленіи не моется, хотя бы на немъ былъ толстый слой грязи. Кисель изъ оленьихъ жилъ съ примѣсью молока и муки кажется вамъ совсѣмъ невкуснымъ, ужъ помимо того, чисто или нѣтъ онъ приготовленъ; сырой мороженой рыбы, которую ѣдятъ за лакомство, вамъ не съѣсть и самаго тоненькаго ломтика. А между тѣмъ ижемцамъ и нравится въ ихъ кушаньяхъ именно то, что вамъ противно — ихъ острый непріятный запахъ, заражающій воздухъ, ихъ прокислый, ѣдкій вкусъ. Но о вкусахъ не спорятъ, и какъ бы то ни было, а мы могли убѣдиться, что тѣ ижемцы, съ которыми мы познакомились, въ самомъ дѣлѣ имѣютъ все, что имъ нужно, въ самомъ дѣлѣ живутъ въ довольствѣ, — есть правда въ народной молвѣ.

Такъ ли наполнены казной ихъ сундуки, какъ гласить та же молва, это дѣло темное, но деньги у нихъ несомнѣнно водятся.

Однакожъ пора бы вамъ и поразузнать, откуда берутъ ижемцы свой достатокъ. Природа кругомъ такая скудная, скупая, вполне наша сѣверная природа — мачеха. Полей около села мало, и они обработаны такъ небрежно, что о хлѣбѣ для всей Ижмы нечего думать даже и въ рѣдкіе урожайные годы; да ижемцы и ѣдятъ хлѣба очень мало, замѣняя его оленьимъ мясомъ; даже молоко они ѣдятъ съ мясомъ. Значить, не поля источникъ богатства. Лѣса, которые обступили Ижму, съ ихъ звѣрями и птицами, рыбная рѣка, — но то и

другое вмѣстѣ едва-едва можетъ прокормить человѣка, какъ мы увидимъ дальше. А больше и ничего вѣтъ кругомъ, изъ чего бы можно было добыть богатство. Такъ какъ же?

Спросимъ объ этомъ у нашего радушнаго хозяина-ижемпа. Что за странность? Нашъ вопросъ, повидимому, ему въ высшей степени неприятенъ. Неужели онъ добль свой достатокъ не честнымъ трудомъ? И вдругъ въ головѣ у васъ мелькнули слова, слышанныя мимоходомъ: „Не добромъ разжились эти ижемцы, тяжелымъ грѣхомъ лежитъ у нихъ на совѣсти самоѣдская тундра. А, такъ тутъ, дѣйствительно, что-то кроется; но что же?

А вотъ что. На сѣверъ, востокъ и западъ отъ Ижмы тянется то громадное промерзшее моховое болото, усѣянное клочками, которое называется тундрой. Богъ знаетъ, съ какихъ давнихъ временъ поселилось на этой тундрѣ самоѣдское племя. Проходили столѣтiя, а полудикари-самоѣды все бродили мирно изъ края въ край своей тундры со стадами оленей, безъ которыхъ совсѣмъ нельзя было бы существовать въ тундрѣ: олень давалъ имъ средства удовлетворять ихъ незначительнымъ жизненнымъ потребностямъ, и они не желали лучшаго, потому что ничего не знали о немъ, объ этомъ лучшемъ. Но будущее готовило имъ печальную перемену въ ихъ судьбѣ. На рѣкѣ Ижмѣ, по сосѣдству съ тундрой, поселились зыряне, которые придвинулись сюда съ юга, отыскивая средства къ существованiю. Но и на новыхъ мѣстахъ, на рѣкѣ Ижмѣ, этихъ средствъ было мало: охота, рыбная ловля, жалкое земледѣлiе едва прокармливали новыхъ по-

селенцевъ. Но зыряне-ижемцы оказались такими людьми, которые не довольствуются своимъ малымъ, если могутъ достать больше хоть бы и несправедливымъ путемъ, хоть бы и насчетъ страданій своего ближняго. Присматривались-присматривались они къ самоѣдамъ, съ которыми приходилось сталкиваться на промыслахъ, и убѣдились, что они куда смышленѣе своихъ сосѣдей, что самоѣдъ и добродушенъ, и довѣрчивъ, и недалеко крайне, что самоѣдскіе олени—это настоящій кладъ, особенно если съ ними обращаются умѣючи. Еще замѣтили ижемцы, что водка очень нравится самоѣдамъ.

И вотъ начали они все чаще и чаще навѣдываться въ чумы своихъ сосѣдей, начали возить къ нимъ разныя разности для обмѣна на оленей и звѣриныя шкуры; особенно часто и много возили они водку. Пили самоѣды, дурѣли отъ водки, отдавали за ничто и своихъ оленей и дорогіе мѣха, разорялись, попадали въ кабалу къ ижемцамъ, которые заставляли добродушныхъ самоѣдовъ отплачивать за долги пожизненною работою на себя, заставляли не только самихъ должниковъ, но и ихъ дѣтей, ихъ внуковъ.

И пришелъ конецъ прежней мирной, довольной жизни самоѣдовъ. Жалкіе остатки прежнихъ стадъ уже не могутъ ихъ такъ пропитывать, какъ прежде, звѣринные промыслы въ тундрѣ также захвачены ижемцами и русскими, водка тоже дѣлаетъ свое дѣло—и все хуже и хуже становится жить самоѣдамъ; все уменьшается и уменьшается ихъ число: „вымираетъ“, какъ говорятъ ученые люди, бѣдное самоѣдское племя. Зато какъ разбогатѣла и разрослась Ижма! Въмѣсто преж-

няго жалкаго поселка—большое село, которое мы уже видѣли; вокругъ славнаго села появились новыя ижемскія деревни и села съ хорошими каменными церквами.

И вотъ вы, сидя подѣ окномъ ижемскаго дома, можете видѣть, какъ тянется по улицѣ нищее самоѣдское семейство, останавливаясь подѣ окнами или входя въ избы за милостыней, въ которой ижемцы,—надо отдать имъ честь,—никогда не отказываютъ. Самоѣдка съ худымъ грязно-желтымъ лицомъ и торчащими скулами тащитъ за собою въ санкахъ, несмотря на тридцати-градусный морозъ, грудного ребенка; двое другихъ дѣтей, лохматыхъ, грязныхъ, съ непокрытыми головами, плетутся рядомъ; самоѣдъ, такой же оборванный, какъ и вся семья, зашелъ въ кабакъ, откуда выходитъ уже пошатываясь: онъ пропилъ то, что успѣла собирать семья. Что жъ они будутъ ѣсть? Грустно; вы пригорюнились. Но это беспокоитъ вашего радушнаго хозяина-ижемца. Онъ предлагаетъ вамъ поразвлечься, посмотреть на бой оленей, который назначенъ на сегодня.

Въ самомъ дѣлѣ, замѣтно, что или происходитъ или должно произойти въ селѣ что-нибудь особенное. На улицахъ необыкновенное движеніе. Мужчины, женщины, дѣти, тепло одѣтыя въ свои оленьи шкуры, куда-то спѣшатъ, всѣ въ одну сторону. Вы—за ними. Посреди лѣсной поляны, недалеко отъ села, разбитъ чумъ—самоѣдская палатка изъ оленьихъ шкуръ.

Около чума весело суетятся двадцать-тридцать ижемцевъ, вооруженныхъ длинными винтовками: кто доѣдаетъ кусокъ, кто допиваетъ водку; видно, что кончаютъ завтракъ, остатки котораго видѣются въ чуму,

около разложеннаго посреди огня. Между тѣмъ изъ лѣсу показываются олени, которыхъ выгоняютъ на поляну, при помощи собакъ, самоѣды—ижемскіе работники. Уже множество оленей разбрелось по полянѣ; разсыпались по ней и ижемцы съ винтовками. Вотъ раздается выстрѣлъ, шатается и падаетъ одно изъ бѣдныхъ животныхъ. Затѣмъ еще выстрѣлъ, еще и еще, и выстрѣлы гремятъ уже непрерывно. Олени не пугаются, не бѣгутъ отъ выстрѣловъ, а валятся одинъ за другимъ, обливая снѣгъ своею кровью. Между тѣмъ самоѣды таскаютъ подстрѣленныхъ животныхъ къ чуму, сдираютъ съ нихъ шкуры и складываютъ на приготовленные заранѣ сани.

Ранніе сумерки смѣняютъ зимній сѣверный день; сильно порѣдѣли ряды оленей, порѣдѣла и толпа зрителей, которая все время съ видимымъ удовольствіемъ слѣдила за этимъ тяжелымъ зрѣлищемъ. Около чума разложили огонь, начались приготовленія къ ужину; вотъ замолкъ послѣдній выстрѣлъ, и охотники собрались къ чуму, чтобы закончить день веселою ѣдой, сопровождаемой смѣхомъ и шумнымъ разговоромъ.

Странно, что ижемцы видятъ въ этой гадкой бойнѣ не дѣло тяжелой необходимости, а скорѣе пріятное развлеченіе, и не только мужчины, даже женщины и дѣти. Бѣднымъ изъ ижемцевъ и самоѣдамъ бой оленей представляетъ, сверхъ того, и выгодную работу: за свое участіе въ дѣлѣ они получаютъ кровь и внутренности убитыхъ животныхъ, которымъ они рады, какъ питательной прибавкѣ къ своей скудной пищѣ. Часть шкуръ и мяса хозяева-ижемцы откладываютъ для домашняго употребленія, остальное идетъ въ про-

дажу. Ижемцы не ждут покупателей, а сами отвозят свой товар на какую-нибудь ярмарку, иногда очень далеко, даже въ Сибирь; тамъ покупаютъ они новаго товара, какой считаютъ за выгодный, везутъ его на другую ярмарку, чтобы перепродать съ барышомъ, и такъ-то зашибаютъ они порядочную деньгу. Нечего сказать, дѣятельный они народъ и толковый, не чета лѣнливымъ простакамъ-самоѣдамъ, которые никогда бы не придумали извлечь изъ оленя столько выгоды, сколько извлекаютъ ижемцы. А все-таки они разжились неправдой, кровною обидой горемычнаго самоѣдскаго племени. Что бы было съ ижемцами безъ самоѣдовъ, безъ ихъ тундры и оленей?

А было бы то же, что и съ остальными архангельскими зырянками, которые живутъ не доходами отъ оленьихъ стадъ и торговлею, а рыбною и звѣриною ловлей. Жалкія избенки, кое-какъ вырубленные, погнили и покривились; пристроекъ для скота совсѣмъ нѣтъ или самыя ничтожныя; не для чего ихъ строить: въ цѣломъ поселкѣ всего-на-всего нѣсколько тощихъ коровъ, двѣ-три лошаденки да съ десятокъ овецъ. Изба, что снаружи, то и внутри. Въ стѣнахъ ея прорублено, какъ ни попало, нѣсколько отверстій, и сквозь вставленные въ нихъ кусочки стекла едва пробивается тусклый дневной свѣтъ. Но и такого свѣта довольно, чтобъ разсмотрѣть всю убогую обстановку избы, да и разсматривать-то почти нечего, — такъ все голо и бѣдно. Черныя отъ дыма и грязи лавки со столомъ, — все самой грубой работы, — да нѣсколько необходимѣйшей утвари около глиняной немазаной печки — и ничего больше. Обдастъ холодомъ, сыростью, гнилью. А какъ

жалко выглядят бѣдные обитатели этихъ убогихъ жилищъ, какъ болѣзненно-хилы ихъ старики, какъ блѣдны и вялы ихъ дѣтки. Да и не мудро, особенно какъ посмотрѣть, что они ѣдятъ. Хлѣбъ ржаной или ячменный печется больше изъ мякины, чѣмъ изъ настоящей муки, но они довольны, когда есть и этотъ хлѣбъ; а то часто случается, что его нѣтъ; надо готовить себѣ такъ-называемый „голодный хлѣбецъ“.

Высушать листья рябины или кору какую-нибудь, смелютъ, смѣшаютъ съ мякиною и молокомъ, кое-какъ слѣпятъ лепешку,—вотъ и голодный хлѣбецъ. Хорошо, когда есть рыба или птица или, вообще, что-нибудь питательное, съ чѣмъ можно ѣсть этотъ хлѣбецъ, а то совсѣмъ бѣда.

А богатые ижемцы и тутъ находятъ случай воспользоваться нуждой ближняго для своей выгоды. Случится въ ихъ тундрѣ падежъ на оленей,—это нерѣдко бываетъ,—ижемецъ рѣжетъ заболѣвшихъ животныхъ и везетъ ихъ на продажу бѣднымъ своимъ землякамъ; иной, побезсовѣстнѣй, и дохлаго туда же взвалить на сани. Ну, а голодные бѣдняки и рады дешевому мясу.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ

Сѣвернаго края Европейской Россіи.

Сѣвернымъ краемъ Европейской Россіи называютъ двѣ ея губерніи: Архангельскую и Вологодскую, составляющія по природѣ, населенію и промысламъ какъ бы отдѣльную Бѣломорскую область. На крайнемъ востокѣ она опирается на сѣверную оконечность Уральского хребта, за которымъ начинается уже Сибирь; на югѣ примыкаетъ къ Вятской и Пермской губерніямъ, снабжающимъ сѣверную область хлѣбомъ; съ юга же желѣзной дороги на Вологду Бѣломорская область получаетъ московскія мануфактурныя издѣлія, вза-мѣнъ своихъ произведеній молочнаго хозяйства и охоты. На западѣ Сѣверный край граничитъ озерною областью, откуда шло сюда русское населеніе уже за 600 лѣтъ тому назадъ. На сѣверѣ область омывается непривѣтливымъ Ледовитымъ океаномъ и частью его— Бѣлымъ моремъ. Сюда-то стремятся главныя рѣки этой области, каковы: Сѣверная Двина, Онега, Мезень и Печора. По климату Сѣверный край представляется для жизни человѣка самымъ неблагопріятнымъ. Только вблизи Вологды становится теплѣе, и при иловатой плодородной почвѣ вполнѣ возможно земледѣліе и осѣдлая жизнь населенія; остальная же часть на двухъ третяхъ своего пространства состоитъ изъ сплошныхъ непчатыхъ болотистыхъ лѣсовъ, среди кото-

рыхъ попадаются обширныя непролазныя моховыя болота. Вблизи большихъ рѣкъ встрѣчаются высокія сухія мѣста, гдѣ населеніе дѣлаетъ расчистку лѣса, выжигаетъ его и такимъ образомъ можетъ добыть себѣ удобныя клочки земли для посѣва хлѣба. Далѣе къ сѣверу суровые холода и вѣтры не позволяютъ дереву высоко подняться, и роскошный сѣверный лѣсъ превращается въ низкорослый кустарникъ, за которымъ уже невозможна осѣдлая жизнь: мертвая, безжизненная тундра окутываетъ своимъ въ лѣтнее время сѣрымъ ягелемъ, а въ зимнее бѣлымъ снѣжнымъ саваномъ всю земную поверхность. Тутъ древесныя породы ползутъ и стелятся по землѣ, хлѣбъ не можетъ взрѣть въ теченіе кратковременнаго лѣта, а человѣкъ становится бродячимъ оленеводомъ. По обширности Вѣломорская область не имѣетъ себѣ равной въ Европейской Россіи; такъ, она занимаетъ болѣе ста милліоновъ десятинаъ земли безъ острововъ, т. е. одну пятую часть Европейской Россіи, а жителей здѣсь насчитываютъ только 1,350,000 обоюго пола, которые въ дѣйствительномъ владѣніи имѣютъ 6,000,000 десятинаъ удобной для обработки земли. Главная масса населенія расположена по рѣкамъ: Вага, Сухона, Югъ и Луза; плодородная почва этой части Сѣвернаго края даетъ хлѣбный избытокъ мѣстному, исключительно русскому населенію. Вдали же отъ этихъ рѣкъ населенія встрѣчается все меньше и меньше; хлѣба далеко не достаетъ для прокормленія, и если бы не охота, лѣсные промыслы и рыболовство, то мѣстному населенію незачѣмъ было бы и жить въ этой мѣстности. Самое рѣдкое населеніе — исключительно финское — имѣетъ двѣ

области: Мезенско-Печорская и Лапландія. Избытокъ хлѣба (пшеница, рожь, ячмень и картофель) Сухоно-Югской области идетъ или на мѣстные винокуренные заводы или направляется внизъ по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ къ архангельскому порту. Въ Двинско-Онежской мѣстности, равно какъ и въ Пинежско-Вычегодской преобладающимъ хлѣбомъ является только ячмень. Въ Мезенско-Печорской области и Лапландской населеніе принуждено пробавляться привознымъ хлѣбомъ съ примѣсью, зачастую, измельченной въ муку березовой коры. Помимо хлѣбопашества важнымъ промысломъ въ Сухоно-Югской области служить льноводство, такъ какъ десятина подъ посѣвомъ льна даетъ до 48 руб. чистаго дохода, между тѣмъ какъ средній доходъ съ десятины подъ хлѣбомъ едва даетъ 20 руб. Большое количество мѣстнаго льна перерабатывается на огромной прядильно-полотняной фабрикѣ купца Гриванова въ Устюгскомъ уѣздѣ (на сумму до 800,000 руб. въ годъ при 1,200 рабочихъ). Впрочемъ, пряденіе льна и выдѣлка холста такъ распространены въ этомъ краѣ, что по окончаніи полевыхъ работъ всѣ деревенскіе женщины и даже мужчины принимаются за этотъ промыселъ. Здѣсь же занимаются вязаньемъ рыболовныхъ сѣтей, а въ самой Вологдѣ сосредоточено плетеніе кружевъ, которыя находятъ себѣ хорошій сбытъ въ Петербургѣ и даже за границу. Изъ льняного трепья этого края выдѣлывается на двухъ фабрикахъ писчая бумага. По скотоводству Бѣломорская область славится превосходной холмогорской породой; она произошла отъ голландской, привезенной въ Россію при Петрѣ Великомъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги

изъ Москвы на Вологду здѣсь стали быстро увеличиваться сыроваренные заводы, производящіе ежегодно сыру для столицъ на 50,000 рублей. Въ послѣднее время нашъ сыръ, русскій честеръ, нашелъ себѣ хорошій сбытъ и въ Англіи. Изъ другихъ животныхъ только олень имѣетъ несомнѣнную важность въ полосѣ тундры, но, къ сожалѣнію, замѣчаютъ сильное уменьшеніе этого полезнаго животнаго на крайнемъ Сѣверѣ. Изъ другихъ видовъ обрабатывающей промышленности довольно много рукъ занимаетъ кожевенное и овчинное производства, обдѣлка щетины и массы роговыхъ издѣлій: гребней, аптекарскихъ вещей, пороховницъ и проч. Безграничные лѣса этого края породили лѣсной промыселъ: заготовка лѣснаго матеріала (на 20 лѣсопильныхъ заводахъ производится товару на 2,000,000 руб. ежегодно), судостроеніе, смолокуреніе, а также множество мелкихъ кустарныхъ промысловъ, каковы: выдѣлка спичекъ, деревянной посуды, рогожъ и проч.

Часть населенія Сѣвернаго края принуждена искать себѣ пропитанія не только въ рыбныхъ богатствахъ большихъ рѣкъ, но и въ морскихъ звѣриныхъ промыслахъ; здѣсь ежегодно этимъ занято до 20,000 человекъ, при чемъ заработка на каждого промышленника придется до 40 рублей.

Наименьшую часть промысловъ въ этомъ краѣ доставляютъ минеральныя богатства. Сюда относятся кузнечный промыселъ: въ Вел. Устюгѣ дѣлается въ годъ до 40,000 шкатулокъ съ секретными замками, околоченныхъ снаружи жестью бѣлаго, желтаго или зеленаго цвѣта, съ узорами на подобіе образуемыхъ

морозомъ на оконныхъ стеклахъ; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ дѣлаются мелкіе желѣзные замки отъ 60 до 100 въ золотникѣ; всѣмъ извѣстны устюжскія работы по серебру чернью; въ Пинежско-Вычегодской мѣстности добываются точила, брусья; солевареніе играетъ тоже немалую роль; соль вываривается изъ морскихъ рассоловъ, а въ будущемъ предстоитъ большое значеніе нефтяному промыслу.

Торговому оживленію въ Сѣверномъ краѣ способствуютъ большіе водяные пути по Сѣверной Двинѣ, Югу и Сухонѣ, Лузѣ, притоку Юга, Вычегдѣ, Пинегѣ и Вагѣ. Эта обширная естественная водная сѣтъ въ верховыхъ частяхъ своихъ соединяется важными *волоками* съ ближайшими уѣздами Вятской и Костромской губерній, а Вологодская пристань соединена узкоколейною желѣзною дорогою съ Волгой и Москвою. Бассейнъ рѣки Печоры подходитъ близко къ камскому бассейну Пермской губерніи. Избытокъ произведеній Бѣломорской области направляется внизъ по теченію рѣкъ, преимущественно къ архангельскому и отчасти къ онежскому портамъ, для вывоза за границу ежегодно миллионовъ на 9. Главнымъ предметомъ отпуска служатъ: ленъ, льняная пакля и сѣмя, далѣе хлѣбъ и лѣсные произведенія. Главный предметъ ввоза составляетъ норвежская рыба, соль и мануфактурныя издѣлія. Внутренняя торговля края оживляется значительными ярмарками, каковы: въ Архангельскѣ Маргаритинская, въ Шенкурскѣ, Пинегѣ, Вологдѣ и другихъ городахъ. Вотъ и всѣ главные источники промышленности, съ которыхъ населеніе Сѣвернаго края должно добыть себѣ средства для покупки недостаю-

щаго ему хлѣба, рыбы, для удовлетворенія потребностей своего жилища, одежды, утвари, орудій земледѣлія и промысла и, наконецъ, для уплаты лежащихъ на немъ податей и повинностей. При всемъ трудолюбіи населенія его благосостоянію сильно вредятъ слѣдующія естественныя причины: ледяная кора, окутывающая и сковывающая земную и водную поверхности въ теченіе двухъ третей года, недоступность для обитанія большей части земель области и суровый климатъ, посреди лѣта убивающій въ двѣ или три ночи плоды усиленныхъ трудовъ земледѣльца и производящій столь часто мѣстные и общіе неурожая.

Конецъ I-го тома.

Ж 1819 Н.

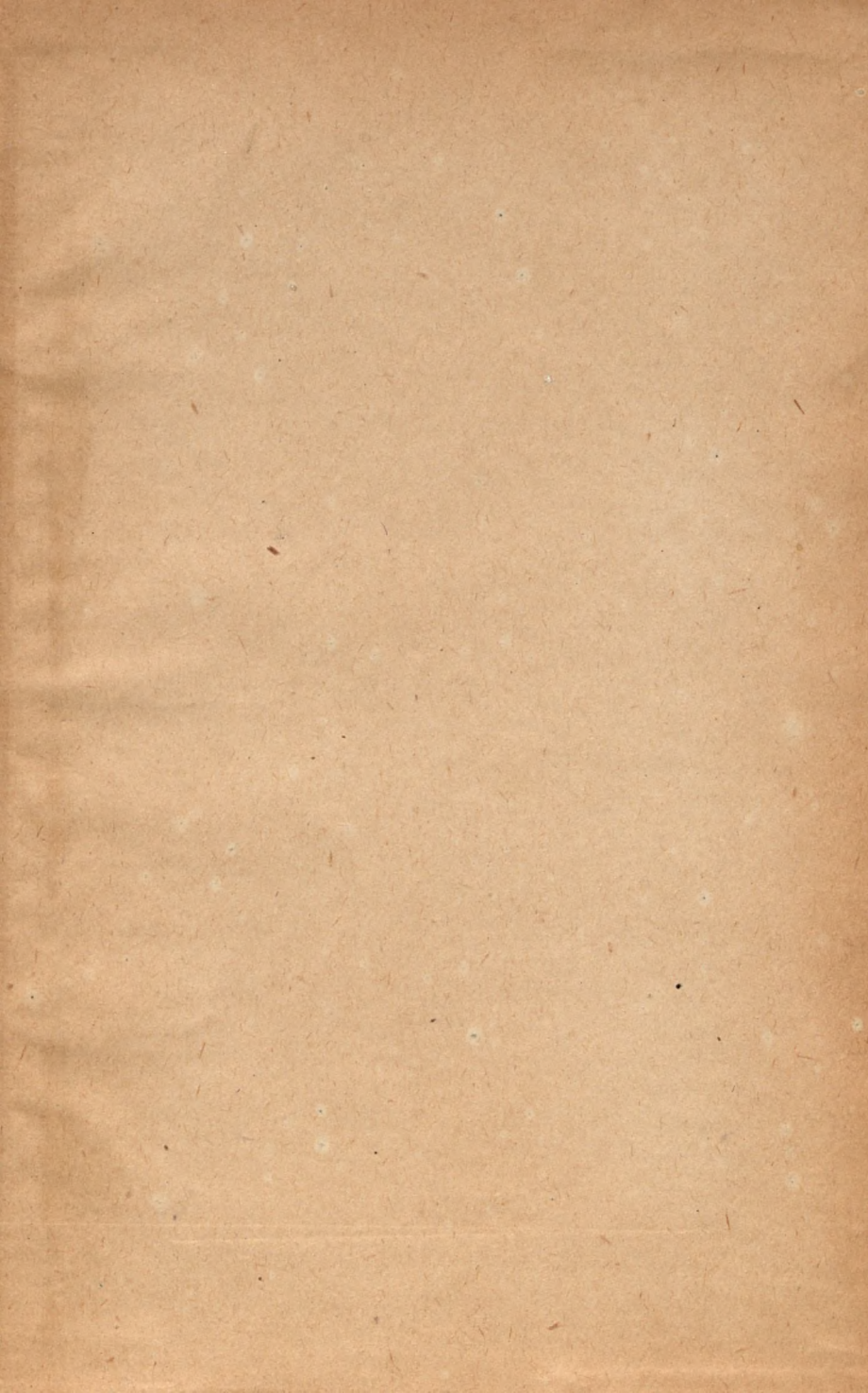
О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе.....	3
Архангельскій край.....	5
Лѣсная полоса.....	9
Луговая полоса.....	14
Тундра.....	15
Соловецкая обитель.....	19
Соловки.....	29
Сійскій монастырь св. Антонія.....	42
Поморье.....	49
Охота на медвѣдя.....	64
Дремучіе лѣса.....	72
Въ лѣсахъ Архангельской губерніи.....	92
По тундрѣ къ самоѣдамъ.....	103
Вѣдствія четырехъ русскихъ китолововъ.....	118
Два года на льдинѣ.....	129
Новая земля.....	140
Морскіе промыслы крайняго Сѣвера.....	146
По дорогѣ въ Колу.....	179
Лапландія и ея обитатели лопари.....	188
Зыряне.....	198
Св. Стефанъ, просвѣтитель зырянъ.....	214
Зыряне-пжемцы.....	219
Общій очеркъ.....	229

**СѢВЕРНЫЙ
КРАЙ
РОССІИ**

0 100 200 300 версты

Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie

324100

T.1

1000084394